

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

ЛИОНЕСС
ТОМ II

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Зеленая жемчужина.
Лионесс. Том II**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Зеленая жемчужина. Лионесс. Том II / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935985-8

Во втором томе трилогии, «Зеленая жемчужина», король Эйлас защищает население Старейших островов от разбойников ска и от короля Казмира. Тем временем в мире чародеев происходят судьбоносные события. Средоточием ненависти ведьмы Десмёи к мужскому полу стала зеленая жемчужина, вызывающая алчность у каждого ее обладателя; волшебник похищает воспитанницу Эйласа Глинет, чтобы спровоцировать Эйласа и его друзей на безнадежное спасательное предприятие на причудливой планете в другом измерении.

ISBN 978-5-44-935985-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	9
3	14
4	17
5	28
Глава 2	30
1	30
2	32
3	36
Глава 3	40
1	40
2	44
3	47
4	54
5	56
6	57
7	62
Глава 4	64
1	64
2	67
3	69
Глава 5	74
1	74
2	78
3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Зеленая жемчужина Лионесс. Том II

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2018

© Александр Фет, перевод, 2018

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5985-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-5986-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Висбьюме, ученик недавно почившего чародея Ипполито, надеялся исполнять прежние обязанности под руководством Тамурелло, но получил отказ. Тогда Висбьюме, присвоивший движимое имущество Ипполито, предложил в продажу ящик, содержавший часть этого наследства. Тамурелло бегло просмотрел содержимое ящика, заметил несколько интересовавших его вещей и уплатил столько, сколько запросил Висбьюме.

На дне ящика лежали обрывки древней рукописи. Когда слухи о покупке Тамурелло случайно достигли ушей ведьмы Десмёи, той пришло в голову, что эти фрагменты могли заполнить прорехи в манускрипте, текст которого она давно пыталась восстановить. Десмёи незамедлительно отправилась в усадьбу Фароли в Тантревальском лесу, где обосновался Тамурелло, и попросила разрешения просмотреть остатки рукописи.

Тамурелло великодушно разложил перед ней драгоценный хлам: «Это недостающие куски?»

Десмёи наклонилась к потемневшим обрывкам пергамента: «Они самые!»

«В таком случае они твои! – объявил Тамурелло. – Прими мои поздравления и возьми их с собой».

«Так и сделаю – с благодарностью!» – отозвалась Десмёи. Складывая фрагменты в портфель, ведьма краем глаза изучала стоявшего рядом чародея.

«Странно, что мы никогда раньше не встречались», – заметила она.

Улыбнувшись, Тамурелло согласился: «Мир велик и разнообразен – на каждом шагу нас подстерегают новые впечатления и знакомства, главным образом приятные». Чародей галантно поклонился, не оставляя сомнений в том, что имеет в виду свою гостью.

«Хорошо сказано, Тамурелло! – отозвалась Десмёи. – Признáюсь, не ожидала от тебя такого великодушия и такой любезности».

«В свое время все находит полезное применение. Не желаешь ли немного выпить и закусь? Вот мягчайшее вино, его делают из сока, выжатого в Альхадре».

Поначалу они обсуждали интриговавшие их концепции и условия бытия. Десмёи, находившая, что исходящая от Тамурелло жизненная сила стимулирует ее способности, решила сделать чародея своим любовником.

Тамурелло, всегда готовый попробовать что-нибудь новое, не возражал. Его энергия не уступала страстной увлеченности Десмёи, и на протяжении нескольких месяцев их отношения можно было назвать близкими и безоблачными. Тем не менее, со временем Тамурелло все острее ощущал, что ведьме не хватало – причем возмутительно не хватало – безопасности и грации. Его привязанность стала все чаще сменяться холодностью, что вызывало у Десмёи мучительную тревогу. Поначалу она предпочитала истолковывать такие приступы безразличия как уловку пресыщенного любовными утехами баловня, призванную заново разжечь угасающее пламя страсти. Ведьма тоже принялась изобретать всевозможные хитрости, чтобы привлечь его внимание.

Но Тамурелло становился нечувствительным к ее докучливым ухаживаниям. Десмёи проводила в его обществе долгие часы, анализируя различные стадии их взаимоотношений, в то время как Тамурелло пил вино и угрюмо смотрел в окно, разглядывая кроны деревьев.

Десмёи поняла, что вздохи и сентиментальные рассуждения больше не действовали на чародея. Лесть равным образом оставляла его равнодушным, а упреки только наводили на него скуку. Раздраженная и уязвленная, Десмёи вскользь упомянула о бывшем любовнике,

причинявшем ей неприятности, и намекнула на зловключения, с тех пор неизменно преследовавшие ее незадачливого кавалера. Наконец ей удалось снова привлечь внимание Тамурелло! Она тут же сменила тему разговора, вспомнив о вещах забавных и безобидных.

Тамурелло решил проявить предусмотрительность, и некоторое время ведьме не на что было пожаловаться.

Проведя утомительный месяц, Тамурелло понял, что больше не может изображать пылкость с остекленевшими от скуки глазами. Он снова стал избегать общества Десмёи, но теперь она лучше понимала, какими побуждениями он руководствуется, и быстро сломила сопротивление.

Отчаявшись, Тамурелло уединился в лаборатории и произнес малоизвестное заклинание, напустившее на Десмёи порчу опустошенности и томления, действовавшую подспудно и настолько ненавязчиво, что ведьма не заметила, когда и как начало изменяться ее мироощущение. Мало-помалу ведьма теряла интерес к жизни, к ее убогой суете, тщетным устремлениям и бессмысленным удовольствиям – причем была настолько убеждена в самопроизвольности и обоснованности ее отчуждения, что ей не приходила в голову даже возможность внешнего влияния. С точки зрения Тамурелло, его подход к решению проблемы увенчался успехом.

Некоторое время Десмёи бродила в мрачной задумчивости по просторным, наполненным морским ветром залам своего прибрежного дворца на окраине Исса, и в конце концов решила покинуть этот мир и тем самым прервать неизбывную тоску существования. Она приготовилась к смерти и вышла на террасу, чтобы в последний раз полюбоваться на закат.

В полночь полупрозрачная сфера, наполненная скорбным прощальным посланием, поднялась над ее дворцом, перелетела горы и опустилась в Фароли. Но рассвет не принес ответного сообщения.

Десмёи долго размышляла о возможных причинах молчания Тамурелло, и наконец стала подозревать наличие связи между его отчуждением и ее безнадежным состоянием.

Да, она приняла безвозвратное решение покончить с собой. Но приближение конца обострило ее чувства, и Десмёи сумела разработать изумительную последовательность заклинаний и рецептур, доселе неслыханную среди чародеев.

Трудно сказать, какими именно побуждениями она руководствовалась в эти последние минуты жизни, так как мысли ее были поглощены расплывчатыми, сверхъестественными видениями. Несомненно, она стремилась отомстить погубившему ее предателю – но, судя по всему, помимо ненависти и озлобления ею двигали творческие прозрения. Так или иначе, ей удалось создать пару шедевров. Возможно, она надеялась, что ее порождения получат признание как отображения ее идеализированной внутренней сущности, и что красота этих творений, а также их символическое значение, окажут воздействие на Тамурелло.

С учетом дальнейших событий¹ приходится сделать вывод, что Десмёи добилась лишь сомнительного успеха в своем начинании, и что в конечном счете восторжествовал – если в данном случае применимо такое выражение – не кто иной, как Тамурелло.

Стремясь к достижению своих целей, Десмёи пользовалась самыми различными материалами, в том числе морской солью, горстью земли с вершины горы Хамбасте в Эфиопии, различными выделениями и пастообразными смесями, а также элементами, составлявшими ее самоё. Так она породила двух чудесных существ, два образца телесной красоты и умственных способностей. Порождение женского пола звали Меланкте, мужского пола – Фод Карфилиот.

И все же, этим дело не кончилось. Пока два новоиспеченных существа стояли в лаборатории, обнаженные и еще почти лишенные сознания, осадок, остававшийся в магической колбе Десмёи, выпарился, выделив вонючий зеленый дым. Почувствовав отвратительный вкус

¹ См. их подробное описание в книге I, «Сад принцессы Сульдрун».

во рту, Меланкте отшатнулась и выплюнула яд. Карфилиоту, однако, зеленый смрад доставил удовольствие, и он жадно вдохнул его.

Через несколько лет замок Тинцин-Фюраль пал, осажденный армиями Тройсинета. Карфилиота схватили и вздернули на особой высокой виселице, чтобы значение происшедшего не ускользнуло от внимания как Тамурелло в усадьбе Фароли на востоке, так и короля Казмира в Лионессе на западе.

В свое время тело Карфилиота спустили с виселицы и бросили на погребальный костер, где оно обугливалось под музыку волюнок и флейт. Посреди торжества из пламени вырвался клуб зловонного зеленого дыма; ветер подхватил его и унес вниз по долине в морские просторы. Там он, однако, не рассеялся, а сгустился, извиваясь ползком над барашками волн, впитывая соленые брызги и становясь все плотнее, пока не превратился в зеленую жемчужину. Жемчужина утонула и улеглась на морское дно, где через некоторое время ее нашел и проглотил большой палтус.

2

Южная Ульфляндия омывалась морем от Исса на юге до Суараха на севере – череда галечных пляжей и скалистых мысов тянулась под мрачноватыми и по большей части безлюдными холмами. Тремя лучшими гаванями здесь считались Исс, Суарах и находившийся примерно посередине между ними Оэльдес. Других мест, удобных для стоянки кораблей, на побережье было мало, если не считать небольших бухточек, защищенных крутыми, загнутыми наподобие крюков мысами.

В двадцати милях к югу от Оэльдеса в океан выступала скальная гряда, при содействии каменного волнолома создававшая убежище для нескольких дюжин рыбацких лодок. Вдоль берега небольшой гавани ютились строения деревни Минольт – россыпь узких каменных домов и пара таверн на рыночной площади.

В одном из таких жилищ прозябал рыбак Сарлес – черноволосый приземистый человек, широкий в бедрах, с выпуклым брюшком. Круглое лицо его, бледное и рассеянное, всегда озадаченно хмурилось, словно в его представлении обстоятельства жизни противоречили логике.

Цвет молодости Сарлеса давно увял, но годы более или менее прилежного труда не позволили ему добиться благополучия. Сарлес обвинял судьбу, считая, что ему вечно не везло – хотя, по мнению его супруги Либы, склонность Сарлеса к косной праздности играла не меньшую роль.

Сарлес выволакивал свою лодку, «Преваль», на гальку перед самым входом в дом, что было удобно. Старое суденышко, унаследованное им от отца, порядком износилось, в нем каждый шов протекал и каждый стык ходил ходуном. Сарлес прекрасно понимал недостатки «Превали» и выходил в море под парусом только в отличную погоду.

Либа, подобно мужу, отличалась полнотой. Будучи старше Сарлеса, она проявляла, однако, гораздо больше энергии и нередко спрашивала его: «Почему ты сегодня не рыбачишь, как все?»

На что Сарлес отвечал что-нибудь в таком роде: «Ближе к вечеру ветер покрепчает; юферсы вант на бакборте не выдержат».

«Так почему ж ты не обновишь юферсы? Делать-то тебе больше нечего!»

«А, что ты понимаешь в оснастке! Все всегда рвется в самом слабом месте. Если я починю юферсы, расплзутся ванты – налетит шквал и, глядишь, днище пробьет степсом».

«В таком случае замени ванты, а потом почини пояса обшивки».

«Легче сказать, чем сделать! Я только потеряю время и опять пущу деньги на ветер».

«В таверне ты тоже теряешь время – и деньги пускаешь на ветер пригоршнями!»

«Хватит, помолчи! Где еще я могу отдохнуть?»

«Отдыха ему не хватает, видите ли! Все вышли в море, а ты сидишь на солнышке, мух считаешь! Твой двоюродный брат, Джунт, отчалил перед рассветом – и вернется с сетями, полными макрели. Почему бы тебе не делать то же самое?»

«У Джунта не болит спина, – ворчал Сарлес. – Кроме того, у него „Лирлу“, добротная новая лодка».

«Рыбу ловит рыбак, а не лодка. У Джунта улов в шесть раз больше твоего».

«Только потому, что ему помогает сын, Тамас».

«Значит, каждый из них ловит в три раза больше твоего».

«Либа, когда ты научишься держать язык за зубами? – восклицал разгневанный Сарлес. – Я бы сию минуту ушел в таверну, если б у меня осталась хоть одна монета!»

«Денег у тебя нет, а времени по горло – иди, чини „Преваль“!»

Воздев руки к небу, Сарлес спускался наконец на пляж и оценивал недостатки своего судна. Так как ему действительно было нечего делать, он вырезал новый юферс для вант. Сна-

сти были ему не по карману, в связи с чем он затягивал внахлест несколько узлов, уродливых на вид, но предохранявших ванты от разрыва.

Так продолжалось его существование. Сарлес кое-как поддерживал «Преваль» в состоянии, позволявшем не пойти ко дну, но отваживался выходить в море, маневрируя среди рифов и скал, только в оптимальных условиях, каковые возникали не часто.

Однажды даже Сарлес обеспокоился. Когда к берегу подул легкий бриз, он вышел из гавани на веслах, поднял шпринтовый парус, установил бакштаг, поправил шкотовые узлы и, бодро разрезая носом поперечные валы, направился к рифам, где всегда было больше всего рыбы... «Странно! – подумал Сарлес. – Почему бакштаг провисает, если я его только что подтянул?» Изучив причину этого явления, он обнаружил обескураживающий факт: ахтерштевень, служивший опорой штагу, настолько прохудился под воздействием времени и древоточцев, что собирался вот-вот обломиться, не выдержав натяжения – и тем самым причинить настоящую катастрофу.

Широко раскрыв глаза, Сарлес сжал зубы в бессильном раздражении. Теперь починку уже нельзя было откладывать – предстояли долгие часы утомительного труда, причем жена не позволила бы ему ни бездельничать, ни опрокинуть кружку-другую в таверне, пока ремонт не будет закончен. Для того, чтобы заплатить за новые снасти, ему, может быть, пришлось бы даже выпросить место на борту «Лирлу» – что, опять же, было чрезвычайно утомительно, учитывая привычку Джунта вставать спозаранку.

Сарлесу не оставалось ничего лучшего, как переместить бакштаг к одной из кормовых крепительных планок – в такую спокойную погоду, как сегодня, этого должно было быть достаточно.

Сарлес рыбачил пару часов, но за все это время поймал только одного большого палтуса. Пока он чистил рыбу, ее желудок порвался, и на палубу выкатилась великолепная зеленая жемчужина – Сарлес никогда не видел ничего подобного! Поражаясь своей удаче, он снова закинул сети, но бриз становился свежее, и Сарлес, озабоченный состоянием импровизированного бакштага, намотал якорную цепь на кабан, поднял парус и взял курс на гавань Минольта. Возвращаясь к берегу, он любовался прекрасной зеленой жемчужиной – одно прикосновение к ней вызывало приятную дрожь.

Лодка ткнулась носом в гальку; Сарлес вытащил ее на пляж и пошел домой, но тут же наткнулся на кузена Джунта.

«Надо же! – воскликнул Джунт. – Еще не полдень, а ты уже вернулся? Что ты поймал? Одну камбалу? Сарлес, если ты не возьмешь себя в руки, ты помрешь в нищете! „Преваль“ давно нуждается в капитальном ремонте. Почини лодку и работай, не покладая рук, чтобы скопить что-нибудь на старость».

Уязвленный критикой, Сарлес отозвался: «А ты что тут делаешь? Почему твой хваленый „Лирлу“ еще не в море? Испугался ветерка?»

«Еще чего! Я бы уже давно рыбачил – только „Лирлу“ надо бы подчеканить и просмолить заново».

Как правило, Сарлес не злобствовал, не бранился и не позволял себе возмутительные выходки – его худшими пороками были праздность и угрюмое упрямство перед лицом попреков супруги. Теперь, однако, возбужденный приступом злонамеренной изобретательности, он сказал: «Что ж, если тебе так не терпится рыбачить, вот „Преваль“ – поднимай парус, торопись к рифам и закидывай сети, сколько твоей душе угодно!»

Джунт презрительно хмыкнул: «Я привык плавать на добротной лодке, а это что? Развального! И все же, поймаю-ка я тебя на слове. Такой уж я человек – не могу заснуть, пока не привезу хороший улов».

«Удачи!» – сухо напутствовал его Сарлес и направился по пристани к рынку. Он не преминул заметить, что направление ветра изменилось – теперь он дул с севера.

На рынке Сарлес удачно продал большого палтуса, после чего задумался. Вынув жемчужину из кармана, он рассмотрел ее внимательнее: красивая штукавина, хотя ее необычный зеленый блеск вызывал – в этом невозможно было не признаться – какую-то тревогу и неприязнь.

Лицо Сарлеса покосилось странной, бессмысленной ухмылкой – он спрятал жемчужину в карман. Широкими шагами он направился в таверну, где опрокинул в глотку добрых полпинты вина. За первой кружкой последовала вторая, и как только Сарлес к ней приложился, к нему прилип один из завсегдатаев, некий Джульям: «Как дела? Сегодня не рыбачишь?»

«Сегодня не получится – спина побаливает. Кроме того, Джунт хотел занять у меня „Преваль“, так я ему и говорю: „Давай, закидывай сети всю ночь, если тебе так приспичило!“ Он и отправился в море на старом добром „Превале“».

«Щедро с твоей стороны!»

«А почему не пособить? В конце концов, он мой двоюродный брат – нет ничего крепче кровных уз».

«И то правда».

Сарлес покончил с вином, вышел из таверны и прогулялся до конца волнолома. Вглядываясь в горизонт, он нигде не видел залатанный желтоватый парус «Превалья» – ни на севере, ни на западе, ни на юге.

Отвернувшись, он стал возвращаться. На галечном пляже другие рыбаки уже вытаскивали свои лодки. Сарлес спустился к ним и навел справки по поводу Джунта: «Хотел ему помочь от всей души и позволил взять „Преваль“, хотя предупредил, что ветер крепчает. Хорошо, если бы это был западный ветер, а то поддувает-то с севера!»

«Час тому назад Джунт стоял на якоре у Срывного рифа, – отозвался старик, чинивший сеть. – Его хлебом не корми, дай порыбачить!»

Сарлес озабоченно смотрел в море: «Так-то это так, но что-то я его не вижу. Ветер меняется; если он скоро не вернется, с ним может случиться беда».

«Не беспокойся! Джунт – старый морской волк. На таком крепком судне, как „Лирлу“, ему сам черт не страшен», – заметил рыбак, тащивший лодку на берег.

Старик, чинивший сеть, громко хохотнул: «А вот и нет! Джунт сегодня вышел на „Превале“».

«А-а! Это совсем другое дело. Сарлес, тебе следовало бы заняться починкой».

«Да-да, – пробормотал Сарлес. – Всеу свое время. Я не могу ходить по воде и одновременно доставать из носа золотые монеты».

С заходом солнца Джунт еще не вернулся в Минольт. В конце концов Сарлес сообщил о происходящем супруге: «Сегодня у меня ломило в спине, я не мог рыбачить слишком долго. В приступе щедрости разрешил ему взять мою лодку. Он еще не вернулся. Боюсь, его отнесло на юг вдоль берега – того и гляди, разобьет он мой „Преваль“ о скалы! Что ж, надо полагать, я заслужил урок своим мягкосердечием».

Либа изумленно уставилась на него: «Ты о себе вздыхаешь? А о Джунте, о его семье ты не подумал?»

«Его судьба меня беспокоит так же, как судьба моей лодки. Это само собой. Но я тебе еще не рассказал о нашей невероятной удаче».

«Неужели? У тебя прошла спина, и ты наконец сможешь работать? Или ты потерял вкус к выпивке?»

«Либа, придержи язык – или получишь такую оплеуху, что звезды из глаз посыплются! Надоели твои глупые шутки».

«Так что же, какая такая удача тебе привалила?»

Сарлес показал ей жемчужину: «Что ты об этом думаешь?»

Либа пригляделась к драгоценности: «Гм. Любопытно. Никогда не слыхала о зеленых жемчужинах. Ты уверен, что она не поддельная?»

«Почему бы она была поддельная? За кого ты меня принимаешь? Эта штукавина стоит кучу денег!»

Либа отвернулась: «У меня от нее мурашки по коже».

«Вот, так всегда. Никакого толку от тебя нет! Где мой ужин? Что? Опять каша? Почему ты не могла приготовить наваристый суп, как делают в приличных семьях?»

«Я что, чудеса должна творить? В кладовке-то пусто! Если б ты ловил побольше рыбы и поменьше насасывался в трактире, у нас было бы что подать на стол».

«А! Ерунда. Теперь все будет по-другому».

Ночью Сарлеса тревожили странные, неприятные сны. Лица появлялись, словно выглядывая из тумана, и бросали на него оценивающие взгляды, после чего серьезно беседовали о чем-то в стороне. Сарлес мучительно пытался понять, о чем они говорят, но так ничего и не понял. Иные лица казались знакомыми, хотя Сарлес не мог припомнить, где он их видел и как их звали.

Наутро Джунт все еще не вернулся на «Превале». По непреложному закону рыбаков, теперь хозяином лодки «Лирлу» до возвращения Джунта становился Сарлес. Он сразу воспользовался своей привилегией и приготовился выйти в море. Сын Джунта, Тамас, тоже хотел взойти на борт, но Сарлес прогнал его: «Я предпочитаю рыбачить в одиночку».

Тамас горячо возразил: «Это несправедливо! Я должен защищать интересы семьи!»

Сарлес поднял указательный палец: «Не спеши! Ты забываешь, что у меня тоже есть интересы. „Лирлу“ – моя лодка, пока твой отец не вернет мне „Преваль“ в целостности и сохранности. Если хочешь рыбачить, обращай к кому-нибудь другому».

Подняв паруса, Сарлес направил «Лирлу» к рыбным местам, радуясь надежности нового судна и легкости управления снастями. Сегодня ему повезло – рыба буквально просилась к нему в сети, корзины в трюме наполнились до краев, и Сарлес возвратился в Минольт, поздравляя себя с небывалым уловом: сегодня на ужин у него будет наваристый суп или даже жареная птица!

Прошли два месяца. Сарлес постоянно возвращался в гавань с трюмом, полным рыбы, тогда как Тамаса постигала одна неудача за другой. Однажды вечером Тамас пришел к Сарлесу, чтобы попробовать как-то поправить свое бедственное положение; никто в Минольте не считал возникшую ситуацию совершенно справедливой, хотя все соглашались с тем, что Сарлес действовал в строгом соответствии со своими правами.

Либа сидела одна у камина, с пряжей в руках. Тамас остановился посреди комнаты: «А где Сарлес?»

«В таверне, надо полагать, насасывается вином», – спокойным, резковато-холодным тоном ответила Либа. Взглянув на Тамаса через плечо, она отвернулась к прялке: «Если ты пришел о чем-нибудь просить, ты ничего не получишь. Сарлес надул, как помещик, и смотрит на всех свысока».

«И все же нам нужно договориться! – заявил Тамас. – Он потерял трухлявый дуршлаг и приобрел „Лирлу“ – за мой счет, за счет моей матери и моих сестер. Мы всё потеряли, ни в чем не провинившись. Мы просим только о том, чтобы Сарлес поступил по справедливости и поделился».

Либа неприязненно пожала плечами: «Со мной говорить бесполезно. Я ничего с ним не могу поделать. С тех пор, как он принес домой зеленую жемчужину, он стал другим человеком». Она подняла глаза к каменной полке над камином, где на блюдечке лежала жемчужина.

Тамас подошел посмотреть на драгоценность. Он взял жемчужину, повертел ее в пальцах и присвистнул: «Дорогая штукавина! Ее можно обменять на новую лодку! Я снова мог бы рыбачить и горя не знал бы!»

Либа взглянула на него с удивлением. Тамаса все считали олицетворением порядочности – но теперь он не походил на себя. Возникало впечатление, что зеленая жемчужина портила каждого, кто к ней прикасался, внушая алчность и себялюбие. Либа вернулась к пряже: «Ничего мне не говори – я не могу помешать тому, о чем ничего не знаю. Ненавижу эту зеленую гадость – она следит за мной, как дурной глаз!»

Тамас хихикнул сумасшедшим голосом – настолько странным, что Либа невольно покосилась на него.

«Так тому и быть! – заявил Тамас. – Пора возместить нанесенный ущерб! Если Сарлес будет недоволен, пусть приходит ко мне». Сжимая жемчужину в руке, он выбежал из дома. Либа вздохнула и продолжала прясть – у нее в груди зародился комок тяжелого предчувствия.

Целый час тишину в доме нарушали только вздохи ветра в дымовой трубе и потрескивание дров в камине. Наконец послышались неуверенные шаркающие звуки: шаги Сарлеса, возвращавшегося после попойки. Широко распахнув дверь, он остановился, пошатываясь, в проеме – лицо пьяного рыбака, круглое, как тарелка, белело под неряшливо подстриженными черными волосами. Глаза Сарлеса, бегавшие по сторонам, остановились на каминной полке; он подошел ближе и увидел, что блюдечко опустело. Из груди его вырвался мучительный возглас: «Где жемчужина, моя блестящая зеленая жемчужина?»

«К тебе приходил Тамас, – тихо и ровно сказала Либа. – Но тебя не было, и он взял жемчужину».

Сарлес взревел: «Почему ты его не остановила?»

«Это не мое дело. Разбирайся с Тамасом сам».

Сарлес застонал от ярости: «Ты могла бы его не пустить! Ты отдала ему жемчужину!» Сжав кулаки, он бросился на жену; та вскочила и ткнула веретеном ему в левый глаз.

Сарлес прижал ладонь к кровоточащей глазнице. Либа отшатнулась, ужаснувшись тому, что сделала.

Глядя на нее правым глазом, Сарлес стал медленно приближаться. Либа ощупью нашла за спиной древко метлы из вязаной вицы и подняла ее на изготовку. Сарлес надвигался шаг за шагом. Не отрывая от Либы один глаз, он наклонился и подобрал топор с короткой рукоятью. Либа взвизгнула, бросила метлу Сарлесу в лицо и кинулась к двери. Сарлес схватил ее за волосы, оттащил назад и дал волю топору.

Вопли привлекли внимание соседей. Сарлеса схватили и отвели на площадь. Деревенских старейшин подняли с постелей; жмурясь и протирая глаза, они вышли вершить правосудие при свете масляных фонарей.

Преступление было налицо, убийца известен, задерживать разбирательство было незачем. Приговор вынесли, Сарлеса провели в конюшню и повесили на стреле для укладки сена – односельчане с пристальным интересом наблюдали за тем, как их сосед дрыгает ногами, качаясь в желтом свете фонарей.

3

Оэльдес, в двадцати милях к северу от Минольта, издавна выбрали местом своего пребывания короли Южной Ульфляндии, хотя этому городу не доставало исторического значения и благополучного изыщества Исса, а с такими столицами, как Аваллон и Лионесс, он не мог сравниться размерами и роскошью. Тамасу, однако, Оэльдес, с его большой рыночной площадью и хлопотливой гаванью, казался олицетворением городской жизни.

Он отвел лошадь в конюшню и позавтракал ухой в портовой таверне, непрерывно раздумывая о том, как можно было бы извлечь максимальную выгоду из продажи чудесной жемчужины.

Тамас осторожно поинтересовался у трактирщика: «Позвольте спросить – если бы кто-нибудь хотел продать ценную жемчужину, где он мог бы запросить за нее самую высокую цену?»

«Жемчуг, а? В Оэльдесе жемчуг не пользуется особенным спросом. Мы тратим последние гроши на хлеб и треску. Большинство местных жителей жемчуг в глаза не видели и думают, что он похож на перловку в ухе. Все равно, покажи, что у тебя есть».

Тамас с опаской показал зеленую жемчужину на ладони и сразу сжал ее в кулаке.

«Чудеса, да и только! – заявил владелец таверны. – Или это побрякушка из зеленого стекла?»

«Это жемчужина», – сухо ответил Тамас.

«Вероятно. Я видел розовый жемчуг из Хадрамаута и даже белый индийский жемчуг – им капитаны судов любят украшать мочки ушей. Дай-ка еще раз взглянуть на твою драгоценность... А! Как заразительно она сверкает! Смотри – там, за углом, лавка ювелира-сефарда. Может быть, он назовет тебе цену».

Явившись в лавку ювелира, Тамас положил жемчужину на прилавок: «Сколько золота и серебра вы за нее заплатите?»

Ювелир наклонился, едва не прикоснувшись к жемчужине длинным носом, и осторожно повернул ее бронзовой булавкой. Подняв глаза, он спросил: «А сколько ты за нее хочешь?»

Тамас, парень обычно покладистый, внезапно разозлился – ему не понравился вкрадчивый тон ювелира. Он грубо ответил: «Хочу получить сполна и не позволю себя обжуливать!»

Ювелир пожал узкими плечами: «Вещь стоит столько, сколько за нее согласен платить покупатель. Среди моих покупателей нет коллекционеров редкостей. Могу предложить золотой, не больше».

Тамас схватил жемчужину с прилавка и раздраженно удалился. Та же сцена повторялась весь день. Тамас предлагал жемчужину каждому, кто, по его мнению, мог бы хорошо за нее заплатить, но безуспешно.

Ближе к вечеру, уставший, голодный и распираемый не находящим выхода гневом, Тамас вернулся в таверну гостиницы «Красный лангуст», съел кусок пирога со свининой и выпил кружку пива. За соседним столом четверо постояльцев играли в кости. Тамас подошел посмотреть. Когда один из игроков ушел, остальные пригласили Тамаса занять его место: «Сразу видно, что ты из порядочной семьи – присаживайся, у тебя есть шанс разбогатеть за наш счет!»

Тамас колебался, так как не разбирался ни в игре в кости, ни в азартных играх как таковых. Засунув руку в карман, он нащупал зеленую жемчужину, и его охватило внезапное ощущение безрассудной самонадеянности.

«Ладно! – воскликнул Тамас. – Почему нет?» Он занял пустовавшее место: «Объясните правила игры – у меня нет опыта в таких развлечениях».

Игроки весело рассмеялись. «Тем лучше для тебя! – сказал один. – Новичкам везет!»

Другой пояснил: «Главное – не забывай забирать выигрыш, если у тебя выпадет больше, чем у других. А во-вторых, что еще важнее с нашей точки зрения, не забывай платить, если проиграешь. Все ясно?»

«Яснее быть не может!» – отозвался Тамас.

«А тогда – исключительно из вежливости, принятой в обществе порядочных людей – покажи нам, какого цвета твое золото».

Тамас вынул из кармана зеленую жемчужину: «Вот драгоценность стоимостью в двадцать золотых – она послужит достаточным обеспечением! Мелкой монеты у меня почти не осталось».

Игроки смотрели на жемчужину в замешательстве. Один заметил: «Возможно, она стоит столько, сколько ты говоришь. Но как ты собираешься рассчитывать?»

«Очень просто. Если выиграю, мне не придется платить. А если не повезет, буду проигрывать, пока мой долг не составит двадцать золотых, после чего отдам жемчужину и уйду отсюда нищим».

«Предположим, – покачал головой другой игрок. – И все же, двадцать золотых – немалые деньги. Допустим, я выиграю золотой и захочу выйти из игры. Что тогда?»

«Разве не понятно? – Тамас снова начинал злиться. – Тогда вы отдадите мне девятнадцать золотых, возьмете жемчужину, и мы будем в расчете».

«Но у меня нет девятнадцати золотых!»

Третий игрок громко вмешался: «Пустяки, давайте играть! Как-нибудь рассчитаемся!»

«Не спеши! – возразил осторожный игрок и повернулся к Тамасу. – В нашей игре жемчужина бесполезна. У тебя нет никаких денег?»

К столу подошел рыжий бородатый субъект в блестящей лакированной шляпе и матросских штанах в полоску. Подобрав зеленую жемчужину, он внимательно ее рассмотрел: «Редкая драгоценность, с поразительным блеском, небывалого оттенка! Где ты нашел такое чудо?»

Тамас не собирался рассказывать все, что знал, каждому встречному и поперечному: «Я рыбак из Минольта; на берегу попадаются самые удивительные вещи, особенно после шторма».

«Видимо, это действительно ценная штукавина, – согласился осторожный игрок. – Тем не менее, в нашей игре рассчитываются только монетой».

«Хватит болтать! – двое других потеряли терпение. – Делайте ставки и бросайте кости!»

Тамас неохотно выложил на стол десять медяков, сохраненных, чтобы заплатить за ужин и ночлег.

Игра началась, и Тамасу везло. Перед ним на столе росли столбики монет – сначала медных, потом серебряных. Он принялся делать все большие ставки, уверенный, что зеленая жемчужина, лежавшая в куче выигранных денег, приносила удачу.

Один из игроков с отвращением встал: «Никогда не видел, чтобы человек выигрывал столько раз подряд! Что я могу сделать с Тамасом, если ему покровительствует Фортуна?»

Рыжебородый моряк по имени Флэйри решил попытать счастья: «Скорее всего, я продуюсь в пух и прах. Но мне хотелось бы проверить, насколько упряма удача новичка-рыбачка из Минольта».

Игра продолжалась. Флэйри, опытный шулер, заменил пару костей своими, краплеными, и, дождавшись удобного момента, выложил десять золотых: «А с такой ставкой ты справишься, рыбак?»

«Жемчужина стоит больше! – азартно отозвался Тамас. – Давай, начинай!»

Флэйри бросил крапленые кости, но – к полному своему замешательству – проиграл. Флэйри снова поставил; Тамас снова выиграл.

Растерянность моряка забавляла Тамаса: «На сегодня с меня довольно. Я долго играл и много выиграл – теперь мне хватит на новую лодку. Благодарю всех присутствующих за столь прибыльное времяпровождение!»

Дергая себя за рыжую бороду, Флэйри искоса наблюдал за тем, как Тамас подсчитывает деньги. Притворившись, что его озарила какая-то мысль, Флэйри внезапно нагнулся над столом и принялся изучать игральные кости: «Я так и думал! Такого везения просто не бывает – это крапленые кости! Он нас надул, ограбил!»

Наступила внезапная тишина. За ней последовал взрыв ярости. Тамаса схватили, вытащили на задний двор таверны и избili до полусмерти. Тем временем Флэйри заменил крапленые кости обычными и присвоил золотые монеты, а с ними в придачу и зеленую жемчужину.

Чрезвычайно довольный вечерним заработком, моряк покинул таверну и отправился по своим делам.

4

Скайр – глубокий залив, защищенный от морских ветров – отделял Северную Ульфляндию от древнего герцогства Фер-Акила, а ныне Годелии, государства кельтов.² На западном и восточном берегах Скайра друг другу противостояли два несовместимых по характеру города – Ксунж на конце скалистого мыса и Дун-Кругр, главный порт Годелии.

В Ксунже, за неприступными оборонными укреплениями, старый король Северной Ульфляндии Гакс содержал какое-то подобие двора. Ска, фактически контролировавшие королевство Гакса, терпели его призрачные претензии только потому, что с точки зрения ска Ксунж не стоил того количества крови, какое им пришлось бы пролить, чтобы захватить его. Ска рассчитывали присвоить Ксунж после смерти старого Гакса, применяя самые целесообразные в практическом отношении средства, в том числе интриги и взятки.

С корабля, заплывшего в Скайр, Ксунж выглядел как сложный орнамент из серого камня и черных теней с прослойками плесневеющих бурых черепичных крыш. Представлявший ему полную противоположность Дун-Кругр поднимался в холмы от причалов беспорядочными скоплениями складов, конюшен, амбаров, плотницких мастерских, таверн и постоянных дворов, хижин с соломенными крышами, а кое-где и двухэтажных каменных усадеб. В самом центре Дун-Кругра находилась шумная, временами даже оглушительная площадь, где часто устраивали импровизированные лошадиные скачки. Кельты обожали всевозможные соревнования.

Дун-Кругр оживлялся беспрестанным причаливанием и отчаливанием судов, прибывавших из Ирландии и Британии. Христианский монастырь, Братство святого Бака, мог похвалиться дюжиной знаменитых реликвий и привлекал сотни паломников. Корабли из дальних стран бросали якоря у пристани, и торговцы на набережной расхваливали импортные товары: шелка и хлопчатобумажные ткани из Персии, изделия из нефрита, киноvari и малахита, привезенные невесть откуда, ароматный воск и пальмовое мыло из Египта, византийское стекло и фаянс из Римини. Все это меняли на кельтские золото, серебро и олово.

Качество постоянных дворов и гостиниц Дун-Кругра можно было назвать удовлетворительным, а в некоторых случаях даже превосходящим ожидания – это несколько неожиданное обстоятельство объяснялось наличием странствующих священников и монахов, отличавшихся требовательными вкусами и всегда готовых расплатиться звонкой монетой. Самой высокой репутацией в Дун-Кругре пользовалась гостиница «Голубой вол», предлагавшая богачам отдельные номера, а людям попроще – соломенные подстилки на мансарде. В таверне гостиницы почти круглосуточно жарили на шампурах птицу и пекли свежий хлеб. Многие путешественники заявляли, что жирная жареная курица, фаршированная луком и петрушкой, хлеб с маслом и пинта-другая эля «Голубой вол» позволяли здесь поужинать не хуже, чем

² На протяжении десяти тысяч лет Старейшие острова подвергались не только вторжениям, миграциям и завоеваниям, но и колонизации морскими торговыми державами, основавшими в удобных гаванях портовые фактории, со временем разросшиеся в города – так возникли Исс, Аваллон, Домрейс и Балмер-Ским. Со всех концов света прибывали переселенцы, в том числе доледниковые племена, даже наименования которых затерялись во мгле времен; можно только предполагать, с какими аборигенами им пришлось встретиться. Позже на островах высадились корнуги, вифиняне и достопримечательный народ – так называемые «золотые хазы», а вскоре после них – эскахары (в других местах предшествовавшие появлению басков, марокканских берберов, гуанчей с Канарских островов и «синеголовых» мавританцев). Затем, иногда небольшими группами, а порой и массовыми волнами, население островов пополнили пеласги, русые сарсели из Тингитаны, данайцы и галисийцы из Испании, греки из Эллады, Сицилии и Нижней Галлии, изгнанные из Тосканы лидийцы на нескольких кораблях, кельтские племена всевозможных колен и кланов, стекавшиеся из разных стран, а также, в свое время, и римляне из Аквитании, подумывавшие о завоевании новой колонии, но в конце концов покинувшие острова, когда их внимание сосредоточилось на христианской доксологии. По берегам Визрода селились немногочисленные готы и армориканцы, в то время как новые банды кельтов из Ирландии и Британии воспользовались слабостью даотских правителей и основали королевство Годелию. Наконец, из Норвегии, ненадолго задержавшись в Ирландии,* явились ска, обосновавшиеся на Скагане и других Внешних островах, откуда они внедрились в Северную Ульфляндию. * См. ниже прим. 9. См. также прим. 1 в книге I, «Сад принцессы Сульдрун».

в любом другом городе Старейших островов. В хорошую погоду блюда подавали на столы, расставленные перед входом, где постояльцы могли закусывать и выпивать, наблюдая за происходящим на площади – а в этом буйном городе почти всегда что-нибудь происходило.

За два часа до полудня, погожим утром, упитанный человек в бурой рясе присел за стол, выставленный перед гостиницей «Голубой вол». На лице его, самоуверенном и лукавом, с зоркими круглыми глазами и носом пуговкой, сохранялось выражение благодушного оптимизма. Пользуясь ловкими белыми пальцами и мелкими белыми зубами, безжалостно смыкавшимися наподобие капкана, он проглотил сначала целую жареную курицу, а затем дюжину медовых пряников, не забывая величественно запивать все это медовухой из оловянной кружки. Его ряса, судя по покрою и высокому качеству пряжи, свидетельствовала о принадлежности к разряду священнослужителей – хотя, когда этот господин откинул на спину капюшон, там, где некогда была начисто выбритая тонзура, виднелась поросль каштановых волос.

Из таверны вышел молодой человек аристократической внешности. Высокий и сильный, чисто выбритый и ясноглазый, он всем своим видом выражал спокойствие и удовлетворение, словно находил условия, преобладавшие в этом мире, достаточно удобными для существования. На нем была повседневная одежда – свободная рубаха из белого льняного полотна, бриджи из серой саржи и расшитый синий камзол. Посмотрев по сторонам, он подошел к столу господина в бурой рясе и спросил: «Могу ли я к вам присоединиться, сударь? Другие столы заняты, а я хотел бы подышать свежим воздухом – сегодня выдалось прекрасное утро».

Господин в рясе сделал великодушный приглашающий жест: «Садитесь на здоровье! Позвольте порекомендовать здешнюю медовуху – сегодня ее не разбавляли, она сладкая и крепкая. Кроме того, у них превосходные пряники! По сути дела, я собираюсь сейчас же снова заказать и то, и другое».

Новоприбывший устроился на стуле: «Судя по всему, правила вашего ордена не отличаются особой строгостью».

«Ха-ха! Вы ошибаетесь! Нас подвергали аскетическим лишениям и суровым наказаниям. Мои прегрешения, однако, привели к тому, что из ордена меня исключили».

«Гм! Столь бесповоротная дисциплинарная мера представляется чрезмерной. Что плохого в том, чтобы пригубить пару глотков медовухи и попробовать пряник?»

«Ничего плохого в этом нет! – с убеждением заявил монах-расстрига. – Должен признать, что в моем случае разногласия носили, пожалуй, несколько более фундаментальный характер. Возможно, мне придется основать новое братство, освобожденное от строгостей, так часто заставляющих скучать приверженцев истинной веры. Меня удерживает только нежелание прослыть еретиком. А вы сами – христианин?»

Молодой человек отрицательно покачал головой: «Концепции религии для меня непостижимы».

«Возможно, их непроницаемость не столь непреднамеренна, как может показаться, – размышлял вслух бывший монах. – Она обеспечивает постоянное трудоустройство предрасположенным к диалектике лицам, которые в иных обстоятельствах сели бы на шею государству или, что еще хуже, стали бы мошенниками и фокусниками. Могу ли я поинтересоваться, с кем имею удовольствие беседовать?»

«Разумеется. Я – сэр Тристано из замка Митрих в Тройсинете. А вы не желаете представиться?»

«Я тоже благородного происхождения – по меньшей мере, мне так кажется. За неимением ничего лучшего пользуюсь тем именем, каким меня наградил отец: Орло, к вашим услугам».

Сэр Тристано подозвал служанку и заказал медовухи и пряников как для себя, так и для своего собеседника: «Таким образом, можно допустить, что вы окончательно порвали с церковью?»

«Бесповоротно. Пренеприятнейшая история, что подделаешь. Меня вызвали к аббату. Пришлось отвечать на обвинения в пьянстве, обжорстве и прелюбодеянии. Я излагал свои взгляды с красноречием, способным просветить и убедить любого здравомыслящего человека. Я заверил аббата в том, что всемилостивейший Господь Бог никогда бы не сотворил сочные пирожки и пахучий эль, не говоря уже о прелестях очаровательных и жизнерадостных девиц, если бы не желал, чтобы мы в полной мере пользовались этими преимуществами».

«Надо полагать, возражения аббата ограничивались догматическими формулировками?»

«Именно так! С тем, чтобы оправдать свой взгляд на вещи, он цитировал один отрывок из Священного Писания за другим. Я предположил, что при переводе этих текстов могли быть допущены ошибки – а значит, пока не будет бесспорно подтверждено, что голодовка и самоистязание посредством воздержания точно соответствуют волеизъявлению Всевышнего, мы могли бы позволить себе усомниться в необходимости такого истолкования. Аббат, тем не менее, приказал вытолкать меня в шею».

«Подозреваю, что он руководствовался при этом не только альтруистическими побуждениями! – заметил сэр Тристано. – Если бы каждый из нас поклонялся божеству тем способом, какой лучше всего согласуется с его наклонностями, ни аббат, ни даже римский папа не нашли бы никого, кто стал бы выслушивать их поучения».

В этот момент внимание сэра Тристано привлекли какие-то приготовления на площади: «Что там происходит? Все бегут вприпрыжку и пританцовывают, словно спешат на карнавал».

«Это своего рода празднество, – подтвердил Орло. – Почти целый год кровавый пират, Рыжий Флэйри, наводил ужас на окрестные моря. Разве вы о нем не слышали?»

«Слышал, конечно. Матери пугают им детей».

«Другого такого поискать надо! – кивнул Орло. – Он довел до виртуозного совершенства ремесло головореза и всегда украшал ухо зеленой жемчужиной, утверждая, что она приносит удачу. Однажды Флэйри забыл вставить жемчужину в мочку уха перед тем, как взять на бордаж тихоходное торговое судно – и попал в западню. Пятьдесят годелийских рубак заполонили пиратский корабль. Рыжего Флэйри схватили, и сегодня он расстанется с головой. Не желаете ли полюбоваться церемонией?»

«Почему нет? Такие зрелища свидетельствуют о неизбежном торжестве справедливости и служат полезным уроком».

«Правильно! Если бы только все люди руководствовались столь разумными соображениями!»

Лавируя в толпе, двум собеседникам удалось подойти ближе к эшафоту. Здесь Орло укоризненно обратился к щуплому субъекту с пепельно-серой физиономией, норовившему стащить его кошелек: «Любезнейший, тебе явно не хватает предусмотрительности! Такое поведение приведет тебя туда же, где заканчивает карьеру Рыжий Флэйри. Теперь мне придется передать тебя на попечение стражи».

«Типун тебе на язык! – отозвался карманник, вырываясь из объятий Орло. – Свидетелей не было!»

«Ошибаешься! – вмешался сэр Тристано. – Я все прекрасно видел и сам позову стражу». Карманник громко выругался, выкрутился и мигом затерялся в толпе.

«Исключительно неприятный инцидент, – прокомментировал Орло. – Тем более неприятный в столь знаменательный день, когда все сердца должны преисполниться облегчением и радостью!»

«Все сердца, кроме сердца Рыжего Флэйри», – позволил себе внести поправку сэр Тристано.

«Само собой».

В толпе послышались возбужденные возгласы – тюремщики в черных масках тащили Флэйри на эшафот. Вслед за ними с тяжеловесным достоинством поднимался широкоплечий

палач, тоже в черной маске, с топором на плече. За спиной палача семенил священник, крутивший головой и нервно улыбавшийся.

Глашатай в зеленом камзоле, пестрящем красными ромбами, вскочил на возвышение. Отвесив поклон в сторону помоста с широкими скамьями, где в окружении родни и приятелей восседал граф Эмменс, наместник Дун-Кругра, глашатай обратился к толпе: «Слушайте, благородные дамы и господа, горожане и приезжие всех сословий! Да будет известен всем и каждому справедливый приговор его сиятельства, лорда Эмменса, вынесенный гнусному морскому разбойнику, Рыжему Флэйри! Многочисленные преступления Флэйри неоспоримы, но его сиятельство, руководствуясь свойственным ему милосердием, приговорил Флэйри к скорой и легкой смерти. Флэйри, тебе предоставляется возможность обратиться с последними словами к миру, отягощенному памятью о твоих злодеяниях!»

«Очень сожалею, что попался, – сказал Флэйри. – Зеленая жемчужина предала меня – она губит каждого, кто к ней прикасается! Я знал, что когда-нибудь она приведет меня на эшафот. Так и случилось».

«Разве ты не раскаиваешься, оказавшись лицом к лицу со своей судьбой? – гневно спросил глашатай. – Разве для тебя не настало время отчитаться перед собой и перед миром?»

На мгновение прикрыв глаза, Флэйри прикоснулся к зеленой жемчужине, все еще украшавшей его ухо. Слегка запинаясь, он произнес: «На оба вопроса, особенно на последний, могу ответить только положительно. Мне давно пора хорошенько подумать о своем прошлом. При этом, однако, придется пересмотреть и оценить столько событий и обстоятельств, что я вынужден ходатайствовать об отсрочке казни».

Глашатай повернулся к графу Эмменсу: «Ваше сиятельство, следует ли удовлетворить ходатайство осужденного?»

«Ни в коем случае!»

«Что ж, возможно, у меня было достаточно времени для размышлений, – пожал плечами Флэйри. – Жрец объяснил, что у меня есть выбор. Я могу раскаяться и получить отпущение грехов, в каковом случае меня ждет райское блаженство. Если же я не раскаюсь и не получу отпущения грехов, мне предстоит вечно гореть в адском пламени, – Флэйри помолчал, окинув взглядом толпу. – Лорд Эмменс, благородные господа и представители всех сословий! Знайте же, я сделал выбор!» Флэйри снова замолчал, драматическим жестом протянув обе руки к слушателям – зеваки напряженно подались вперед, чтобы узнать решение пирата.

«Я раскаиваюсь! – закричал Флэйри. – Горько сожалею о преступлениях, навлекших позор на мою голову! Пусть каждый, кто внемлет, независимо от пола и возраста, помнит до конца своих дней: не поступайте ни на йоту нравственными устоями! Повинуйтесь властям, почитайте родителей и молитесь Господу Богу, да простит он мои злодеяния! А теперь, жрец, отпусти мои грехи! Да отлетит душа моя, чистая и радостная, к небесам, чтобы занять место среди ангелов и приобщиться к вечному блаженству!»

Священник выступил вперед. Рыжий Флэйри преклонил колени, и жрец произнес требуемое заклинание.

Как только священник спустился с эшафота, по бормочущей толпе пробежала волна возбуждения – многие вытягивали шеи и вставали на цыпочки.

Граф Эмменс приподнял и со стуком опустил свой жезл. Тюремщики подтащили пирата к плахе; палач высоко поднял топор и картинно задержал его в воздухе, после чего нанес удар. Голова Флэйри свалилась в корзину. При этом небольшой зеленый предмет выпал из уха отрубленной головы, подкатился к краю эшафота и упал почти к ногам сэра Тристано.

Тристано с отвращением отшатнулся: «Смотрите, это жемчужина Флэйри, вся в крови!» Он наклонился и присмотрелся: «Она как живая! Кровь расползается по поверхности и словно вскипает!»

«Осторожно! – воскликнул Орло. – Не прикасайтесь к ней! Помните предупреждение Флэйри?»

Из-под эшафота протянулась длинная тощая рука; пальцы схватили жемчужину. Сэр Тристано резко опустил каблук сапога на костлявую кисть – из-под эшафота послышался приглушенный вопль боли и негодования.

Подождал стражник: «Что происходит?»

Сэр Тристано указал на руку, прижатую сапогом. Схватившись за эту руку, стражник вытащил из-под эшафота щуплого субъекта с длинным, чуть свернутым носом и пепельно-серым оттенком кожи: «Это еще кто?»

«Если я не ошибаюсь, вор-карманник, – ответил сэр Тристано. – Если порыться у него в поясной сумке, можно найти все, что он сегодня стащил на площади».

Карманника втащили на эшафот. Из его сумки, вывернутой наизнанку, на помост посыпались монеты, броши, золотые цепочки, застёжки и пуговицы; их владельцы, стоявшие вокруг, стали проталкиваться к эшафоту, громко требуя возвращения своих ценностей.

Граф Эмменс поднялся на ноги: «Что я вижу? Неслыханная дерзость! Пока мы избавляемся от одного грабителя, другой подкрадывается из-за спины, похищая наше имущество и украшения, подобающие торжественной церемонии. Палач, твои руки еще не устали, топор не затупился! Сегодня тебе полагается двойное вознаграждение. Плаха не ждет! Жрец, отпусти грехи этому мошеннику – его душе предстоит долгий и трудный путь».

Сэр Тристан обратился к дородному собеседнику: «На сегодня с меня хватит отрубленных голов. Давайте вернемся к медовухе и пряникам... И все же – что делать с жемчужиной? Нельзя же оставить ее в пыли!»

«Одну минуту! – Орло нашел какую-то веточку, расщепил ее ножом и ловко защебил жемчужину этим самодельным пинцетом. – В таких делах осторожность не помешает. Сегодня мы уже познакомились с судьбой двух человек, прикоснувшихся к жемчужине».

«Мне она не нужна, – заявил сэр Тристано. – Возьмите ее себе».

«Невозможно! Не забывайте, пожалуйста, что я дал обет нищеты и смирения. В любом случае, меня вполне устраивают условия моего существования».

Сэр Тристано брезгливо взял расщепленную веточку с жемчужиной и вернулся в сопровождении Орло к таверне гостиницы «Голубой вол», где они снова уделили внимание закускам и медовухе. «Еще только полдень, – заметил Тристано. – Сегодня я собирался выехать в Аваллон».

«Я еду в том же направлении, – отозвался Орло. – Вы не возражаете, если я составлю вам компанию?»

«Буду очень рад. Но что делать с жемчужиной?»

Орло почесал небритую щеку: «По сути дела, ничего не может быть проще. Выйдем на мол, сбросим ее в воду – и дело с концом».

«Разумное предложение! Возьмите ее, и пойдем».

Взглянув на жемчужину, Орло опасливо прищурился: «Так же как вас, меня воротит от ее мерзкого блеска. Тем не менее, раз уж мы вместе занялись этим делом, все должно быть по справедливости». Монах-расстрига указал на муху, севшую на стол: «Положите руку рядом с моей. Я подниму руку и положу ее рядом с вашей, но с другой стороны. Потом вы поднимите руку и сделаете то же самое – потихоньку или быстро, как вам будет угодно. Будем играть в эту чехарду, пока муха не испугается и не улетит. Тот, чье движение спугнет муху, возьмет жемчужину».

«Хорошо».

Положив правую руку на стол, каждый из них принялся поочередно приподнимать и опускать ладонь, стараясь угадывать побуждения мухи, то замиравшей, то озабоченно пере-

двигавшейся на пару вершков. Наконец, встревоженная неожиданным движением руки сэра Тристано, муха улетела.

«Увы! – огорченно воскликнул Тристано. – Мне придется нести жемчужину».

«До набережной недалеко, вы скоро с ней расстанетесь».

Осторожно взявшись за самый конец расщепленного прутика, сэр Тристано пересек площадь, нашел пустовавший причал и вышел на него – отсюда открывался вид на спокойную гладь Скайра.

«Прощай, жемчужина! – торжественно произнес подвыпивший Орло. – Отныне ты возвращаешься в породившую тебя соленую зеленую стихию! Бросьте ее, сэр Тристано, и подальше!»

Тристано выбросил веточку с жемчужиной в море. Убедившись в том, что сомнительная драгоценность скрылась под водой, Тристано и Орло вернулись к таверне и обнаружили жемчужину, как ни в чем не бывало блестящую на столе там, где сидел сэр Тристано – у того волосы встали дыбом.

«Ага! – воскликнул Орло. – Штуковина не хочет, чтобы мы от нее избавились! Но пусть она не заблуждается! Мы не такие простаки, как может показаться! В любом случае, многоуважаемый рыцарь, время не ждет, и нам предстоит дальний путь. Может быть, по дороге нам встретится архиепископ, с благодарностью принимающий пожертвования богобоязненных прихожан».

Сэр Тристано с сомнением смотрел на жемчужину: «Вы рекомендуете мне взять ее с собой?»

Орло развел руками: «Если мы оставим ее здесь, ее подберет какой-нибудь слуга или поваренок – за что ему такое наказание?»

Сэр Тристано мрачно расщепил еще один прутик и зажал в нем жемчужину: «Что ж, поехали!»

Оба вывели лошадей из конюшни и покинули Дун-Кругр. Сначала дорога тянулась вдоль берега, мимо песчаных пляжей, орошаемых пеной прибоя; время от времени попадались рыбацкие хижины. По пути Орло и сэр Тристано обсуждали жемчужину.

«Размышляя о поведении этой явно заколдованной драгоценности, я подмечаю определенную закономерность, – сказал Орло. – Жемчужина упала на землю, и в этот момент никому не принадлежала. Карманник схватил ее, и она стала его собственностью. Но вы наступили ему на руку и тем самым, по существу, отняли у него жемчужину; теперь она считает вас своим владельцем. Но вы к ней не прикоснулись, и ее колдовские чары на вас не действуют».

«Значит, вы считаете, что она не нанесет мне вред, если я к ней не прикоснусь?»

«Таково мое предположение – по-видимому, прикосновение к жемчужине свидетельствует о намерении пользоваться ее влиянием».

«У меня нет ни малейшего намерения пользоваться ее влиянием – напротив, я во всеуслышание заявляю, что если такое прикосновение будет иметь место, его следует считать исключительно случайным происшествием с точки зрения всех заинтересованных сторон!» Сэр Тристано взглянул на спутника: «Как вы думаете, это поможет?»

Орло пожал плечами: «Кто знает? Может быть, ваша декларация побудит жемчужину искать другого хозяина. А может быть и нет».

Дорога повернула направо, удаляясь от берега, и через некоторое время сэр Тристано указал вперед: «Смотрите, над деревьями колокольня! В этой деревне есть церковь».

«Несомненно. Кельты любят строить церкви – тем не менее, в глубине души они все еще скорее язычники, нежели христиане. В каждом лесу притаилась священная роща друидов – когда восходит полная луна, они привязывают к голове олени рога и пляшут, перепрыгивая костры. А как обстоят дела в Тройсинете?»

«У нас друидов хватает, – признался сэр Тристано. – Правда, они прячутся в лесах и редко показываются. Большинство, однако, продолжает почитать богиню Земли Гею, хотя ритуалы значительно упростились – нет ни кровавых жертвоприношений, ни костров, ни обязательного искупления вины. У нас только четыре всенародных торжества: праздник Жизни весной, праздник Солнца и Неба летом, осенью праздник Земли и Моря, а зимой – праздник Луны и Звезд. В день рождения троец возлагает дары – хлеб и вино – на жертвенный камень в храме. Нет никаких жрецов и никакого символа веры, в связи с чем поклонение носит простой и добровольный характер, вполне отвечающий характеру населения... А вот и деревня с великолепной церковью, где, если меня не обманывает зрение, имеет место какая-то важная церемония».

«Вы наблюдаете пышный ритуал христианского погребения», – пояснил Орло. Придержав лошадь под уздцы, он хлопнул себя по бедру: «Мне пришла в голову любопытная мысль. Давайте взглянем на похороны».

Спешившись, оба привязали лошадей к дереву и зашли в церковь. Три священника заунывно гнусили над открытым гробом; мимо тянулась вереница знакомых и родственников, отдававших последнюю дань уважения покойному.

Сэр Тристано слегка встревожился: «Что вы придумали?»

«Надеюсь, что обряд христианского погребения умиротворит зловредные чары жемчужины. Жрецы размахивают кадилами и распевают заклинания – здесь так разит христианской добродетелью, что хоть святых выноси! Колдовство должно отступить, испепеленное чистым пламенем истинной веры!»

«Все может быть, – с сомнением сказал сэр Тристано. – Налицо, однако, практические трудности. Мы же не можем вмешиваться в погребальный обряд!»

«В этом нет необходимости, – беспечно отозвался Орло. – Присоединимся к скорбящим. Я отвлеку жрецов, а вы уроните жемчужину в складки савана».

«Можно попробовать», – согласился Тристано. Так они и сделали.

Отойдя в сторону, два хитреца наблюдали за тем, как закрывали крышку гроба, содержащего покойника и жемчужину. Гроб вынесли к глубокой могиле, вырытой на церковном дворе; четыре могильщика опустили гроб в могилу и стали забрасывать его землей под всхлипывания и причитания окружающих.

«Отменные похороны! – с удовлетворением заявил Орло. – Поблизости я заметил вывеску постоялого двора – возможно, вы предпочтете остановиться там на ночь».

«А вы предпочитаете спать под открытым небом?» – удивился сэр Тристано.

«Ни в коем случае! К сожалению, однако, здесь наши пути расходятся. Завтра вы отправитесь дальше по дороге в Аваллон. А я сейчас же поверну налево – в часе езды отсюда находится усадьба некой вдовы; возможно, в моем обществе она утешится и даже несколько оживится. Поэтому, сэр Тристано, позвольте мне с вами попрощаться!»

«Всего хорошего, Орло! Жаль расставаться с интересным собеседником. Не забывайте – я всегда буду рад приветствовать вас в замке Митрих!»

«Не забуду!» – Орло прищипорил лошадь. На перекрестке он задержался, обернулся, махнул рукой и скрылся за углом.

Несколько опечаленный, сэр Тристано направился к центральной площади. На постоялом дворе с вывеской, изображавшей четырех филинов, он осведомился о возможности ночлега, и его провели вверх по лестнице на мансарду под соломенной крышей. В предоставленном ему помещении находились койка с соломенным матрацем, стол, стул, старый комод и циновка из свежего тростника.

За ужином Тристано подкрепился вареной говядиной в бульоне с репой и петрушкой, закусывая хлебом с тертым хреном в сливках. Он выпил две большие кружки эля и, одолевая усталостью после перипетий долгого дня, поднялся пораньше к себе в комнату.

Сэр Тристано крепко заснул, но через несколько часов, уже ночью, его разбудил звук медленных шагов, приближавшихся по коридору. Скрипнув, дверь отворилась – тяжело ступая по тростниковой циновке, кто-то подошел к койке. Тристано оцепенел. Он почувствовал прикосновение холодных пальцев, опустивших нечто на плащ, прикрывавший его грудь.

Ночной посетитель так же медленно вышел и тихонько прикрыл за собой дверь. Его шаги удалились по коридору, и вскоре их уже не было слышно.

Сэр Тристано хрипло закричал, словно разбуженный кошмаром, и сорвал с себя плащ. Что-то блеснувшее зеленым отсветом упало на циновку.

Тристано снова заснул – тревожным, беспокойным сном. Холодные красноватые лучи рассвета, проникнув через окно, разбудили его. Тристано лежал, глядя на соломенную крышу. Приснилось ли ему то, что произошло ночью? Как было бы хорошо, если бы это был всего лишь дурной сон! Приподнявшись на локте, он внимательно посмотрел на тростниковую циновку, лежавшую на полу – и сразу заметил зеленую жемчужину.

Сэр Тристано встал с постели, сполоснул лицо, оделся и застегнул сапоги, не переставая искиоса следить за жемчужиной.

В комодке он нашел рваный передник; сложив его пополам, Тристано осторожно поднял жемчужину, плотно завернул ее в передник и засунул в поясную сумку. Спустившись в таверну, он позавтракал кашей с жареной капустой, уплатил по счету, вывел лошадь из конюшни и вскочил в седло.

На перекрестке сэр Тристано повернул направо по дороге, ведущей в Даотское королевство – то есть, в конечном счете, в Аваллон.

По пути он размышлял. Христианское погребение не удовлетворило жемчужину; он продолжал быть ее владельцем, пока ее у него не отнимут – силой или обманом.

Вскоре после полудня он подъехал к деревне Тимбо. Навстречу с громким лаем выбежала стая бродячих собак, хватавших лошадь зубами за ноги и заставивших ее испуганно пятиться. Чтобы отогнать псов, сэру Тристано пришлось спешиться и кидаться в них камнями. В местной таверне он перекусил хлебом с сардельками; когда он допивал кружку эля, ему в голову пришла идея.

Соблюдая величайшую осторожность, Тристано вдавил жемчужину поглубже в одну из сарделек и взял эту сардельку с собой на улицу. Собаки были тут как тут – рыча и бросаясь к нему с оскаленными зубами, они твердо намеревались выгнать его из деревни. Сэр Тристано бросил сардельку на землю: «Вот, смотрите! Вкусная сарделька, моя сарделька! Я за нее заплачу, она никому другому не принадлежит! Кажется, я ее уронил. Тот, кто возьмет сардельку и ее содержимое, похитит мое имущество!»

Тощий рыжий пес подскочил поближе и мигом сожрал сардельку. «Дело твое! – сказал собаке сэр Тристано. – Я не заставлял тебя ее есть. Ты сам ее взял».

Вернувшись в таверну, он заказал еще эля, продолжая размышлять о возможных последствиях своего поступка. Логика передачи права собственности казалась неопровержимой. Тем не менее... Чепуха! Собака добровольно проявила желание украсть сардельку. Теперь ответственность за решение всех проблем, связанных с обладанием заколдованной драгоценностью, ложилась на бродячего пса. И все же...

Чем дольше размышлял сэр Тристано, тем менее надежным представлялось ему логические обоснование его действий. Собака могла рассматривать брошенную сардельку как подарок – убедительное возражение! В таком случае передача собственности не состоялась, а проделку сэра Тристано можно было истолковать как обман, не позволявший обвинить собаку в краже.

Вспоминая о предыдущих попытках избавиться от проклятой жемчужины, сэр Тристано все больше нервничал, воображая различные вероятные способы ее возвращения.

Его внимание привлек переполох на улице – отвратительный вой, переходящий из визга в низкое клочущее рычание, леденящее кровь. С дороги слышались крики: «Бешеная собака! Берегись!»

Сэр Тристано поспешно бросил на стол несколько монет и выбежал из таверны, чтобы как можно скорее оказаться в седле и покинуть деревню Тимбо. Примерно в сотне ярдов он заметил рыжего пса – тот выделял сумасшедшие прыжки из стороны в сторону, мотал головой, разбрызгивая слюну, и стонущим рычанием выражал свое отношение к предательской действительности. Пес набросился на подростка, сопровождавшего нагруженную сеном телегу; паренек проворно вскочил на сено, схватил вилы и метким ударом проткнул собаке шею. Пес упал на спину, вскочил, яростно встряхиваясь, словно его окатили водой, и побежал вдоль обочины, волоча за собой застрявшие в шее вилы.

Неподалеку пожилой крестьянин подравнивал край соломенной крыши; он забежал в хижину и вышел с длинным луком в руках. Прицелившись, старик натянул тетиву и отпустил ее; стрела пронзила собаке грудь так, что наконечник торчал с одной стороны, а оперение – с другой. Пес не обратил внимания, продолжая рыскать и обозревать окрестности.

Заметив у дороги сэра Тристано, собака явно вспомнила виновника своих злоключений. Сначала она приближалась с угрожающей медлительностью, опустив голову и аккуратно переставляя одну лапу за другой, потом остановилась, взвыла и бросилась в атаку.

Сэр Тристано вскочил на лошадь и прищепил ее; рыжий пес пустился в погоню, заливаясь лаем, перемежавшимся низким хриплым рычанием. Вилы выпали у собаки из шеи – она догнала скачущую лошадь и стала бросаться на всадника, прыгая все выше и выше. Тристано выхватил меч, размахнулся и, пригнувшись ниже лошадиной гривы, разрубил собаке череп. Пес кувыркнулся в воздухе и свалился в канаву; там он лежал, дрожа всем телом и глядя на сэра Тристано стекленеющими желтыми глазами. Собака медленно поползла на брюхе и малопомалу выбралась из канавы.

Сэр Тристано застыл в седле с мечом наготове и смотрел на пса, как завороченный.

В десяти шагах от него собака стала биться в судорогах; ее вырвало на дорогу, она перевернулась на спину и затихла. В небольшой луже, извергнутой из желудка умирающего пса, блестела зеленая жемчужина.

Сэр Тристано с отвращением оценил ситуацию. В конце концов он спешился, оторвал прутик от ветки придорожного куста и расщепил его конец. Тем же способом, что и раньше, он защебил жемчужину и поднял ее.

Неподалеку однопролетный мост пересекал небольшую реку. Взяв лошадь под уздцы правой рукой и вытянув в сторону левую руку, державшую прутик, чтобы жемчужина случайно не прикоснулась ни к нему, ни к лошади, сэр Тристано прошествовал к мосту и привязал лошадь к корню куста. Спустившись по крутому берегу к воде, он тщательно промыл жемчужину, после чего промыл меч и протер его насухо, пользуясь кочкой, поросшей жесткой осокой.

Какой-то звук привлек его внимание. Взглянув вверх, сэр Тристано обнаружил на мосту высокого тощего субъекта с продолговатым лицом, выдающейся костлявой нижней челюстью и длинным острым подбородком. На нем была цилиндрическая шляпа, украшенная спиралью из красных и белых лент – такие шляпы носили профессиональные брадобреи и кровопускатели.

Игнорируя пристальное внимание вышестоящего субъекта, Тристано завернул жемчужину в тряпку и засунул ее в поясную сумку, после чего выбрался на дорогу. Брадобрей, теперь стоявший у своей тележки, приподнял шляпу и поклонился с преувеличенной подобострастностью: «Сударь, позвольте представиться: Долговязый Лиэм. Продаю эликсиры, помогающие от недугов; кроме того, стригу волосы и брею, обрезаю самые твердые и кривые ногти на пальцах ног, протыкаю чирьи, чищу уши и пускаю кровь. Мои расценки не чрезмерны, хотя их

нельзя назвать пустячными – в любом случае вы убедитесь в том, что ваши деньги потрачены не зря».

Сэр Тристано сел на лошадь: «Мне не требуются ваши товары и услуги. Будьте здоровы!»
«Одну минуту, сударь! Могу ли я поинтересоваться, куда вы направляетесь?»

«В Даот – в Аваллон».

«Долгий путь. В деревне Тумиш есть постоянный двор, но советую там не останавливаться, а доехать до Файдига, где гостиница „Корона и единорог“ заслуженно славится пирогами с бараниной».

«Спасибо. Я учту вашу рекомендацию».

В трех милях дальше по дороге находилось селение Тумиш; предупреждение Долговязого Лиэма оказалось справедливым – на местном постоялом дворе не предлагались достаточные удобства. Несмотря на то, что уже приближался вечер, сэр Тристано продолжил путь к Файдигу.

Солнце скрылось за тучами; через некоторое время дорога повернула к лесу. Сэр Тристано нахмурился, оглянулся, снова посмотрел вперед. Одно из двух – он мог вернуться на негостеприимный постоянный двор в Тумише или ехать по зловещему темному лесу.

Тристано принял решение. Чуть прищпорив лошадь, он углубился в чащу. Примерно через полмили лошадь недоуменно остановилась – дорогу перегородили два длинных, уставленных крест-накрест бревна.

Сзади послышался голос: «Руки вверх – если не хочешь получить стрелу в спину!»

Сэр Тристано послушно поднял руки вверх.

«Не оглядывайся, не смотри по сторонам, не шевелись! – продолжал тот же голос. – Ты у меня на прицеле. К тебе подойдет мой помощник. Падрайг, за работу! Пусть он только шелокнется – разрежь ему глотку бритвой... то есть ножом».

Послышался шорох осторожных шагов – чьи-то руки стали расстегивать ремни поясной сумки Тристано.

«Остерегитесь! – предупредил Тристано. – Вы похищаете знаменитую зеленую жемчужину!»

«Само собой! – произнес голос, теперь уже за самой спиной сэра Тристано. – В этом и заключается цель грабежа – в приобретении ценностей ограбленного».

«Я лишился моих ценностей – могу я, наконец, ехать дальше?»

«Ни в коем случае! Слезай с лошади – она мне пригодится, и седельные сумки тоже».

Убедившись на слух в том, что его задерживает единственный разбойник, сэр Тристано внезапно пригнулся к гриве, прищпорил коня и объехал баррикаду, продравшись через кусты. Оглянувшись, он увидел очень высокого человека, закутанного в черный плащ; капюшон полностью скрывал его лицо. На плече верзилы висел лук – он схватил его и пустил стрелу вдогонку. Но уже смеркалось, цель двигалась и была далеко – стрела с пением промчалась мимо и пропала в листве.

Сэр Тристано скакал галопом, пока не выехал из леса; погони не было. Придержав коня, он поехал шагом – на сердце у него было легко. В поясной сумке, помимо жемчужины, грабитель мог найти только пару серебряных монет и полдюжины медных грошей. Будучи человеком предусмотрительным, Тристано прятал золото в широком ремне с прорезями на тыльной стороне.

Когда сэр Тристано подъезжал к Файдигу, сумерки уже сгустились лиловато-серой мглой. Он остановился в гостинице «Корона и единорог», где ему предоставили чистую комнату со всеми необходимыми удобствами.

Долговязый брадобрей Лиэм снова оказался прав – в таверне гостиницы подавали превосходный пирог с бараниной, и Тристано отлично поужинал. Перед тем, как отправиться

спать, он поинтересовался у хозяина: «В ваших краях много разбойников? Путников часто грабят?»

Опасливо озираясь, трактирщик ответил: «Говорят, в окрестностях промышляет некий Верзила Тоби – в последнее время он околачивается в лесу, по дороге в Тумиш».

«Мне пришло в голову одно наблюдение, наводящее на размышления, – сказал сэр Тристано. – Вы знакомы с долговязым брадобреем по имени Лиэм?»

«Разумеется! Он часто предлагает услуги моим постояльцам. Тоже верзила, каких мало».

«Мне больше нечего добавить, – улыбнулся сэр Тристано. – Но имейте в виду, что сходство может не ограничиваться ростом, и что королевская стража может заинтересоваться этим обстоятельством».

5

Странствуя по проселочным дорогам и задворкам, Долговязый Лиэм направлялся на юг в Даот, где его услуги могли пользоваться спросом на празднествах, устроенных в конце лета по случаю сбора урожая. В местечке Кислаягодное его дела шли очень неплохо; однажды вечером его вызвали в Фот-Сашан, загородную усадьбу лорда Имбольда. Лакей провел его в просторную гостиную, где Лиэм узнал, что в связи с болезнью штатного цирюльника ему предстояло побрить лорда Имбольда и подравнять ему усы.

Брадобрей выполнил свою задачу удовлетворительно и даже заслужил похвалу лорда, выразившего также восхищение зеленой жемчужиной, украшавшей кольцо Долговязого Лиэма. Более того, лорд Имбольд находил эту драгоценность настолько поразительной и достопримечательной, что спросил брадобрея, сколько он хотел бы получить за свое кольцо.

Долговязый Лиэм поспешил воспользоваться многообещающей ситуацией и заломил ошеломительную цену: «Ваше сиятельство, эту безделушку я унаследовал от покойного деда, а он получил ее от египетского султана. Не могу расстаться с ней меньше, чем за пятьдесят золотых крон».

Лорд Имбольд вознегодовал: «Ты меня за дурака принимаешь?» Отвернувшись, он подзвал лакея: «Тауб! Уплати этому субъекту и выпроводи его».

Брадобрею пришлось ждать в приемной, пока Тауб ходил за деньгами. Изучая обстановку, Долговязый Лиэм открыл стенной шкаф и обнаружил в нем пару золотых подсвечников, возбудивших в нем такую алчность, что он засунул их в котомку и закрыл дверцы шкафа.

Тем временем, вернувшийся Тауб успел заметить подозрительное поведение брадобрея, схватил его за руку и стал настаивать на том, чтобы тот продемонстрировал содержимое котомки. Поддавшись панике, Долговязый Лиэм вынул из кармана бритву другой рукой и широким взмахом рассек шею Тауба так глубоко, что у того голова откинулась за плечи.

Лиэм выбежал из усадьбы, но его поймали, осудили и отвели на виселицу.

Инвалид Мантинг, ветеран многих битв, уже десять лет работал окружным палачом. Он эффективно выполнял свои функции – Долговязый Лиэм расстался с жизнью скоротечно и безвозвратно – хотя Мантингу не хватало дополнительного нюанса театральной неожиданности и пикантности, отличающего палача-виртуоза от более посредственных коллег.

К числу должностных привилегий Мантинга относилось присвоение одежды и украшений казенных, в связи с чем он стал владельцем ценного кольца с зеленой жемчужиной, какое не преминул носить на пальце.

Впоследствии каждый, кто наблюдал за Мантингом, не мог не заметить, что палач стал отличаться настолько изящным стилем и таким вниманием к деталям, что порой Мантинг и осужденный казались участниками трагического представления, заставлявшего сжиматься сердца зрителей – в конце спектакля, когда проваливался люк под виселицей, опускался топор или голову преступника крушила булава, мало у кого из зевак не катились по щекам слезы внутреннего очищения.

В круг обязанностей Мантинга иногда входила пытка заключенных – опять же, в этом отношении он показал себя не только знатоком классических методов, но и прозорливым изобретателем-первопроходцем.

Тем не менее, стремясь к достижению той или иной артистической цели, Мантинг проявлял тенденцию к преувеличению. Как-то раз повестка его рабочего дня включала расправу с молодой ведьмой по имени Зейнис, обвиненной в наведении порчи на вымя соседской коровы. Так как в процессе рассмотрения этого дела присутствовал элемент неопределенности, было решено приговорить Зейнис к удушению гарротой, а не к сожжению на костре. Мантинг, однако, воспользовался удобным случаем с тем, чтобы проверить на практике новый и,

пожалуй, чрезмерно хитроумный убийственный механизм, чем вызвал ярость колдуна Квальмеса, любовника Зейнис.

Квальмес пригласил Мантинга прогуляться с ним по малоизвестной Тропе Ганьона, ведущей в Тантревальский лес. Когда они вышли на небольшую поляну, окруженную лесной чащей, колдун попросил палача отойти на несколько шагов и спросил: «Мантинг, как тебе здесь нравится?»

Мантинг, все еще недоумевавший по поводу назначения предпринятой прогулки, посмотрел вокруг: «Здесь свежий воздух. Зелень радует глаз, особенно после того, как проведешь целый день в подземелье. Россыпь цветов неподалеку придает пейзажу пасторальный шарм».

«Рад, что у тебя не вызывает возражений эта опушка, – сказал Квальмес. – Потому что ты ее никогда не покинешь».

Мантинг с улыбкой покачал головой: «Это невозможно. Сегодня у меня выходной, и я не прочь размять ноги, но завтра придется работать, не покладая рук – два повешения и пытка на дыбе, не считая порки».

«Ты освобожден от всех обязанностей, отныне и навсегда. Муки молодой Зейнис пробудили во мне глубокое сострадание, и ты дорого заплатишь за жестокость. Найди на поляне место, где тебе будет удобно прилечь, так как я собираюсь произнести заклинание присного стаза, и ты уже никогда не сможешь пошевелиться».

Мантинг горячо протестовал. Квальмес, печально улыбаясь, выслушивал его несколько минут, после чего спросил: «Скажи мне, Мантинг – разве твои жертвы не обращались к тебе с такими же мольбами?»

«Не могу отрицать, обращались».

«И как ты им отвечал?»

«Я говорил им, что судьба сделала меня инструментом не милосердия, а гибели, и что такова природа вещей. В данном случае, однако, имеет место иная ситуация. Ты взял на себя функции судьи и палача одновременно, в связи с чем ты способен и уполномочен рассмотреть мое ходатайство о снисхождении или даже о помиловании».

«В удовлетворении ходатайства отказано. Будь добр, ложись! Я не могу препираться с тобой целый день».

В конце концов Мантингу пришлось лечь на траву, после чего Квальмес произнес заклинание, вызывающее вечный паралич, и удалился восвояси.

Беспомощный Мантинг лежал днем и ночью, неделю за неделей, месяц за месяцем – хорьки и крысы глодали его руки и ноги, осы устраивали гнезда у него во плоти – до тех пор, пока от него не осталось ничего, кроме костей и блестящей зеленой жемчужины. Но и те постепенно скрылись под лесной подстилкой.

Глава 2

1

Восемь королей правили государствами Старейших островов. Наименее влиятельным был Гакс, номинальный правитель Северной Ульфляндии – его указы выполнялись лишь в пределах городских стен Ксунжа. Напротив, король Лионесса Казмир и даотский король Одри правили обширными территориями и командовали многочисленными армиями. Король Эйлас, чьи владения включали три острова, Тройсинет, Дассинет и Сколу, а также Южную Ульфляндию, обеспечивал безопасность своих морских путей несокрушимым флотом.

Правители четырех других королевств также во многом отличались друг от друга. Трон сумасшедшего короля Помпероля, Дьюэля, унаследовал его в высшей степени вменяемый сын Кестрель. Древнее королевство Кадуз было поглощено Лионессом, но Блалок, государство хмельного короля Милона, сохраняло независимость. Милон изобрел чудесную дипломатическую уловку, никогда его не подводившую. Когда в Блалок прибывали послы из Лионесса или Даота, стремившиеся заручиться поддержкой Милона, их усаживали за стол, музыканты начинали играть жизнерадостные танцевальные мелодии, гостям подавали кубки, полные вина, и вскоре послы напрочь забывали, зачем приехали, предаваясь безудержному пьяному веселью в компании его величества.

Годелия и ее буйное население в какой-то степени контролировались королем Дартвегом. Ска избирали «Первого среди первых» каждые десять лет; в настоящее время «Первым» был способный и решительный предводитель по имени Сарквин.

Восемь королей отличались почти во всех отношениях. Помперольский король Кестрель и тройский король Эйлас, серьезные и храбрые молодые люди, умели держать свое слово, но не сходились характерами – молчаливый и замкнутый Кестрель был начисто лишен чувства юмора, тогда как склонность Эйласа руководствоваться интуицией и богатым воображением вызывала тревогу у людей более уравновешенных.

Порядки, принятые при дворе восьми королей, в не меньшей степени свидетельствовали о разнообразии их привычек. Король Одри утопал в роскоши и тратил безумные деньги на развлечения – сообщения о происходящем в его дворце Фалу-Файль напоминали восточные легенды. Король Эйлас расходовал государственные средства на постройку новых военных кораблей, а в бюджете короля Казмира видное место занимало финансирование шпионажа и разнообразных интриг. Разведка Казмира протягивала щупальца повсюду, уделяя особое внимание Даоту – Одри достаточно было чихнуть, чтобы Казмиру тут же сообщили о возможной простуде даотского короля.

Опыт Казмира показывал, что получать информацию из Тройсинета было значительно труднее. Ему удалось подкупить нескольких должностных лиц, занимавших высокое положение – они передавали доносы с помощью почтовых голубей. Но больше всего Казмир полагался в этом отношении на руководителя своей разведки в Тройсинете, человека по кличке «Вальдес», каким-то образом ухитрявшегося своевременно предоставлять самые точные данные.

Вальдес отчитывался перед Казмиром каждые шесть недель. Завернувшись в грязновато-серый плащ с капюшоном, Казмир посещал инкогнито склад столичного виноторговца, пользуясь входом с заднего двора. Там с ним встречался Вальдес, внешне вполне напоминавший виноторговца – коренастый человек без особых примет, чисто выбритый, немногословный, с холодными серыми глазами.

От Вальдеса Казмир узнал, что в тройской верфи в двух милях к северу от Домрейса, в устье Бешеной реки, готовились спустить на воду четыре новых военных корабля. Невзирая

на строжайшую охрану верфи, Вальдесу удалось выяснить, что это были легкие быстроходные фелуки с катапультами, способными метать на сотню ярдов чугунные дроты, пробивавшие корпус любого обычного судна. Новые корабли были предназначены топить баркасы ска и тем самым обеспечивать возможность морского сообщения между Тройсинетом и Южной Ульфляндией.³

Перед тем, как удалиться, Вальдес заметил, что недавно ему удалось завербовать нескольких высокопоставленных лиц, способных предоставлять ценные сведения.

«Превосходно! – отозвался Казмир. – Именно такой эффективности мы ожидаем от разведки».

Повернувшись, чтобы уйти, Вальдес задержался, словно хотел что-то сказать, но передумал и снова взялся за ручку двери.

Казмир не преминул заметить эту заминку: «Постойте! Что вас беспокоит?»

«Ничего особенного – возможны некоторые организационные трудности».

«Какого рода?»

«Мне известно, что в Тройсинете у вас есть другие агенты; подозреваю, что по меньшей мере один из них занимает важный пост. Понятно, что вас такая ситуация вполне устраивает. Тем не менее, как я уже упомянул, мне удалось связаться с влиятельным человеком, склонным к сотрудничеству, хотя он пуглив, как полевая мышь. Было бы проще избегать недоразумений и экономно расходовать средства, если бы я точно знал, с кем имею дело – то есть, если бы мне были известны имена других осведомителей».

«Разумеется, это упростило бы вашу задачу», – сказал Казмир. Помолчав, король усмехнулся, оскалив белоснежные зубы: «Вы были бы удивлены, если бы узнали, чьи разговоры мне удается подслушивать! Тем не менее, думаю, что лучше пользоваться несколькими независимыми источниками, хотя бы исходя из чисто практических соображений. Если одного агента раскроют и станут допрашивать, другой может быть уверен в своей безопасности».

«С этим невозможно спорить», – Вальдес открыл дверь и вышел.

³ К этому времени между Тройсинетом и Лионессом установилось неустойчивое перемирие, обусловленное обязательством короля Казмира не строить военные корабли, создающие угрозу контролируемому моря тройскому флоту. Эйлас изложил свою позицию Казмиру в следующих выражениях: «Ваши армии – четыреста рыцарей и тысячи солдат – надежно защищают Лионесс от нашего нападения. Если же лионесские войска высадятся в Дассинете или Тройсинете, нам будет угрожать смертельная опасность! Мы не можем предоставить Лионессу никакой возможности осуществить такую высадку». Казмир согласился соблюдать это условие, внешне не проявляя никаких эмоций; на самом деле, однако, его обуревала не находящая выхода ярость, усугублявшаяся личной застарелой ненавистью к Эйласу.

2

Уступив зеленую жемчужину грабителю, сэра Тристано провел несколько дней в седле среди радующих глаз даотских полей и пастбищ и наконец прибыл в Аваллон. Остановившись в подходящей гостинице, он оделся подобающим образом и направился в Фалу-Файль, резиденцию короля Одри.

У входа стоял лакей в синей бархатной ливрее. Едва приподнимая веки, он смерил сэра Тристано надменным взглядом. Пока Тристано представлялся, лакей смотрел в пространство с каменным лицом, после чего неохотно провел его в вестибюль, где сэру Тристано пришлось ждать целый час, любуясь фонтаном, радужно сверкавшим под куполом из хрустальных призм, преломлявших солнечный свет.

Наконец появился камергер. Выслушав сэра Тристано, просившего аудиенции у короля Одри, камергер с сомнением покачал головой: «Его величество редко принимает кого-либо, если встреча не согласована заранее».

«Вы можете представить меня, как посла тройского короля Эйласа».

«Очень хорошо. Будьте добры, следуйте за мной», – камергер провел сэра Тристано в небольшую гостиную, усадил на диван и оставил в одиночестве.

Тристано снова прождал целый час – и еще один час. Наконец Одри, которому было решительно нечего делать, соблаговолил его принять.

Камергер провел сэра Тристано по дворцовым галереям в обширный ухоженный парк. Одри сидел, развалившись, за мраморным столом в компании трех приближенных и наблюдал за стайкой девушек, игравших в шары.

Король был занят азартным обсуждением ставок с приятелями и не мог сразу обратить внимание на сэра Тристано, ненавязчиво стоявшего в стороне и внимательно изучавшего внешность и повадки повелителя Даота. Перед ним был высокий, достаточно хорошо сложенный человек с некрасивым лицом; рот Одри был постоянно полуоткрыт, круглые глаза влажно блестя, отяжелевшие ягодицы свидетельствовали о неумеренности в еде. Черные кудри прикрывали его виски и щеки, черные брови почти срослись над длинным носом. Выразительная физиономия короля казалась доброжелательной – скорее капризной, нежели злонамеренной.

Наконец, приподняв брови, Одри обернулся к камергеру, представившему сэра Тристано: «Ваше величество, перед вами посланник из Тройсинета – сэра Тристано из замка Митрих, двоюродный брат короля Эйласа».

Сэр Тристано отвесил традиционный поклон: «Ваше величество, для меня большая честь передать вам приветствия короля Эйласа, выражающего искреннее уважение и наилучшие пожелания».

Полуприкрыв глаза, Одри откинулся на спинку кресла и смерил сэра Тристано оценивающим взглядом: «Должен признаться, сударь, что, учитывая важность порученной вам миссии, я ожидал увидеть человека, умудренного жизнью и накопившего немалый дипломатический опыт».

Сэр Тристано улыбнулся: «Сир, не могу не признать, что я всего лишь на три года старше короля Эйласа – возможно, по этой причине он считает, что я достаточно умудрен жизнью. Тем не менее, если вас не удовлетворяет мое присутствие, я немедленно вернусь в Тройсинет и разъясню вашу точку зрения королю Эйласу. Уверен, что он сможет выбрать более квалифицированного посла: пожилого, выдавшего виды человека вашего поколения. Могу ли я понимать ваши слова как разрешение удалиться?»

Одри раздраженно хмыкнул и выпрямился в кресле: «Тройсы на удивление заносчивы, когда речь заходит об их достоинстве! Перед тем, как выбежать из дворца, хлопнув две-

рю, может быть, вы объясните мне, по меньшей мере, чем объясняется достойная сожаления вылазка тройсов в Южную Ульфляндию?»

«С удовольствием, ваше величество, – сэр Тристано взглянул на трех придворных, слушавших с откровенным интересом. – Мы могли бы отложить обсуждение этого вопроса, несомненно вызывающего любопытство наших общих врагов, до тех пор, пока не останемся одни».

Одри нетерпеливо взмахнул рукой: «Тайны, нашептывания, интриги! Как я все это презираю! Сэр Тристано, вы очевидно незнакомы с моими принципами – у меня нет секретов. Тем не менее...» Король жестом приказал приятелям удалиться – те повиновались, всем видом показывая, что их глубоко оскорбили.

«Присаживайтесь, – Одри указал на кресло. – О чем же мы... Ах, да! Меня продолжает удивлять сумасбродное тройское вторжение».

Тристано снова улыбнулся: «Меня удивляет ваше удивление, сир! Мы высадились в Южной Ульфляндии по двум очевидным и веским причинам. Первая, казалось бы, даже не нуждается в разъяснениях – Эйлас предъявил свое право на корону как законный наследник престола и сделал все необходимое, чтобы обеспечить соблюдение закона. Когда он прибыл с этой целью, Южная Ульфляндия находилась в состоянии разрухи и междоусобицы – королю пришлось заняться восстановлением порядка.

Вторая причина так же очевидна и проста. Если бы Эйлас не воспользовался возможностью захватить Кауль-Боках и Тинцин-Фюраль – крепости, контролирующие обе дороги из Лионесса в Южную Ульфляндию – сегодня Южной Ульфляндией правил бы король Казмир. Ничто не помешало бы ему вторгнуться в ваши Западные топи и в то же время напасть на вас с юга. После этого, захватив Аваллон и бросив вас в темницу, Казмир мог бы не спеша заняться уничтожением Тройсинета. Таковы соображения, которыми мы руководствовались».

Король Одри цинично хрюкнул: «Вы руководствовались также тройскими амбициями, расширив свои владения. И тем самым усложнили и так уже запутанную ситуацию! Мне причиняют достаточно неприятностей Годелия и Визрод, не говоря уже о ска, захвативших мою лучшую крепость, Поэлитетц... А, замечательно! Меткий бросок, Артвен! А теперь – в атаку, Мниона! Пусть дрожат изящные коленки твоих противниц!»

Девичья игра в шары, по-видимому, интересовала короля больше, чем разговор с послом. Он поднес к губам кубок и прихлебнул из него, после чего налил вина и сэру Тристано: «У нас все по-домашнему, не церемоньтесь. И все же, я предпочел бы, чтобы Эйлас прислал официальную делегацию, наделенную неограниченными полномочиями, или даже приехал собственной персоной».

Сэр Тристано пожал плечами: «Могу только повторить то, что уже сказал. Король Эйлас разъяснил мне свои планы во всех подробностях. Мои слова в точности выражают его волю и его намерения».

«В таком случае не будем мудрствовать лукаво: Казмир – наш общий враг! – заявил Одри. – Я всегда готов объединить наши силы и покончить, раз и навсегда, с исходящей от него опасностью».

«Ваше величество, эта идея, разумеется, неоднократно приходила в голову королю Эйласу – и Казмир, естественно, тоже предвидит возможность такого развития событий. Эйлас занимает следующую позицию по этому вопросу. В настоящее время Тройсинет находится в состоянии перемирия с Лионессом; сколько будет продолжаться это перемирие, никто не может сказать с уверенностью. Мы стараемся выгодно использовать эту передышку – объединяем силы в Южной Ульфляндии, пополняем флот. Если перемирие продлится еще сто лет, тем лучше для нас.

Тем временем, ска создают для нас проблемы, нуждающиеся в безотлагательном решении. Если мы присоединимся к вам, чтобы сокрушить Лионесс, ска не отступят и не исчезнут, а нам придется иметь дело с новым противником – с агрессивным Даотом, не сдержива-

емым уравновешивающей противостояние сил угрозой со стороны Лионесса. Мы не можем допустить, чтобы какое-либо из государств решительно преобладало над другими – нам приходится всегда выступать на стороне слабейшего из противников. В ближайшем будущем, по всей видимости, таким слабейшим противником являетесь вы».

Одри нахмурился: «Ваше заявление почти оскорбительно прямолинейно».

Сэр Тристано не позволял себя запугивать: «Ваше величество, я здесь не для того, чтобы доставлять вам удовольствие, а для того, чтобы изложить факты и выслушать ваши замечания».

«Гмм. Вы утверждаете, что Эйлас выразился именно таким образом?»

«Буквально таким образом».

«Насколько я понимаю, вы не слишком высокого мнения о возможностях моих армий».

«Заинтересует ли вас отчет, полученный нами по этому поводу в Домрейсе?»

«Да-да, говорите».

«В таком случае я процитирую это сообщение почти дословно: «Прежде всего от рыцарей Даота требуется, чтобы они являлись на парад в начищенных до блеска латах, и чтобы их кони были украшены геральдическими попонами – в самом деле, их колонна представляет собой великолепное зрелище. В бою, однако, они не столь великолепны, так как изнежились в роскоши; суровые походные условия их удручают. Будучи вынуждены встретиться с врагом, они, конечно же, умеют красиво гарцевать на лошадях и дразнить противника жестами, выражающими полное безразличие – но только на безопасном расстоянии».

Даотские лучники и копейщики маршируют точно в ногу – координации их движений могли бы позавидовать профессиональные танцовщики или акробаты. Похвалы, расточаемые зрителями, вводят в заблуждение тщеславного короля Одри – он считает, что его полки непобедимы. Опять же, эти лучники отлично ведут себя на парадном плаце, но практически не имеют представления о том, каким концом стрела вставляется в лук, и что следует натягивать – тетиву или древко. Все они страдают ожирением и не расположены рисковать своей головой в бою».

«Это непристойная клевета! – возмутился Одри. – Вы что, пришли сюда, чтобы надо мной издеваться?»

«Ни в коем случае. Я пришел, чтобы передать сообщение, часть которого вы только что выслушали. Вторая часть такова: король Казмир прекрасно понимает недостатки вашей армии. Теперь он не может с легкостью напасть на вас с тыла через Южную Ульфляндию, и ему приходится замысливать нападение в лоб. Король Эйлас призывает вас выгнать в шею фаворитов, лично возглавить даотскую армию и поручить ее реорганизацию опытному ветерану. Он рекомендует забыть о парадах и заменить их полевыми учениями, безжалостно воспроизводящими условия военной кампании, и принимать участие в этих учениях собственной персоной».

Одри надменно выпрямился: «Ваши рекомендации граничат с непростительной дерзостью!»

«Наше намерение в том, чтобы предупредить об опасностях, возможно, ускользнувших от вашего внимания – даже если мы это делаем, исходя из собственных интересов».

Одри постучал пальцами по столу: «Я не знаком с королем Эйласом. Расскажите что-нибудь о его характере. Какой он человек – осторожный или смелый?»

Сэр Тристано задумался: «По правде говоря, его трудно определить. Как ответить на такой вопрос? Если можно так выразиться, он „осторожно смел“. Он ведет себя достаточно дружелюбно, но не отступает перед неприятными обязанностями. Подозреваю, что ему нередко приходится преодолевать себя, потому что по натуре он мягок – больше философ, нежели солдат. Он не любит воевать, но понимает, что в этом мире можно добиться своего только силой и принуждением; поэтому он изучает тактику военных кампаний, и мало кто может сравниться с ним в фехтовании. Эйлас ненавидит пытки – темницы под Миральдрой пустуют. Тем не менее, убийцы и разбойники в Тройсинете почти вывелись; как только их ловят, король приказывает их вздернуть. Короче, Эйлас справляется с властью – но, если я

правильно его понимаю, он с легким сердцем отошел бы от дел, будь у него на примете человек, которому можно было бы доверить королевство».

«Отказаться от короны легко! Многие с радостью заняли бы его место».

«Но именно таким людям он не может доверить власть!»

Одри пожал плечами и пригубил вина: «Я родился королем не по своему выбору. Если уж на то пошло, я вообще родился не по своей воле. Тем не менее, я – король, и намерен пользоваться этим преимуществом в полной мере. Возникает впечатление, что Эйласа, в отличие от меня, гложет чувство вины».

«Вряд ли».

Одри снова наполнил кубки – свой и сэра Тристано: «Я хотел бы ответить на послание короля Эйласа».

«Слушаю, ваше величество, с пристальным вниманием».

Одри наклонился к послу и назидательно произнес: «Эйласу давно пора жениться! И кто мог бы составить ему лучшую пару, чем моя старшая дочь Тобина? Что может быть лучше, чем объединить наши династии узами брака? Смотрите, вот она стоит, смотрит на игру!»

Сэр Тристано взглянул туда, куда указывал Одри: «Хорошенькая девушка в белом рядом с низкорослой дурнушкой, явно беременной? Да, она несомненно привлекательна!»

«Девушка в белом – подруга Тобины, Нетта! – с достоинством возразил Одри. – Тобина стоит рядом».

«Понятно... Что ж, сомневаюсь в том, что Эйлас намерен жениться так рано. Он может очень удивиться, если я предложу ему руку принцессы Тобины».

«В таком случае...»

«Перед тем, как я вас покину – еще один вопрос. Могу ли я выражаться со всей откровенностью?»

«Вы только этим и занимаетесь! – проворчал Одри. – Говорите».

«Должен предупредить, что предатели сообщают Казмиру о каждом вашем шаге. Вы окружены шпионами – к их числу могут относиться даже те придворные, с которыми вы привыкли проводить время».

Одри ошеломленно уставился на сэра Тристано, после чего расхохотался, откинув голову. Он повернулся и подозвал приятелей: «Сэр Гюнемер! Сэр Рудо! Сэр Суониш! Будьте любезны, идите сюда!»

Несколько озадаченные придворные вернулись к столу, неприязненно поглядывая на тройского посла.

Продолжая давиться от смеха, король Одри сообщил им: «Сэр Тристано утверждает, что Фалу-Файль кишит шпионами. В частности, он подозревает, что кто-то из вас работает на Казмира!»

Придворные, только присевшие, тут же вскочили с яростными возгласами: «Этот субъект нас оскорбляет! Позвольте вызвать его на дуэль – холодный клинок научит этикету неотесанного мужлана! Смехотворная клевета! Старушечьи сплетни и кудахтанье!»

Сэр Тристано с улыбкой откинулся на спинку кресла: «Судя по всему, я наступил на большую мозоль! Мне больше нечего сказать».

«Глупости! – заявил король Одри. – Все это чепуха! Какие такие секреты могли бы раз узнать у меня шпионы? У меня нет секретов! Все, что обо мне можно узнать, даже самое худшее – давным-давно известно всем и каждому!»

Сэр Тристано поднялся на ноги: «Ваше величество, я передал вам все, что мне поручили передать. Пожалуйста, разрешите мне удалиться».

Одри махнул кистью руки: «Можете идти».

Тристано поклонился, повернулся и покинул Фалу-Файль.

3

Вернувшись в Домрейс, сэр Тристано сразу направился в Миральдру – угрюмый древний замок с четырнадцатью башнями, бросавшими тень на ближайшие причалы гавани. Эйлас тепло приветствовал двоюродного брата. Когда они стояли рядом, невозможно было не заметить сходство. Тристано, более или менее атлетического сложения, был чуть выше сухопарого и жилистого короля. У обоих были золотистые светло-коричневые волосы, подстриженные под горшок на уровне ушей; черты лица Тристано были несколько крупнее, а лицо короля Эйлас отличалось жестким, мрачновато-задумчивым выражением. Теперь, однако, они оба улыбались, радуясь встрече, и походили на веселящихся подростков.

Эйлас предложил кузену сесть и сказал: «Прежде всего – я собираюсь навестить Родниковую Сень. Ты не прочь со мной проехаться?»

«С удовольствием».

«Тогда мы отправимся через пару часов. Ты завтракал?»

«Ничего не ел со вчерашнего дня, кроме куска хлеба с творогом».

«Это поправимо!» Эйлас подозвал слугу, и вскоре им подали большую сковороду с шипящим жареным хеком, ломти свежее испеченного хлеба с маслом, вишневый компот и горьковатый темный эль. Тем временем Эйлас спросил: «Что ты можешь рассказать о своей экспедиции?»

«Мне привелось повидать много любопытных вещей, – ответил Тристано. – Я сошел с корабля в Дун-Кругре и поехал в Клуггах, где король Дартвег сразу согласился меня принять. Дартвег, несомненно, кельт. Не все кельты – красноречивые болваны, от которых разит сыром, пивом и чесноком. В частности, от Дартвега разит медовухой и салом. Я не узнал от него ничего полезного: кельты думают только о том, как бы угнать чей-нибудь скот, а потом напиться до бесчувствия. На этом основывается их экономика. Я убежден в том, что кельту буренка с большим выменем дороже полногрудой красавицы. Тем не менее, короля Дартвега нельзя упрекнуть в отсутствии гостеприимства – по сути дела, кельта можно оскорбить, только обозвав его скрягой. Кельты слишком вспыльчивы, чтобы хорошо воевать, упрямы, как ослы, и капризны, как девственницы. На окраине Клуггаха есть выгон, где проводят общинные собрания. Когда я проезжал мимо, там столпились человек пятьдесят; все они кричали и ругались, то и дело хватаясь за мечи. Сначала я думал, что их волнует какой-то важный вопрос – по меньшей мере объявление войны или перемирия; мало-помалу я выяснил, что спор разгорелся по поводу того, кто поймал самого большого лосося три года тому назад, причем Дартвег ввязался в эту перепалку и орал громче всех. Потом появился друид в бурой рясе с веткой омелы на капюшоне. Он сказал одно слово – все замолчали и потихоньку разошлись кто куда».

Впоследствии, беседуя с Дартвегом, я упомянул об этой ссоре и положительно отозвался о способности друидов восстанавливать мир и согласие. Дартвег сказал, что друидам плевать на мир и согласие – друид вмешался только потому, что крики спорщиков распугивали ворон в священной роще неподалеку. Несмотря на множество христианских церквей, растущих повсюду, как грибы, друидов все слушаются беспрекословно».

«Что ж, теперь я достаточно хорошо представляю себе происходящее в Годелии! – заключил Эйлас. – Для того, чтобы пользоваться влиянием в стране кельтов, мне придется либо спуститься с неба на белом быке с сияющим диском Луга между рогами, либо поймать лосося неслыханных размеров. Что дальше?»

«Я переплыл Скайр на пароме и прибыл в Ксунж. Другого способа туда попасть нет – ска делают невозможным передвижение по суше. Гакс живет в Джехонделе – чудовищном каменном дворце; в нем настолько высокие своды, что их просто не видно. Залы похожи на огромные пещеры, там почти негде присесть – ни гостям, ни придворным, ни даже самому Гаксу».

«Но тебе удалось встретиться с Гаксом?»

«С большим трудом. Гакс болеет и почти не передвигается, а его племянник, некий сэра Крейм, по-видимому старается не допускать к Гаксу посетителей, заявляя, что состояние здоровья не позволяет королю волноваться. Я уплатил золотую крону, чтобы Гаксу тайком сообщили о моем приезде, и тот принял меня, невзирая на сопротивление сэра Крейма.

В расцвете лет Гакс, наверное, производил большое впечатление. Даже теперь, скрюченный подагрой, он на пару дюймов выше меня. Худой и жилистый, он говорит голосом, гулким, как северный ветер. Все его сыновья и дочери умерли; он не знает точно, сколько ему лет, но считает, что никак не меньше семидесяти. Никто не сообщает ему никаких новостей – он думал, что Орианте все еще правит в Южной Ульфляндии. Я заверил его, что Эйлас, нынешний король Южной Ульфляндии, поклялся отомстить ска, потопил множество их кораблей и преградил им дорогу в свою страну.

Услышав об этом, король Гакс захлопал в ладоши от радости. Сэра Крейм, стоявший рядом, заявил, что правление Эйласа скоротечно. Почему? Потому что, по словам Крейма, общеизвестные сексуальные извращения Эйласа подорвали его здоровье, и он потерял волю к жизни. Гакс с отвращением плюнул на пол. Я обвинил сэра Крейма в распространении заведомой клеветы. Я назвал людей, сообщивших сэру Крейму подобные сведения, подлыми и низкими лжецами, и посоветовал ему больше никогда не повторять подобные измышления, если он не хочет, чтобы его обвинили наравне с клеветниками.

Я указал на еще одну ошибку сэра Крейма, сообщив, что король Эйлас энергично усмиряет горных баронов Южной Ульфляндии и скоро вытеснит ска из Хайбраса».

Эйлас печально усмехнулся: «Почему ты не пообещал им также, что я поверну реки вспять и заставлю солнце всходить на западе?»

Сэра Тристано пожал плечами: «Ты не упомянул об этих планах, когда отправлял меня в путь».

«Всему свое время, – отозвался Эйлас. – Прежде всего мне нужно поймать блох в своем собственном хвосте. Но расскажи подробнее о короле Гаксе и его вредоносном племяннике».

«Сэра Крейм несколько старше меня; у него лиловый рот и черная борода. Мрачный, подозрительный тип, почти наверняка на содержании у ска.

Я упомянул о других событиях прошедшего года – оказалось, что Гакс не имел о них никакого представления. Судя по всему, старый хрыч прекрасно понимает, чем занимается его племянник – слушая меня, он то и дело злорадно поворачивался к сэру Крейму и спрашивал: «Как же так, Крейм? Получается, ты мне наврал?» Потом Гакс пригрозил ему пальцем: «Крейм, если ты не хочешь, чтобы мы все попали в рабство к ска, прислушайся к тому, что говорит этот человек. Тройсы – наша последняя надежда. Если бы я был лет на сорок моложе, я делал бы то, что сейчас делает король Эйлас!»

В конце концов Гакс воспользовался каким-то предлогом и заставил племянника удалиться. Сэра Крейм никак не хотел уходить – все время задерживался и оглядывался. Когда мы остались одни, король Гакс сказал, понизив голос: «В своей жизни я часто ошибался. Но одну, последнюю ошибку я хочу предотвратить».

«Какую именно?» – спросил я.

Теперь Гакс погрозил пальцем мне: «Ты только прикидываешься простаком, юноша. Разве ты не догадываешься?»

«Будь я на вашем месте, я мог бы допустить дюжину ошибок. Вы надеетесь не умереть преждевременно – но времени у вас почти не осталось».

«Тоже верно. Я умираю – так, как умирает любой человек в моем возрасте. Ска терпеливы, они ждут. Но мне приходится соблюдать осторожность: боюсь, что меня отравят – или что мне всадят нож в спину из-за угла. У меня нет сына, который отомстил бы моим убийцам. Я одинок в Джахонделе – мне предстоит печальная, холодная смерть».

«Позвольте спросить, исключительно из любопытства: каким образом в Северной Ульфляндии наследуется престол?»

«Как обычно, старшим ближайшим родственником мужского пола. То есть, если я умру – когда я умру – королем станет Крейм. Но послушай! У нас есть особый обычай. Видишь золотой обруч у меня на башке? Если бы ты был настолько глуп, что согласился бы взять его у меня из рук и надеть на свою башку, в тот же момент ты стал бы королем Северной Ульфляндии – марионеткой в руках ска, вечно боящейся, что каждый следующий глоток вина станет последним».

Я заверил Гакса в том, что у меня нет столь далеко идущих планов, и что ему не следует скоропалительно передавать мне королевскую власть.

В этот момент вернулся сэр Крейм, и я попрощался с королем Гаксом».

Эйлас подошел к окну, глядя на гавань, где под порывами ветра пенились барашки волн: «Как по-твоему, Гакс еще долго протянет?»

«Для семидесятилетнего старца он выглядит неплохо, хотя зрение у него с годами испортилось. Он быстро соображает и связно говорит».

«Что случилось после того, как ты покинул Ксунж?»

«Мне пришлось пережить невероятное приключение, связанное с заколдованной зеленой жемчужиной, каковую я с радостью уступил разбойнику с большой дороги, после чего я проехал по Даоту в Аваллон.

Король Одри принял меня у себя в дворце. Одри – напыщенный, тщеславный болван, хотя у него есть какое-то тяжеловесное чувство юмора.

Я предупредил его о том, что он окружен шпионами – Одри рассмеялся мне в лицо. Так как у него нет никаких секретов, Казмир зря тратит деньги, что устраивает Одри как нельзя лучше. Больше мне почти нечего сказать – кроме того, что Одри хочет женить тебя на своей беременной дочери Тобине».

«К этому я не готов».

Подошел слуга, что-то прошептавший Эйласу на ухо.

Эйлас скорчил гримасу и повернулся к Тристано: «Подожди меня во дворе – этим делом мне придется заняться в одиночку».

Тристано удалился. В тот же момент беззвучно появился Ейн, словно возникший из воздуха в нескольких шагах от Эйласа.

Эйлас вскочил на ноги: «Ты вернулся – я снова могу спать спокойно!»

«Ты преувеличиваешь опасность», – отозвался Ейн.

«Если бы тебя вывели на чистую воду, ты запел бы другую песню».

«Несомненно. Я стал бы разливатьсЯ соловьем, надеясь уладить слух Казмира прежде, чем с меня начнут сдирать кожу. На свете не так много людей, которых я боюсь. Один из них – король Казмир».

Эйлас снова взглянул в окно: «Кроме тебя, у него есть другие агенты».

«Конечно, есть. В частности, кто-то из твоих ближайших советников. Казмир почти назвал его, но передумал. Этот осведомитель занимает высокое положение – больше я ничего о нем не знаю».

Эйлас задумался: «Насколько высокое?»

«Очень высокое. Он обсуждает государственные дела непосредственно с тобой».

Эйлас медленно покачал головой: «В это трудно поверить».

«Как часто ты совещаешься с министрами?»

«Еженедельно, иногда чаще».

«Как их зовут?»

«У меня шесть министров, все они владеют обширными поместьями и не нуждаются в средствах – Малуф, Пирменс, Фойри, Сион-Танзифер, Лангларк и Уитервуд. Никому из них не выгодна победа Казмира».

«У кого из них может быть повод тебя ненавидеть?»

Эйлас пожал плечами: «Возможно, кто-то из них считает меня слишком неопытным, безрассудным или упрямым. Вторжение в Южную Ульфляндию не пользовалось всеобщей поддержкой».

«Кто из шести министров проявляет наибольшее усердие?»

«Пожалуй, Малуф – канцлер казначейства. Но все министры – способные, усердные люди. Лангларк время от времени пренебрегает обязанностями, но как раз его можно исключить из числа подозреваемых».

«Почему?»

«Я старался забыть об этой истории – чего, по-видимому, делать не следовало. Как тебе известно, на верфях в Блалоке строят рыбацкие лодки и каботажные торговые суда. Не так давно некий герцог Герониус Армориканский заплатил за строительство четырех крупных трехмачтовых галер – явно военных кораблей, способных причинять нам большие неприятности в спокойную погоду. Я навел справки. Оказалось, что герцог Герониус не существует. Казмир пытался меня надуть и построить флот чужими руками. Как только эти корабли спустят на воду и Казмир уплатит за них полновесным золотом, я заблокирую блалокские верфи и спалю корабли Казмира до ватерлинии. Стены Хайдиона задрожат от скрежета зубного!»

«Что же ты старался забыть?»

«На совещании с четырьмя министрами я упомянул, что, если верить слухам, в Порт-Поседеле, в Блалоке, строятся военные корабли. Я упомянул также, что просил местного торговца стеклом узнать что-нибудь по этому поводу, когда он будет в Порт-Поседеле».

Этот купец не вернулся из плавания. Я отправил людей на стекловаренный завод; там они узнали, что бывшего владельца убили в Блалоке».

Ейн медленно кивнул: «Кто из министров присутствовал на совещании?»

«Малуф, Сион-Танзифер, Пирменс и Фойри. Лангларка и Уитервуда не было».

«Убийство вряд ли было случайным».

«Почти наверняка не случайным. Но на сегодня хватит! Я еду в Родниковую Сень с Тристано и Шимродом – ты не поверишь, но там тоже придется решать сложнейшую задачу. Надеюсь, что с помощью Шимрода это удастся сделать достаточно быстро, и мы сможем провести несколько дней в мире и покое. Ты не хочешь составить нам компанию?»

Ейн попросил на него не рассчитывать: «Мне нужно вернуться к себе в Скейв и убедиться в том, что мы заготовили достаточно бочек – в этом году ожидается хороший урожай винограда. Кто мог взволновать спокойные воды Джанглина?»

«Друиды. Они обосновались на островке Айнисфад и напугали бедную Глинет до полусмерти. Мне придется поставить их на место».

«Пусть Шимрод напустит на них неизбежную тоску – или, что еще лучше, превратит их в речных раков».

Эйлас оглянулся, словно хотел убедиться в том, что Шимрод его не слышит: «Шимрод еще не знает, зачем я его вызвал. Когда имеешь дело с друидами, полезно заручиться помощью волшебника. Пусть Глинет сама расскажет ему, что произошло. Ради нее Шимрод готов в огонь и в воду – впрочем, ее чары распространяются на всех существ мужского пола».

«Не исключая некоего Эйласа, надо полагать».

«М-да. Ни в коем случае не исключая некоего Эйласа!»

Глава 3

1

Родниковая Сень строилась в те незапамятные смутные времена, когда требовалось охранять дорогу к пруду Джанглин, отпугивая рыцарей, разбойничавших на равнине Сеальда. Укрепления негодились – никто никогда не осаждал Родниковую Сень.

Замок, планировкой напоминавший верх бочки, возвышался на самом берегу пруда – основания его передних башен утопали в воде. Пологие конические крыши увенчивали крепость как таковую и соединенные с ней четыре приземистые башни. Высокие старые деревья бросали тень на все сооружение, смягчая очертания замка, а причудливые кровли казались издали забавными шляпами, легкомысленно нахлобученными на хмурые тяжеловесные лбы.

Отец Эйласа, принц Осперо, построил террасу, выступавшую из основания крепости там, где она была обращена к озеру. Летними вечерами, когда заходило солнце и сгущались сумерки, Осперо и Эйлас, нередко в компании гостей, ужинали на террасе и, если завязывался интересный разговор, долго не уходили с нее – им подавали орехи и вино, а в небе загорались звезды.

На берегу росли несколько больших смоковниц – в жаркие летние дни от них исходил всепроникающий сладковатый аромат, привлекавший бесчисленных насекомых, жужжавших и гудевших в листве; в детстве Эйласа, забиравшегося по серым ветвям, чтобы сорвать инжир, нередко жалили пчелы.

В центре замка находился огромный круглый зал с С-образным столом тридцать локтей в диаметре; за ним можно было свободно рассадить пятьдесят человек – или даже шестьдесят, если расставить стулья потеснее. Второй этаж над этим залом занимали библиотека Осперо, галерея, несколько гостиных и прочие помещения, где можно было отдохнуть и побеседовать. В башнях размещались просторные спальни владельца замка и его семьи, а также спальни и удобные приемные для гостей.

Когда принц Осперо стал королем и переехал в Домрейс, ров запустили, и он быстро превратился в трясину, густо поросшую ряской, тростником, ежевикой и кустарниковой ивой. Непролазная болотистая впадина распространяла запахи гнили и плесени; Эйлас распорядился, чтобы ров прочистили. Бригады наемных рабочих трудились три месяца, после чего шлюзы наконец открыли, и ров снова наполнился чистой свежей водой – хотя теперь он выполнял функцию дополнительной пристани, а не оборонительного сооружения. Когда поднимался сильный ветер, лодки отвязывали от наружного причала и перемещали под прикрытие насыпного вала. В прибрежных тростниках плавали утки и гуси, а в спокойных глубинах озера водились карпы, угри и щуки.

Для Эйласа Родниковая Сень была местом, полным приятных воспоминаний, и он не хотел существенно менять распорядок жизни в замке. Вейра и Флору теперь величали «сенешалем» и «кастеляншей». Керн, когда-то чистивший конюшню и участвовавший в играх и проказах малолетнего принца, ныне превратился в «заместителя управляющего королевскими конюшнями». Ветеран Тоунси состарился и больше не мог выполнять обязанности бейлифа; ему поручили руководство королевской винодельней.

После длительной задержки – и только потому, что на этом настаивал Вейр – Эйлас согласился переселиться в апартаменты покойного отца, а Друн занял комнаты, раньше принадлежавшие Эйласу.

«Ничего не поделаешь, таков порядок вещей, – наставлял Эйлас сенешал. – Осенью листья опадают, а весной распускается свежая зелень. Мы с Флорой неоднократно подмечали

в вас склонность к излишней сентиментальности. В юности это простительно. Но теперь все по-другому! Как вы сможете управлять государством, если боитесь высунуть нос из детской комнаты?»

«Дорогой мой Вейр, ты затрагиваешь наболевший вопрос! По правде говоря, меня вовсе не привлекает перспектива управлять государством – а тем более тремя государствами. Когда я возвращаюсь в Родниковую Сень, все это кажется нелепой шуткой!»

«Тем не менее, вы – король. Кроме того, вы напрасно скромничаете – все мы слышали о ваших походах и приключениях. Отныне вам подобает занимать апартаменты принца».

Эйлас поморщился: «Ты прав, конечно; придется последовать твоему совету. Но я всюду чувствую присутствие отца! Ты не поверишь – временами мне кажется, что я вижу его призрак: он стоит на балконе, а иногда сидит у камина и смотрит на догорающие угли».

Вейр презрительно хмыкнул: «Подумаешь! Я часто вижу доброго принца Осперо. Лунными ночами, когда я захожу в библиотеку, он сидит в любимом кресле и оборачивается ко мне – у него спокойное, невозмутимое лицо. Подозреваю, что он так любил Родниковую Сень, что даже после смерти не может с ней расстаться».

«Ладно, – вздохнул Эйлас. – Надеюсь, принц простит мне вторжение в его комнаты. Я не хочу ничего менять в обстановке».

И снова Вейр счел необходимым возразить: «Как же так? Нет уж, это никуда не годится! Принц Осперо не одобрил бы такое решение, вас он любил не меньше, чем старый замок. Теперь это ваши апартаменты, и вам следует устроить их по своему вкусу, а не так, как это нравилось покойному».

«Хорошо, хорошо! Что ты предлагаешь?»

«Прежде всего, все полы и деревянные панели нужно хорошенько промыть, надраить и заново навожить. Побелку придется полностью обновить. Я заметил, что зеленая краска выцвела и потемнела. Почему бы не заменить ее бледно-голубой, с желтыми лепными украшениями?»

«Прекрасно! Именно то, что нужно! Вейр, у тебя редкий талант, никто лучше тебя с этим не справится!»

«Кроме того, раз уж речь зашла об интерьерах, пожалуй, следовало бы обновить и комнаты леди Глинет. Конечно, я с ней посоветуюсь, но каменные стены не помешало бы оштукатурить и выкрасить в розовые тона с белыми и желтыми узорами, чтобы обстановка радовала взор с раннего утра».

«Разумеется! Займись этим, Вейр, будь так добр!»

Эйлас наделил Глинет небольшим приятным поместьем в долине неподалеку от Домрейса, но она не слишком интересовалась новоприобретенным имуществом и явно предпочитала Родниковую Сень. Ей уже исполнилось пятнадцать лет. Глинет наполняла грацией и очарованием не только собственную жизнь, но и жизнь всех своих друзей, сочетая непосредственность и солнечный оптимизм с насмешливо-радостным отношением к несуразностям этого мира. За прошедший год Глинет выросла на дюйм и, хотя она предпочитала носить мальчишеские бриджи и блузу, только слепой мог бы принять ее за юношу.

Леди Флора, тем не менее, считала не только ее манеру одеваться, но и поведение выходящими за рамки общепринятых обычаев: «Дорогая моя, что подумают люди? Принцессе не подобает плавать в одиночку на парусной шлюпке. Хорошо, что на озере почти не бывает волны! Какая принцесса позволяет себе сидеть на ветке у всех на виду и крутить головой вместе с совами? Или бегать в темный лес по грибы без сопровождения?»

«Я не прочь познакомиться с такой принцессой, – отвечала Глинет. – Она составила бы мне компанию, и мы прекрасно понимали бы друг друга без слов!»

«Второй такой нет! – уверенно заявляла Флора. – А этой принцессе пора бы уже научиться себя вести, чтобы не позориться при дворе».

«Сжальтесь, леди Флора! Вы меня выгоните, чтобы я мокла под дождем и мерзла в сугробах – только потому, что я не умею ровно прострочить шов?»

«Никто тебя никуда не выгонит! Но ты должна учиться у других и практиковаться в соблюдении этикета. Ты выросла, и с твоей фигурой носить бриджи совершенно неприлично. Придется подобрать тебе несколько изящных платьев».

«Но это ужасно неудобно! Разве можно перепрыгнуть через ограду в изящном платье? Подумайте сами!»

«Нет никакой необходимости прыгать через ограды! Я не прыгаю через ограды. Леди Водрис из Хенч-Холла не прыгает через ограды. В Родниковую Сень скоро начнут толпами собираться вельможные просители твоей руки. Они захотят тебе представиться и будут спрашивать, куда ты пропала. А мне придется разводить руками: „Наверное, она где-нибудь поблизости, кто ее знает?“ Они пойдут тебя искать, и что они увидят? Принцессу, висящую на дереве или скачущую с лягушками во рву?»

«Вот и хорошо! Они не захотят на мне жениться, и это меня вполне устраивает!»

Услышав эти слова, леди Флора попыталась шлепнуть воспитанницу, но та ловко увернулась: «Видите, как полезно прыгать через ограды!»

«Маленькая бесстыдница, ты плохо кончишь!» – без особого убеждения пригрозила леди Флора, посмеиваясь про себя. Уже через минуту она принесла Глинет блюдечко с нарочно припасенным для нее лимонным печеньем.

Глинет распускала золотистые волнистые волосы или перевязывала их черной лентой. Притворяясь бесхитростным созданием, она иногда слегка флиртowała и кокетничала, превращая в игру повиновение инстинктам – как котенок, воображающий, что он тигр, подкрадывающийся к добыче. Нередко жертвой ее экспериментов становился Эйлас – сжимая зубы и поднимая глаза к небу, молодой король вовремя заставлял себя отказываться от участия в таких забавах, опасаясь необратимого изменения сложившихся отношений.

Иногда, лежа в постели ночью, Эйлас пытался представить себе, что происходит в голове у Глинет и насколько серьезны ее заигрывания. Но каждый раз перед внутренним взором являлись другие образы, настойчиво требовавшие внимания.

Его больше не тревожили мрачные воспоминания о тайном убежище в саду за стеной Хайдиона. Сульдрун давно превратилась в туманную тень, затерявшуюся в бездне времени. Другая, более животрепещущая фигура проходила перед закрытыми глазами Эйласа. Ее звали Татцель, она была дочерью предводителя ска и жила в замке Санк в Северной Ульфляндии. Неподражаемая Татцель! Тонкая и гибкая, как ивовый побег, с темными волосами, подстриженными чуть ниже ушей, и бледно-оливковым, как у всех ска, оттенком кожи – в глазах ее светился ум! Как правило, Эйлас встречал ее, когда она шла по длинной галерее замка, глядя прямо перед собой. Она не замечала Эйласа – скалинга, раба, менее существенного, нежели предмет мебели.

Эйлас никак не мог определить чувства, заставлявшие его так часто вспоминать Татцель. Конечно, она уязвляла его самолюбие, бросала вызов, подливала масла в огонь негодования – но совсем иные, самопроизвольные и непонятные влечения сжимали ему сердце, когда Татцель проходила рядом, словно мимо пустого места. Он хотел преградить ей путь, чтобы она не могла его не замечать, взглянула ему в глаза и осознала, что перед ней гордый, свободный человек! Эйлас не осмеливался к ней прикоснуться: тут же позвали бы стражу и его, позорно беспомощного, утащили бы прочь – возможно, даже на стол для холощения рабов. О последствиях лучше было не думать – его мужское достоинство и всякая надежда заслужить расположение Татцель были бы потеряны навсегда.

Когда Эйласу удалось, наконец, бежать из замка Санк в компании Каргуса и Ейна, в какой-то момент он задержался, обернулся, глядя на замок, и пробормотал: «Помяни мое

слово, Татцель! В один прекрасный день мы снова встретимся – и тогда посмотрим, как ты будешь задирать нос!» Таков был призрак, навязчиво посещавший Эйласа в полусне.

2

Проведя ночь в Ведьминой гавани, к полудню Эйлас и Тристано поднялись на перевал Лешего и уже ближе к вечеру проехали, гремя копытами, по подъемному мосту к конюшням Родниковой Сени. Друн и Глинет выбежали им навстречу, за ними вышли Вейр, Флора и прочие домочадцы, а Шимрод⁴ ждал в тени сводчатого прохода, ведущего на террасу.

Прибывшие поднялись в свои комнаты, чтобы освежиться, после чего вышли на террасу, где Вейр подал им лучший ужин, какой могли обеспечить кладовые замка, и компания еще долго сидела за столом после того, как померкли последние отсветы заката и наступила ночь.

Тристано поведал присутствующим о зеленой жемчужине и ее зловредном влиянии: «До сих пор не понимаю, чем объясняются чары этой штуковины! На вид она отличается от обычной крупной жемчужины только оттенком блеска, зеленым, как морская вода. Шимрод, тебе что-нибудь известно по этому поводу?»

«Вынужден признаться, что в обширной сфере волшебства остается гораздо больше необъяснимого, чем хотелось бы. Для меня зеленая жемчужина – полная загадка».

«Наверное, это мозговая опухоль демона, – размышляла Глинет. – Или, может быть, яйцо гоблина».

«Глаз василиска!» – предположил Друн.

«Из всей этой истории можно извлечь урок, исключительно полезный подрастающим молодым людям, таким, как Друн, – задумчиво произнесла Глинет. – Никогда на воруй и не отнимай у других ценности, особенно если они зеленого цвета!»

«Превосходная рекомендация! – поддержал Тристано. – В таких случаях честность – лучшая стратегия».

«Я полон стыда и раскаяния, – опустил голову Друн. – Обещаю немедленно покончить с воровством и грабежами».

«Ну, разве что тебе представится возможность украсть какую-нибудь красивую безделушку для меня», – снизошла Глинет. Сегодня – возможно, уступив настояниям леди Флоры – она надела белое платье, а волосы украсила серебряным венком с белыми эмалевыми ромашками; все это вместе производило неотразимый эффект, явно не прошедший мимо внимания Тристано.

«В любом случае, мое поведение можно назвать только образцовым, – скромно заметил Тристано. – Я позаимствовал жемчужину исключительно в интересах окружающих, дабы оградить их от ее разрушительного воздействия, и добровольно уступил ее неимущему, лишенному преимуществ благородного происхождения».

«Насколько я понимаю, ты имеешь в виду пса, – отозвался Друн, – так как происхождение разбойника-брадобрея нам неизвестно».

«Ты обошелся с собакой поистине бессердечно! – сурово сказала Глинет. – Нужно было привезти жемчужину сюда и предложить ее Шимроду».

«Тем же способом? – возмутился Шимрод. – Я предпочитаю сардельки без жемчуга».

«Только представьте себе! – воскликнул Эйлас. – Бедняга Шимрод умчался бы галопом на четвереньках, с пеной у рта, кусая за задницу каждого встречного!»

⁴ Шимрод, странствовавший по Даоту в качестве «доктора Фиделиуса, шарлатана и целителя больных коленей», подружился с парой детей-бродяжек, Друном и Глинет, после чего они путешествовали вместе. За прошедшие с тех пор годы Шимрод мало изменился. Длинный нос, кривящийся рот и впалые щеки придавали его лицу ироническое, насмешливое выражение. Подтянутый, как всегда, он поглядывал на мир бледно-серыми глазами из-под полуопущенных век; его светло-коричневые волосы были коротко подстрижены на крестьянский манер. См. книгу I, «Сад принцессы Сульдрун».

«Шимрод мог бы надлежащим образом распорядиться магической драгоценностью, каков бы ни был характер ее влияния, – с достоинством возразила Глинет. – Несчастливая собака не понимала, что с ней сделали».

«Теперь я осознаю свою ошибку, – горестно признал Тристано. – Когда рыжий пес с рычанием и лаем хватал зубами за ноги мою лошадь, должен признаться, я не испытывал к нему никакого сочувствия. Поэтому, выйдя из таверны, я руководствовался сиюминутными побуждениями, хотя почти сразу же проникся сожалением по поводу своего поступка, а впоследствии, когда наблюдал за кончиной несчастного животного, даже проникся испугом, близким к отчаянию».

«Как это понимать? – недоуменно взглянула на него Глинет. – Ты раскаялся в своей жестокости?»

«Не совсем так. Не следует забывать, что я частично возместил собаке риск, накормив ее сарделькой».

«А тогда чем объяснялся твой испуг?»

Тристано поморщился и брезгливо поиграл пальцами в воздухе: «Раз уж ты настаиваешь, я объясню – в настолько деликатных выражениях, насколько это возможно. Все это происходило после того, как посреди ночи жемчужина была мне возвращена сверхъестественным образом – по сути дела, покойником, завалившимся ко мне в спальню. Глядя на мертвого пса, сначала я хотел уехать оттуда побыстрее и оставить жемчужину на дороге. Но такое решение проблемы казалось мне все более сомнительным по мере того, как я представлял себе, что могло произойти следующей ночью, после того, как я засну. Дохлый пес, проткнутый стрелой, с рассеченным черепом, подобранный жемчужину из лужи...»

Глинет зажала уши руками: «Хватит, хватит! Не хочу больше ничего слышать!»

«Действительно, в более подробных разъяснениях, пожалуй, нет необходимости», – заметил Эйлас.

«Верно, – кивнул Тристано. – Я руководствовался исключительно желанием возбудить в Глинет сострадание к чрезвычайно неудобному положению, в котором я оказался».

«Тебе это удалось», – призналась Глинет.

Наступило молчание. Глинет взглянула на сидевшего напротив Эйласа: «Сегодня ты неразговорчив. Что тебя беспокоит? Какие-нибудь государственные дела?»

Эйлас смотрел на темную озерную гладь: «Здесь кажется, что Миральдра на другом конце света. Хотел бы я никогда туда не возвращаться!»

«Возможно, ты берешь на себя слишком много обязанностей».

«Мои советники и министры значительно старше меня и следят за каждым моим шагом. Они только и ждут, чтобы я сделал какую-нибудь глупость. Мне приходится постоянно соблюдать осторожность. В Южной Ульфляндии все еще царит хаос – мне предстоит наводить там порядок; кроме того, возможно, придется приструнить ска, если они не откажутся от своих планов. И все это время, пока мы здесь сидим, Казмир плетет новые интриги».

«Тогда почему бы не отвечать Казмиру тем же, пока он не устанет играть в эти игры?»

«Легко сказать! Хитроумные заговоры, предательство и саботаж – родная стихия Казмира, в этом отношении мне с ним не совладать. Его шпионы за каждым углом, он узнаёт о моих планах прежде, чем они приходят мне в голову!»

Друн с негодованием сжал кулак: «Разве нельзя переловить всех этих шпионов и утопить их в Лире?»

«Все не так просто. Конечно, мне удастся выявить многих агентов Казмира, но я предпочитаю удовлетворять их любопытство, скармливая им ложные сведения. Если бы я их утопил, Казмир просто-напросто нанял бы новых шпионов. Так что я играю с Казмиром в поддавки и стараюсь не спугнуть его свору ищеек».

«Скармливание ложных сведений шпионам – тоже своего рода хитроумный план, – заметила Глинет. – Дает ли он желаемые результаты?»

«Об этом можно будет судить после того, как мы выясним, кто из моих ближайших советников работает на Казмира».

«Но у нас тоже есть шпионы, следящие за Казмиром?»

«Их не так много, и у них меньше возможностей. Тем не менее, наша разведка достаточно эффективна».

«В жизни шпиона, наверное, много опасностей и приключений, – оживилась Глинет. – Интересно, из меня получился бы хороший шпион?»

«Несомненно! – подтвердил Эйлас. – Из красивых девушек получают отличные шпионы. Тем не менее, им приходится полностью посвящать себя достижению поставленных целей. Да, их жизнь полна опасностей и приключений, но им приходится, так сказать, совмещать приятное с полезным, потому что самые ценные сведения, как правило, добываются в постели».

Глинет презрительно хмыкнула: «Так вот каким шпионам ты скармливаешь ложные сведения по ночам, стараясь ни в коем случае их не спугнуть вместо того, чтобы вздернуть на ближайшей виселице!»

«Ха! Если бы! Увы, Казмир не оказывает мне такую любезность. Он предпочитает подкупать стариков, страдающих подагрой. Кстати, никто не должен знать, что я подозреваю кого-то из ближайших советников – зарубите это на носу!»

«Наверное, странно смотреть на человека, разговаривать с ним и спрашивать себя – доносит ли он на меня смертельному врагу?» – задумчиво сказал Друн.

«Очень странно».

«Кого ты подозреваешь?» – спросил Тристано.

«У меня шесть августейших и безупречных министров – Малуф, Лангларк, Сион-Танзифер, Пирменс, Фойри и Уитервуд. У каждого огромные поместья, каждый – наследник древнего рода! Казалось бы, интересы каждого из них должны совпадать с интересами тройского государства. Тем не менее, один из них – предатель. Непостижимо! Мне неприятно об этом говорить, потому что, выбирая министров, я допустил какой-то непростительный промах».

«И как ты узнаешь, кто из них – предатель?»

«Здесь-то и зарыта собака. Пока что у меня нет ни одной улики».

Некоторое время, пока звезды всходили на безоблачном небе, присутствующие обсуждали различные способы выявления тайного агента Казмира. В конце концов, когда свечи уже догорали, они поднялись из-за стола и, позевывая, разошлись по спальням.

3

Король и его кузен готовились к отъезду в Домрейс. Наблюдая за их приготовлениями, Глинет и Друн все больше нервничали – без Эйласа и Тристано их существование в Родниковой Сени снова обещало стать скучноватым и одиноким. Кроме того, их заинтриговали поиски высокопоставленного тайного агента. В последнюю минуту они решили присоединиться к возвращавшимся в столицу, и тоже стали спешно готовиться к отъезду.

Отряд, ехавший по равнине Сеальда, теперь состоял из пяти человек. Поднявшись на перевал Лешего, они, как всегда, остановились и обернулись, чтобы бросить последний взгляд на далекую крепость у пруда Джанглин, после чего спустились по долине Каскадной реки в Ведьмину гавань и переночевали в гостинице «Коралловый букет». Проснувшись до рассвета, они выехали по дороге, ведущей к Туманному мысу, позвякивая упряжью в холодной утренней тишине – первые красноватые лучи солнца озаряли им спины. Вскоре после полудня они прибыли, наконец, в Домрейс.

Эйлас несколько не заблуждался по поводу намерений Друна и Глинет. Он отвел их в сторону и предупредил о необходимости соблюдать строжайшую тайну: «Здесь мы не играем в игры и не соревнуемся в острословии и сообразительности. Здесь мы рискуем жизнью – помните, что для Казмира человеческая жизнь не стоит ломаного гроша!»

«Почему он так жесток?» – спросил Друн.

«Не знаю. Но он умен и жесток, причем один из его агентов следит за всем происходящим в Миральдре, чувствуя себя в полной безопасности, словно наблюдает за цыплятами, снующими по птичьему двору».

Глинет недоумевала: «Понятно, что он – предатель, но что заставляет его быть предателем? Что он получает взамен?»

Эйлас пожал плечами: «Возможно, он шпионит просто из прихоти, потому что ему доставляет удовольствие рисковать – или потому, что он хочет доказать себе, что он умнее всех. Так или иначе, он постоянно настороже, подозревает всех и каждого, оценивает каждый взгляд, прислушивается к каждому шороху – ведите себя чрезвычайно предусмотрительно!»

«Ты можешь нам доверять, – обиделся Друн. – Мы не идиоты и не собираемся многозначительно поглядывать на подозрительных субъектов, пихая друг друга локтями и перешептываясь».

«Я прекрасно это понимаю! – заверил его Эйлас. – Более того, рассчитываю на то, что ваши наблюдения окажутся полезными». Про себя Эйлас подумал: «Кто знает? Дети иногда подмечают фальшь и несоответствия, ускользающие от внимания людей гораздо более опытных».

Учитывая эти соображения, Эйлас устроил званый обед, пригласив министров и нескольких придворных. В назначенный день погода оставляла желать лучшего – несмотря на безоблачное небо, море расшумелось, и холодный ветер налетал частыми настойчивыми порывами. Придерживая готовые сорваться на ветру шляпы и плащи, вельможи один за другим заезжали по эстакаде на внутренний двор Миральдры. Там их встречал стареющий сенешаль, сэр Эсте, провожавший каждого по отдельности в небольшой трапезный зал. Здесь их ожидал Эйлас в компании Друна и Глинет.

Так как это не был официальный прием, министры выбирали свободные места по желанию. Три министра сели с одной стороны стола, три других – с другой. Присутствовали также сэр Тристано и два знатных иностранных гостя. Один из последних, высокий и худощавый, с насмешливой продолговатой физиономией, представился как сэр Катрауль из Каталонии. На нем был роскошный костюм невиданного в Тройсинете покроя; он пудрил лицо, как это

было принято при аквитанском дворе. Друн и Глинет с трудом сдерживались от смеха – в расфуфыренном иностранце они сразу узнали Шимрода.

Напротив Шимрода сидел Ейн, также изменивший внешность – никто не узнал бы вино-торговца Вальдеса в темнокожем седобородом восточном купце с чалмой на голове. Он представился как синдик Хассифа из Тингитаны и почти ничего не говорил.

Когда все приглашенные сели, Эйлас поднялся на ноги: «Сегодня я приветствую моего кузена, двух вельможных гостей из дальних стран и шестерых моих советников и помощников – друзей и наставников, кому я доверяю важнейшие государственные дела. Хотел бы представить их своему сыну, принцу Друну, и моей подопечной, принцессе Глинет. Прежде всего – Малуф, лорд Мауль, из Дассинета!»

Малуф, невысокий человек крепкого телосложения, с коротко подстриженными черными кудрями, окладистой бородой и круглым бледным лицом, поднялся на ноги, галантно поклонился Глинет и снова уселся.

«Лорд Пирменс из замка Лютесс!» – провозгласил Эйлас.

Пирменс встал и отвесил поклон: он был несколько старше Малуфа, но отличался стройностью выправки и приятной внешностью; его безукоризненно причесанная серебристая шевелюра, вздернутые надменными дугами брови, серебристая бородка и слегка брезгливые манеры свидетельствовали об утонченной разборчивости.

«Лорд Сион-Танзифер из усадьбы Фейминг в Портовой бухте!»

Сион-Танзифер, старейший из министров – и, пожалуй, самый прямолинейный и открытый из них – уже стоял по стойке смирно, когда король начал произносить его имя. Специалист в области военной стратегии, он руководствовался самыми консервативными и ортодоксальными принципами; Эйлас часто находил его выводы скорее любопытными, нежели полезными. Сион-Танзифер, однако, был исключительно полезен в другом отношении – выражая свои мнения, обычно в виде догматически сформулированных азбучных истин, старый вояка раздражал и даже выводил из себя других министров, тем самым отвлекая их внимание от критического обсуждения решений Эйласа. Как человек, преданный рыцарским идеалам, Сион-Танзифер сперва поклонился принцессе Глинет, а затем принцу Друну – старшинство ранга уступало соображениям галантности.

«Лорд Уитервуд из поместья Уитервуд!»

Бледный и тощий субъект среднего возраста со впалыми щеками и горящими черными глазами, лорд Уитервуд плотно поджимал губы, словно сдерживая готовую вырваться внутреннюю энергию. Он страстно защищал свои убеждения и терпеть не мог слепое подражание традициям, чем заслужил неприязнь Сион-Танзифера и Малуфа. Старого стратега Уитервуд считал узколобым солдафоном, а министра-казначея – мелочным крохобором, поднимавшим переполох по каждому пустячному поводу. Лорд Уитервуд приподнялся, ответил двумя рассеянными кивками и снова опустился на стул.

«Лорд Лангларк из Чернохребетного замка!»

Словно желая упрекнуть Уитервуда за бесцеремонное поведение, Лангларк величественно выпрямился во весь рост и несколько раз глубоко поклонился направо и налево. Дородный человек непримечательной внешности, Лангларк, тем не менее, вносил чувство юмора, умеренность и практический здравый смысл в обсуждения на совещаниях совета министров. Эйлас находил, что именно на Лангларка он мог полагаться в первую очередь, когда ему нужна была поддержка в решении нетривиальных вопросов.

«Лорд Фойри из Суанетты!»

Фойри отвесил пару достаточно вежливых, но не слишком почтительных поклонов. Несколько тщедушный, узкоплечий и чуть сгорбленный, Фойри уже почти полностью облысел, хотя был на несколько лет моложе Малуфа. Быстрые движения головы, пристальный взгляд карих глаз, тонкий нос с горбинкой и цинично кривящийся рот делали его похожим на бди-

тельную хищную птицу. В зависимости от настроения, Фойри часто менял точку зрения, предпочитая рассматривать вопрос со всех сторон, и любил выдвигать возражения только для того, чтобы проверить обоснованность предлагаемых концепций.

«Все вы, разумеется, знакомы с сэром Тристаном, – продолжал Эйлас. – Рядом с ним сидят наши гости – сэр Катрауль из Каталонии и синдик Хассифа из Тингитаны».

Стали подавать первые блюда; поначалу беседа носила сдержанный и осторожный характер. Сион-Танзифер хранил гробовое молчание. Лорд Пирменс пытался завязать разговор сначала с сэром Катраулем, а затем с синдиком Хассифой, но те лишь недоуменно пожимали плечами и разводили руками – иностранцы явно не понимали, о чем он говорит.

Тем временем Глинет и Друн внимательно подмечали подробности поведения шести министров. Они знали, что каждый из них был в какой-то степени специалистом в той или иной области. Малуф заведовал казначейством и предоставлял рекомендации, относившиеся к налогам, пошлинам, сборам и прочим государственным доходам. Уитервуд занимался кодификацией судебных систем и согласованием их региональных различий с тем, чтобы каждый подданный королевства, высокого или низкого происхождения, мог ожидать последовательного применения законов. Сион-Танзифер, занимавший министерский пост еще при старом короле Гранисе, предлагал королю организационные и стратегические планы военных кампаний. Фойри превосходно разбирался в конструкции кораблей и координации морского флота. Пирменс, много путешествовавший в молодости – он успел побывать и в Ирландии, и в Византии – по сути дела выполнял функции министра иностранных дел, тогда как Лангларку король Эйлас поручил основать в Домрейсе университет, где преподавали бы грамматику, математику, географию и несколько других дисциплин.

Эйлас, также наблюдавший за министрами, ощущал странное холодное возбуждение с примесью ужаса – будучи заинтересован в раскрытии тайны, он в то же время боялся узнать правду. Один из шести человек, спокойно беседовавших у него за столом, угощавшихся его блюдами и пробовавших его вино, был предателем, стремившимся уничтожить самого короля и все его королевство.

Кто из шести?

И зачем ему это было нужно?

Эйлас покосился на Друна и почувствовал прилив гордости – у него был умный и красивый сын. Глинет тоже вызвала сильные положительные эмоции, но совсем иного рода. Девушка заметила внимание короля, встретила с ним глазами и улыбнулась, чуть покачав головой – она была в замешательстве, разгадка тайны от нее ускользала.

Обед продолжался. За первым блюдом – запеканкой из оливок, креветок и лука в устричных раковинах, приправленной сыром и петрушкой, последовала уха из тунца, морских моллюсков и береговых улиток, обжаренных в белом вине с зеленым луком и укропом. Затем, в надлежащем порядке, подали жареных на открытом огне перепелов, фаршированных сморчками, на ломтях свежего белого хлеба, с гарниром из заморского зеленого горошка, артишоки, отваренные в вине со сливочным маслом, в сопровождении салата из свежей зелени, жареную требуху и колбаски с квашеной капустой, печеную выдержанную оленину под вишневым соусом с перловкой, сначала тушеной в бульоне на медленном огне, а затем поджаренной с чесноком и шалфеем, и, наконец, медовые коврижки, орехи и апельсины. При этом кубки гостей постоянно наполняли благородным красным волюспийским и золотистым вином «Сан-Сью» из Родниковой Сени, а также душистым зеленым мускатным вином из Дассинета.

Несмотря на длительное знакомство и сотрудничество, министры не вели себя непринужденно; по мере того, как продолжалось пиршество и увеличивалось количество выпитого вина, каждый из них выражал свои взгляды с возрастающей горячностью, постепенно превращаясь в карикатуру на себя, и разногласия принимали все более личный характер.

Самым резким и непримиримым из шести был Сион-Танзифер, ветеран дюжины славных походов; его седые волосы казались растрепанными – они закрывали проплешины там, где на черепе зарубцевались раны. Сион-Танзифер делал краткие жесткие заявления, словно зачитывая их из справочника, содержащего неоспоримые истины; на возражения он отвечал лишь презрительными взглядами.

Излагая свою точку зрения, сидевший напротив Малуф стремился учитывать все возможные оговорки, в связи с чем, по сравнению с военным стратегом, казался человеком нерешительным, выражавшимся пространно и расплывчато.

Лорд Пирменс разительно отличался от них обоих – обходительный и статный дипломат, непоколебимо уверенный в своем интеллектуальном превосходстве, он предпочитал обтекаемые формулировки, но умел вовремя вставить острое словцо. Пирменс говорил на нескольких языках и познакомился с обычаями многих стран; ходили слухи, что в замке Лютесс хранилась коллекция произведений искусства и редкостей, недоступных ни за какие деньги.

Лангларк, легко краснеющий от вина непритязательный толстяк, применял на удивление успешную тактику сокрушенного замешательства и напускного самоуничтожения, благодаря которой аргументы других министров казались глупыми, смешными и преувеличенными. Он нередко указывал на простые противоречия или закономерности, упущенные собеседниками, и Пирменс прилагал всевозможные усилия с тем, чтобы не попасть в очередную ловушку Лангларка – пожалуй, единственного министра, превосходившего его наблюдательностью и находчивостью.

Лаконичный и щепетильный Уитервуд с беспощадной яростью атаковал нелогичные с его точки зрения взгляды, не взирая на личности – даже короля Эйласа нередко уязвляли замечания Уитервуда, а Малуф терпеть его не мог. Фойри говорил мало и выслушивал других с едва заметной язвительной усмешкой – но если его удавалось раззадорить, он набрасывался на противников с резкостью, не уступавшей нетерпимости Уитервуда.

Когда подали оленину, разговор зашел о вторжении в Южную Ульфляндию,⁵ не вызвавшем оптимизм у большинства министров.

Малуф говорил размеренно и бесстрастно: «Неприглядная страна, состоящая из скал и вересковых пустошей, усеянных развалинами хижин и перемежающихся болотами. Местные жители как-то умудряются добывать скудное пропитание – но только если вспахивают землю с тем же усердием, с каким убивают друг друга. Ульфы – варварский народ!»

«Постойте, постойте! – возмутилась Глинет. – Я родилась в Трокшо, в Северной Ульфляндии, и мои родители вовсе не были варварами. Они были добрые, хорошие, храбрые люди, и ска их убили!»

Малуф смущенно зажмурился: «Прошу прощения! Я, конечно, преувеличиваю! Мне следовало бы сказать, что бароны Южной Ульфляндии чрезмерно воинственны, и что благополучие в их стране возможно только после прекращения междоусобицы и набегов».

Сион-Танзифер пренебрежительно прокашлялся: «Это произойдет не раньше, чем с неба станут падать золотые монеты. Ульфы не могут жить без вендетты, как собака без блох».

«Десять лет тому назад мне представилась возможность побывать в Иссе, – заметил Пирменс. – Оттуда я ехал сухопутным путем в Оэльдес. Местные жители встречались редко – главным образом пастухи, мелкие фермеры и рыбаки. Открытое побережье пустынно и продувается ветрами. По меньшей мере, такое запустение – своего рода преимущество. Король Эйлас мог бы наделить ульфскими землями всех наших младших сыновей».

⁵ После смерти короля Южной Ульфляндии Орианте сложные правила престолонаследия позволили королю Тройсинета Эйласу претендовать на его корону. Короля Казмира такой поворот событий застал врасплох; пока он расхаживал, заложив руки за спину, по Зеленой гостинице в Хайдионе, тройские корабли высадили экспедиционные войска на пляж и пристани древнего Иссы. Эта армия захватила наводивший ужас на окрестности замок Тинцин-Фюраль, заменила лионесский гарнизон Кауль-Бокаха тройским и, таким образом, закрыла Казмиру доступ в Южную Ульфляндию.

«Безлюдность их побережья легко объясняется, – вмешался Фойри. – Если бы горные бароны освободили всех, кого они бросили в темницы или растянули на дыбе, мы обсуждали бы сейчас проблему перенаселения Южной Ульфляндии».

Воспринимавший все буквально Малуф с негодованием поднял брови: «Зачем нам понадобилась эта несчастная страна? Вторжение стоит большого труда, крови и золота! А ульфы ничего не могут дать взамен».

«Я их король, – мягко и рассудительно сказал Эйлас. – Они – мои подданные. Я обязан обеспечивать их безопасность и охранять правопорядок».

«Ничего подобного! – отрезал Уитервуд. – Ваш аргумент несостоятелен. Представьте себе, что вас вдруг, ни с того ни с сего, признали бы королем Китая. Что же, нам пришлось бы отправлять флотилию за тридевять земель и высаживать там тройские армии только для того, чтобы обеспечивать безопасность китайцев и наводить порядок в Поднебесной Империи?»

Эйлас рассмеялся: «Китай далеко. Южная Ульфляндия рядом».

«Тем не менее, – упрямо настаивал Малуф, – я считаю, что наши доходы должны находить полезное применение на нашей земле!»

Сион-Танзифер угрюмо заявил: «Должен признаться, меня эта экспедиция не радует. Бароны-бандиты стерегут свои труднодоступные долины, как волки и стервятники – недоеденную тушу оленя! Даже если мы всех их перебьем, на том же месте, как грибы, повылезают сотни других, и все останется, как раньше».

Нахмурившись, Лангларк созерцал середину стола с обычным для него выражением замешательства: «Вы предлагаете бросить на произвол судьбы обширную страну? В чем преимущество такого отступления? Пирменс явно преувеличивает бесплодие Южной Ульфляндии – там достаточно плодородных земель и полезных ископаемых, когда-то она считалась богатым королевством. В горах – оловянные, медные, золотые и серебряные рудники, а в торфяных болотах много месторождений железной руды. В старые добрые времена на горных лугах паслись и рогатый скот, и овцы, а в полях высевали овес, пшеницу и ячмень».

Сион-Танзифер желчно усмехнулся: «Пусть ульфы наслаждаются несметными богатствами своей обширной страны, сколько им влезет – я бы только их поздравил и был бы им премного благодарен, если бы они проливали свою собственную кровь, защищаясь от ска. Но почему им дозволяется загребать жар нашими руками? Каким образом это выгодно для нас? Они-то привыкли бегать без штанов по своим болотам, а мы в них завязнем, помяните мое слово!»

«Ха, гм! – Пирменс аккуратно приложил салфетку к серебристой бороде и опустил ее. – Сплошной сарказм и пессимизм!» Он повернулся к Эйласу: «Что может ответить его величество этим проповедникам упадочнических настроений?»

Эйлас откинулся на спинку кресла: «Мы уже неоднократно обсуждали эту тему – хотя создается впечатление, что все присутствующие предпочитают об этом не помнить. Повторяю: мы захватили Южную Ульфляндию не в поисках славы или плодородных земель, а только потому, что это необходимо для нашего выживания».

Сион-Танзифер продолжал скептически покачивать головой: «Либо я глуп, как пробка, либо в вашей концепции чего-то недостает».

«В таком случае его величеству остается только сделать выбор», – деликатно заметил Пирменс.

Эйлас рассмеялся: «Эти возможности не обязательно исключают одна другую!» Он обвел глазами всех сидящих за столом: «Кто еще считает, что нам следует убраться из Южной Ульфляндии? Малуф?»

«Это предприятие наносит существенный ущерб фондам казначейства. Другие соображения не входят в мою компетенцию».

«Пирменс?»

Лорд Пирменс задумчиво поджал губы: «Мы уже захватили Южную Ульфляндию. Теперь трудно – может быть, даже невозможно – отступить, не потеряв лицо».

«Лангларк?»

«Ваши аргументы убедительны».

«Уитервуд?»

«Мы начали игру, исход которой предсказать еще невозможно. Надеюсь, нам будет сопутствовать удача».

«Фойри?»

«Море принадлежит нам. Пока в этом отношении у нас нет соперников, Тройсинету нечего бояться».

«Сэр Тристано, а ты как думаешь?»

Тристано ответил не сразу: «Позвольте мне спросить: каковы были бы последствия, если бы мы действительно отказались от Тинцин-Фюряля и Кауль-Бокаха и вывели войска из Южной Ульфляндии?»

«Как только Южная Ульфляндия станет беззащитной, – сказал Эйлас, – король Казмир ущипнет себя, чтобы проверить, не приснилась ли ему такая удача, радостно станцует вальс и прикажет своим отрядам спешить на север, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Затем, когда его армии займут удобные позиции, не встречая никакого сопротивления, он нападет на Даот с двух сторон, и через месяц королю Одри придется бежать в Аквитанию или умереть. После этого Казмир перевезет круглый стол Карбра-ан-Медан и священный трон Эвандиг в Хайдион и объявит себя королем Старейших островов. В устье Мурмейля он может построить – и построит – флотилию, достаточную для высадки десанта в Дассинете, и мы проиграем войну. Захватив Южную Ульфляндию, мы сорвали планы Казмира и заставили его измышлять что-нибудь посложнее».

«Вы меня убедили, – кивнул сэр Тристано. – Лорд Сион-Танзифер, разве все это не так?»

«При всем моем уважении к его величеству, он упускает из виду важное обстоятельство. Казмир может сегодня же пройти со своими армиями на север по Тромпаде, не пересекая границу Южной Ульфляндии».

«Нет, не может! – возразил Эйлас. – В таком случае мы сразу напали бы на него с гор, и ему было бы чрезвычайно трудно защищаться в теснине, ограничивающей свободу маневров. Пока мы контролируем Южную Ульфляндию, а следовательно и Тих-так-Тих, Казмир не посмеет карабкаться в Даот по Тромпаде. Мы способны преградить ему путь даже силами местного ульфского ополчения».

Малуф почти не скрывал раздражение: «Почему мы постоянно говорим об одних угрозах и битвах? Разве мы не заключили мирный договор с Лионессом? Зачем обязательно допускать наихудшее возможное развитие событий? Если мы докажем Казмиру, что действительно хотим мира, он ответит тем же, и больше не нужно будет пугать друг друга громкими словами, бить мечами в щиты и упражняться в дорогостоящем тщеславии – от этого только проигрывают все заинтересованные стороны».

«Вспомните, что происходило несколько лет тому назад, – терпеливо возразил Эйлас. – Гранис был королем Тройсинета. Айвар Эксельсус, тогда еще правивший Дассинетом, решил нас проучить и позвал на помощь Казмира. Казмир был готов воспользоваться любым предлогом, чтобы переправить свои войска через Лир. Если бы корабли Граниса не потопили его армаду, никто из нас не обедал бы сегодня в Миральдре. С какой стати я поверю, что Казмир с тех пор стал смиренным, как ягненок? Это ниоткуда не следует».

Малуф не сдавался: «Тем не менее, Южная Ульфляндия – не Дассинет».

«Значит, вы считаете, что если мы будем вежливы с Казмиром, он не будет причинять нам никакого беспокойства?» – сухо осведомился Уитервуд.

«Нам нечего терять, – с достоинством отозвался Малуф. – Любой мир выгоднее войны».

«Неужели? На любых условиях?» – встрепнулся Лангларк.

«Никто из нас не хочет войны, – сказал Эйлас. – Даже Казмир – он предпочел бы восторжествовать без потерь, пользуясь нашей слабостью и нашими ошибками. Но, пока я сижу на троне, этому не бывать. Между тем, я делаю все возможное, чтобы сохранить мир. Возможно, вас заинтересует тот факт, что я пригласил короля Казмира и королеву Соллас нанести августейший визит в Домрейс».

«Это замечательная новость! – воскликнул Малуф. – Когда они приедут?»

«Примерно через месяц».

Фойри язвительно рассмеялся: «Дипломатия! Лицемерный спектакль!»

Эйлас улыбнулся: «Король обязан подавать пример радушия – даже если его воротит при виде гостя... Так или иначе, я уже сказал больше, чем хотел».

Обед закончился. Эйлас и Ейн, в сопровождении Друна и Глинет, прошли в одну из небольших гостиных и сели у камина.

«Так что же? – спросил у Ейна Эйлас. – Какой вывод ты можешь сделать?»

Ейн долго молчал, глядя в огонь: «Трудно сказать. Лангларк и Уитервуд вряд ли работают на Казмира – хотя бы потому, что не знали о поездке торговца стеклом. Сион-Танзифер, несомненно, храбрый и откровенный человек – даром что упрямый и односторонний. Назвать его предателем язык не поворачивается. Малуф? Фойри? Пирменс? Интуиция подсказывает мне, что шпион – Малуф. Он готов на любые уступки ради мира. История знает множество таких примеров – возможно, Малуф даже считает себя гением тайной дипломатии, умиротворяющим Казмира и тем самым приближающим торжество какого-то недостижимого идеала, противоречащего человеческой природе.

Из числа подозреваемых не следует исключать Пирменса. Он изворотлив и податлив – золото или просто желание развлечься за чужой счет могли побудить его к двурушничеству. Его внешность обманчива, он опасен. Утонченные натуры вроде Пирменса нередко готовы прощать, во имя терпимости, самые странные извращения – в том числе самим себе.

Фойри? Тройский флот – его любимое детище. Если он – предатель, я не могу представить себе его мотивы».

4

На следующий день лорд Малуф явился к королю Эйласу, чтобы представить отчет о состоянии казначейства. Малуф был невесел – он принес плохие вести: «Вторжение в Южную Ульфляндию и строительство новых кораблей в устье Бешеной реки истощили финансовые резервы; не хватает денег на повседневные расходы».

«Гмм! – отозвался Эйлас. – Неужели мы уже все потратили?»

«Я давно предупреждал о такой возможности, – с мрачным удовлетворением сказал Малуф. – Цыплят по осени считают».

«Возможно, возможно... А дассинетские налоги? Мы их еще не получили?»

«Еще нет, ваше величество – и Скола тоже еще не заплатила. Эти сборы ожидаются только через неделю».

«Что ж, на неделю придется затянуть пояса. Рано или поздно, надеюсь, и Южная Ульфляндия начнет окупаться. Я послал туда горных инженеров, обследовать рудники. Говорят, там еще много ценных залежей; рудники опустели не потому, что истощились – их забросили из-за бесконечных разбойничьих набегов. Кроме того, в реках могут быть отложения россыпного золота. Их никогда не разрабатывали, и в конечном счете они могут приносить неплохой доход – достаточный для покрытия наших затрат. Что вы на это скажете?»

«Пока что это чисто гипотетические доходы, ваше величество, и даже для того, чтобы доказать существование таких залежей, потребуются существенные капиталовложения».

Эйлас усмехнулся: «Малуф, ваш здравый смысл отрезвляет, как ушат холодной воды! Если ничего другого не останется, мы прибегнем к общеизвестному средству, никогда не подводившему расточительные правительства – а именно повысим налоги. Выжмем из них все до последней капли! Только короли могут швыряться деньгами! Зачем простолюдину деньги?»

«Ваше величество изволит шутить», – печально произнес Малуф.

«Шутки шутками, но я намерен обложить Исс портовыми сборами – до сих пор синдики уклонялись от каких бы то ни было налогов. Кроме того, мы начнем взимать пошлины, которые население долины Эвандера раньше платило Карфилиоту. Как видите, есть дополнительные источники дохода! Рано или поздно мы сможем вытрясти из горных баронов какую-то часть золота, награбленного за долгие годы разбоя и междоусобиц».

Малуф нахмурился, собираясь выдвинуть серьезные возражения против такой программы, но по размышлению решил, что король снова руководствуется в основном чувством юмора: «Мягко говоря, смелое решение вопроса!»

Эйлас рассмеялся: «Но очень простое в практическом отношении. Бароны неизбежно станут нарушать мои законы, а за такие нарушения они должны будут платить крупные штрафы – в противном случае я конфискую их замки и выгоню их на вересковые луга в чем мать родила. Хотел бы я, чтобы то же самое можно было сделать с мерзавцем Казмиром, опять строящим военный корабль вопреки нашему договору! Боюсь, однако, что он не заплатит штраф».

Малуф удивленно поднял брови: «Вы не вправе облагать штрафами короля Казмира!»

«К величайшему сожалению. Поэтому придется принять более решительные меры».

И снова Малуф недоуменно нахмурился: «Какие именно?»

«Ровно через две недели вооруженный отряд высадится у верфи в Сардилье и сожжет дотла новый корабль Казмира. Пора дать ему понять, что договорные обязательства – не пустая болтовня».

«Рискованное дело!» – покачал головой Малуф.

«Позволить Казмиру строить военный флот гораздо рискованнее».

Малуф не нашел, что на это ответить, и попросил разрешения удалиться. В тот же день, несколько позже, Эйлас говорил с лордом Пирменсом, и сообщил ему те же сведения.

Вечером того же дня Эйлас намекнул о предстоящей операции лорду Уитервуду и лорду Сион-Танзиферу, вместе присутствовавшим на совещании, но на этот раз сказал, что вылазка состоится через десять дней.

Тем временем сэр Тристано заверил Фойри и Лангларка – несмотря на то, что эти двое не были в числе основных подозреваемых – в том, что ночной поджог состоится через двадцать дней.

Рано утром следующего дня сэр Тристано взобрался на борт судна, со всей возможной скоростью направившегося в Кадуз, чтобы узнать в Сардилье, какое из трех сообщений заставит Казмира принять контрмеры.

В свое время Тристано вернулся, пошатываясь от усталости – ему пришлось скакать всю ночь, а затем переплыть Лир на рыбацкой лодке в штормовую погоду. Эйлас и Ейн с интересом выслушали его отчет. На десятую ночь после утечки информации никакие необычные меры предосторожности не принимались. По прошествии двух недель сотня тяжело вооруженных бойцов устроила на берегу засаду; всю ночь они ожидали нападения, каковое не состоялось.

Для того, чтобы не оставалось никаких сомнений, Тристано подождал, пока не наступила двадцатая ночь; в эту ночь ничего не произошло, и он вернулся в Домрейс.

«Стали очевидными три факта, – заключил Эйлас. – Во-первых, корабль действительно строится по заказу Казмира. Во-вторых, предатель – один из моих министров. В-третьих, это либо Малуф, либо Пирменс».

«Оба – подходящие кандидаты, – сказал Ейн. – Что дальше?»

«В ближайшее время следует вести себя исключительно осторожно. Если мы спугнем шпиона, его будет гораздо труднее вывести на чистую воду».

5

Эйласу сообщили, что в Южной Ульфляндии, недалеко от Оэльдеса, обнаружили богатые залежи болотного железняка, и он поручил Малуфу оценить затраты, необходимые для строительства плавильни.

Цифры, представленные Малуфом на рассмотрение короля, казались явно завышенными. Некоторое время Эйлас просматривал отчет, не высказывая никаких замечаний, затем отложил пергамент в сторону: «Ясно, что потребует дальнейшее изучение этого проекта. В данный момент меня занимают другие мысли – в последнее время сны не дают мне покоя».

Физиономия Малуфа изобразила почтительное беспокойство: «Хорошо вас понимаю, государь! Сны предрекают будущее. Предчувствиями, посещающими нас во снах, нельзя пренебрегать!»

«Прошлой ночью я видел на удивление яркий сон, – продолжал Эйлас. – По-видимому, он связан с предстоящим визитом короля Казмира. Мне снилось, что его корабль заходит в гавань – Казмир стоял на палубе с непокрытой головой. Я видел его так же ясно, как вижу вас. Он отвернулся, но в моих ушах прозвучал его голос: „Смотри внимательно! Если на мне будет шляпа с двумя перьями, синим и зеленым – значит, я твой друг и верный союзник. Если на моей шляпе будет одно желтое перо, значит, я – подлый враг, и меня необходимо уничтожить любой ценой!“ Три раза его голос повторил эти слова! Казмир собрался надеть шляпу, но во сне меня кто-то позвал – я отвернулся и не заметил перья на шляпе».

«Достопримечательный сон!» – заметил Малуф.

Позже Эйлас поведал о своем удивительном сне лорду Пирменсу, но в несколько иных выражениях: «Голос говорил со мной – таинственный и гулкий, как голос оракула: „Внимательно следи за шляпой, когда Казмир ее наденет! Если на ней будет серебряная кокарда в форме птицы, он твой друг и союзник! Если на ней будет золотая эмблема, изображающая льва, значит, он замышляет измену!“ Так говорил оракул, и теперь я не знаю, что делать. Не могу же я принимать государственные решения, руководствуясь сновидениями! И все же, невозможно игнорировать знамения, предвещающие опасность. Что вы думаете по этому поводу?»

Пирменс пригладил серебристую бородку: «Здравый смысл подсказывает, что следует учитывать любую ценную информацию, независимо от ее источника. Вы не помните, какую именно шляпу держал в руке король Казмир?»

«Что-то вроде высокого берета из черного мятого бархата, без полей и без тульи».

«Позвольте порекомендовать следующее: если головной убор, в котором придет Казмир, будет точно соответствовать вашему сну, примите во внимание форму и материал эмблемы».

6

С террасы северной башни Миральдры Эйлас, окруженный несколькими придворными, наблюдал за приближением лионесского галеона «Королевская звезда» – тяжелого судна с тупым закругленным носом и высокой ютовой надстройкой; белоснежные паруса, фок и грот, красиво надувались ветром, на концах мачт развевались на ветру красные и желтые вымпелы.

Галеон зашел в гавань, и команда проворно взяла паруса на гитовы. Портовые шлюпки подвезли причальные тросы, и «Королевская звезда» пришвартовалась к пристани рядом с Миральдрой.

Теперь король Эйлас ожидал гостей на молу в сопровождении двадцати знатнейших вельмож с супругами. Трап подняли на палубу галеона, где можно было заметить перемещение фигур в роскошных нарядах. Команда лакеев в ярких ливреях развернула розовую плюшевую ковровую дорожку, спускавшуюся с трапа на пристань и ведущую к трем установленным на платформе креслам с высокими спинками. В креслах разместились король Эйлас, принц Друн по правую руку и принцесса Глинет слева.⁶

На палубе «Королевской звезды» появилась величавая фигура – король Казмир. Перед тем, как вступить на трап, он задержался, и к нему присоединилась дама благородных пропорций с уложенными кольцами светло-русыми косами под сеткой из белых жемчужин – королева Соллас. Глядя прямо перед собой, августейшая пара спустилась по трапу на пристань.

Эйлас поднялся и шагнул им навстречу. Взгляд его остановился на головном уборе Казмира – высоком черном берете без полей и без тульи. Спереди на берете была закреплена серебряная кокарда в форме птицы; сбоку берет украшали два пера, зеленое и синее.

За королевой Соллас следовали принц Кассандр и принцесса Мэдук. Кассандр, крепко сложенный юнец лет пятнадцати, украсил блестящие кудри соломенного оттенка зеленой шапочкой, лихо сдвинутой набекрень. Невозможно было сомневаться в том, что он – сын своего отца; в его походке и движениях уже чувствовалась непреклонная царственность, свойственная Казмиру. Кассандр обозревал окружающих слегка угрожающим взглядом круглых голубых глаз, словно предупреждая малейшие проявления неуважения.

В отличие от брата, рыжая и кудрявая принцесса Мэдук, напоминавшая длинноногого сорванца, явно плевать хотела на уважение к своему достоинству и на одобрение свиты. Бросив быстрый взгляд на церемониальные приготовления, она сбежала по трапу вприпрыжку, как игривый котенок. На ней было длинное платье из темно-оранжевого бархата с широким черным поясом; цвет платья мало отличался от цвета ее слегка растрепанных кудрявых локонов. Ум принцессы явно не уступал подвижностью ее ногам – на курносом маленьком лице безошибочно отражались быстрые перемены настроения. Эйласу было хорошо известно происхождение Мэдук, и он наблюдал за ней с насмешливым любопытством. По-видимому, дипломаты, распространявшие слухи о преждевременном развитии и бьющей через край своенравности принцессы, не преувеличивали.

Король Казмир, предложивший королеве Соллас руку у основания трапа, бросил на Мэдук холодный предостерегающий взгляд, после чего повернулся, чтобы приветствовать короля Эйласа.

⁶ Такой прием царственных особ решительно противоречил строгим правилам церемониального этикета, так как титул «принцессы», пожалованный Эйласом его подопечной, Глинет, был не более чем почетным званием. Тем не менее, в этом случае Эйлас, движимый отчасти желанием досадить Казмиру, а также другими, с трудом поддающимися определению побуждениями, не последовал совету старшего герольда. Увенчанная диадемой принцессы королевской крови, Глинет поначалу выглядела несколько напряженно – она прекрасно знала о том, какие слухи ходили у нее за спиной. Мало-помалу, однако, она прониклась самоуверенностью сидящего рядом Эйласа и стала вести себя непринужденно.

Полдюжины лионесских вельмож сошли по трапу с супругами в порядке, строго соответствовавшем их знатности и старшинству; прибытие каждого гостя громко провозглашал старший герольд Миральдры.

Последними с корабля спустились пара фрейлин королевы и, наконец, христианский жрец, отец Умфред – дородный субъект в рясе пурпурного оттенка.

Короли обменялись традиционными приветствиями, после чего Казмира и Соллас проводили в их апартаменты, чтобы они могли отдохнуть и освежиться после тягот многочасового плавания.

Вечером того же дня Эйлас принимал гостей за неофициальным ужином – парадный многолюдный банкет был назначен на следующий день. И Эйлас, и Казмир мало ели и еще меньше выпили; оба встали из-за стола трезвые и сосредоточенные. Они удалились в частную гостиную, присели в кресла у камина и, пробуя густое золотистое вино из Олоросы, обсуждали интересовавшие их проблемы. При этом, однако, ни тот, ни другой не упомянул о корабле, который строили по заказу Казмира в Кадузе.

Когда Казмир завел разговор об укреплениях Кауль-Бокаха, перекрывавших проход по ущелью между Лионессом и Южной Ульфляндией, голос его звучал слегка насмешливо: «Даже без укреплений двадцать решительно настроенных людей могут защищать этот проход от целой армии. Но теперь мне сообщают, что в Кауль-Бокахе одна стена возвышается над другой, что каждый подход к крепости прегражден капканами, заграждениями и подъемными мостами с навесными башнями – неприступная твердыня стала в десять раз неприступнее. То же самое происходит в Тинцин-Фюрале: вершину Так-Тора увенчала вторая крепость, не менее труднодоступная. Не совсем понимаю, чем вызваны такие лихорадочные приготовления – ведь мы подписали договоры, делающие все эти усилия излишними».

«Полученные вами сведения соответствуют действительности, – ответил Эйлас. – Строятся новые укрепления и, несомненно, они предохраняют нас от вторжения из Лионесса. На мой взгляд, однако, причины таких предосторожностей очевидны. Вы не бессмертны; представьте себе, что Лионессом будет править жестокий и воинственный монарх, склонный рассматривать договоры только как предлог к их нарушению! Предположим также, что этот монарх, по неизвестным причинам, решит вторгнуться в Ульфляндию – что тогда? Мы будем к этому готовы – и, если он разумный человек, ему придется отказаться от подобных планов».

На губах Казмира появилась ледяная улыбка: «Могу согласиться с теоретической допустимостью ваших рассуждений, но не кажется ли вам, что с практической точки зрения они необоснованны?»

«Надеюсь, что это так, – кивнул Эйлас. – Могу ли я предложить вам еще немного вина? Его делают в моем собственном поместье».

«Благодарю вас – это на самом деле превосходное вино. Пожалуй, в Хайдионе следует пополнить запас трояских вин».

«Такой недосмотр легко устранить – я об этом позабочусь».

Казмир задумчиво приподнял бокал, заставил вино кружиться и стал любоваться золотистой рябью на его поверхности: «Я уже начинаю забывать суровые времена, когда наши народы разделяла кровная вражда».

«В этом мире все меняется», – отозвался Эйлас.

«Именно так! Наш договор, подписанный в пылу разгоревшихся страстей, запрещает Лионессу строить военные корабли – на основе устаревших допущений. Теперь, когда между нами установились добрососедские отношения...»

«Вы совершенно правы! – прервал собеседника Эйлас. – Наступившее равновесие сил выгодно нам обоим! И не только нам – оно способствует поддержанию мира на всех Старейших островах. Это равновесие, этот мир имеют для нас жизненно важное значение и составляют основу нашей внешней политики».

«Даже так? – Казмир нахмурился. – И каким же образом вы намерены осуществлять политику, основанную на таком расплывчатом принципе?»

«Принцип достаточно прост. Мы не можем позволить Даоту взять верх над Лионессом, а Лионессу – преобладать над Даотом, так как в противном случае наша безопасность окажется под угрозой. Если, например, король Одри нападет на Лионесс и каким-то чудом добьется преимущества, мы будем вынуждены выступить на стороне Лионесса и восстановить равновесие».

Казмир заставил себя непринужденно рассмеяться – осушив бокал, он со стуком поставил его на стол: «Хотел бы я, чтобы мои цели можно было так просто сформулировать! Увы! Их достижение зависит от таких не поддающихся точному выражению понятий, как справедливость, возмещение ущерба, нанесенного в прошлом, и общее направление развития истории».

Эйлас снова наполнил бокал Казмира: «Я вам не завидую – вы оказались в лабиринте неопределенностей. Тем не менее, в отношении Тройсинета у вас не должно быть никаких сомнений. Если Лионесс или Даот усилятся настолько, что создадут угрозу другой стороне, мы будем обязаны оказать всю возможную поддержку слабейшему из противников. По существу, вас защищает мощный военный флот – и вам не приходится нести никаких расходов на его содержание».

Король Казмир поднялся на ноги и с некоторой сухостью произнес: «Я устал после плаванья по проливу. Позвольте пожелать вам спокойной ночи».

«Надеюсь, у нас вы сможете хорошо отдохнуть», – Эйлас тоже встал.

Два короля вышли в более просторную приемную, где королева Соллас сидела в окружении лионесских и тройских придворных дам. Казмир остановился у входа и ограничился небрежным поклоном, обращенным ко всем присутствующим. Соллас поднялась с дивана, пожелала собеседницам спокойной ночи, и слуга, несущий два ярко пылающих факела, проводил августейшую пару в отведенные им апартаменты.

Эйлас возвращался по длинной сводчатой галерее к себе в кабинет, когда из теней ему навстречу выступила дородная фигура в пурпурной рясе: «Король Эйлас! Не могли бы вы уделить мне минуту внимания?»

Эйлас остановился, глядя на румяную физиономию брата Умфреда – или «отца Умфреда», как он теперь себя называл. Эйлас не стал изображать вежливость: «Что тебе нужно?»

Умфред усмехнулся: «Прежде всего я хотел бы возобновить наше старое знакомство».

Охваченный отвращением, Эйлас невольно отступил на шаг. Нисколько не смущаясь, Умфред продолжал: «Насколько я понимаю, вам известно, что я принес Благоую Весть в город Лионесс. Король Казмир почти наверняка согласится финансировать строительство величественного собора, чтобы Имя Господне славилось благодарными жителями его столицы. Если это произойдет, скорее всего, мне будет пожалована епископская митра».

«Какое мне дело? – спросил Эйлас. – Поразительно, что ты смеешь показываться в моем присутствии!»

Расплывшись в ласковой улыбке, отец Умфред отважным жестом руки отмахнул любые остатки неприязни, когда-либо существовавшей между ним и молодым королем: «Я несу в Тройсинет радостную весть Евангелия! Языческие обряды все еще преобладают в Тройсинете, Дассинете и Южной Ульфляндии. Ежедневно я молюсь о том, чтобы король Эйлас и его подданные вступили на славную стезю истинной веры!»

«У меня нет ни времени, ни намерения обсуждать этот вопрос, – сказал Эйлас. – Мои подданные могут верить во все, что им заблагорассудится. Так оно было – так оно и будет». Он повернулся, чтобы уйти, но отец Умфред положил ему на плечо мягкую белую руку: «Подождите!»

«Что еще?» – резко повернулся к нему Эйлас.

Отец Умфред улыбнулся еще шире и нежнее: «Молю Господа о вашем спасении и о том, чтобы вы, так же, как король Казмир, способствовали строительству собора в своей столице – и, тем самым, распространению Слова Божьего! Если же собор в Домрейсе превзойдет великолепием собор в Лионессе – а это зависит только от вас – я смогу надеяться на архиепископский сан!»

«Я не намерен платить за строительство христианской церкви ни в Домрейсе, ни где-либо в другом месте».

Умфред задумчиво поджал губы: «Таковы ваши взгляды в данный момент; возможно, однако, что некоторые соображения заставят вас изменить свое мнение».

«Вряд ли».

Снова Эйлас повернулся, чтобы уйти – и снова отец Умфред задержал его: «Очень рад увидеть вас снова, хотя – увы! – память невольно возвращает мои помыслы к достойным сожаления событиям, сопровождавшим нашу первую встречу. До сих пор король Казмир не знает, кто вы такой! И я уверен, что вы не спешите рассказать ему об этом. Значит, вы не хотите, чтобы он об этом знал. Не так ли?» – отступив на шаг, отец Умфред смотрел на Эйласа с благосклонным любопытством.

Поразмыслив несколько секунд, Эйлас сказал ровным, невыразительным тоном: «Следуй за мной».

В нескольких шагах, у стены галереи, стоял навтыжку старый слуга в ливрее. Эйлас остановился и сказал ему: «Попросите Мавра – синдика Хассифу – присоединиться ко мне в малой гостиной». Эйлас поманил Умфреда: «Пошли!»

Чуть опустив уголки губ, но продолжая улыбаться, отец Умфред засеменил за королем. Эйлас провел его в малую гостиную, закрыл дверь, подошел к камину и стал молча смотреть в огонь.

Отец Умфред пытался завязать приятный разговор: «Нет слов! Нынче вас окружают условия, несравнимые с прежними. Бедная маленькая Сульдрун! Как плохо она кончила! Поистине, сей мир – юдоль скорби, и мы посланы в него, чтобы подвергнуться испытаниям и очистить душу в преддверии вечного блаженства!»

Эйлас не отвечал. Истолковывая молчание короля как признак замешательства, приободренный жрец продолжал: «Моя лучшая надежда – в том, чтобы привести короля Тройсинета и его доблестный народ к спасительному свету истины. Ангелы Господни воспоют ему хвалу, когда в Домрейсе возвысится величественный собор! При этом, естественно, раз такова ваша воля, фактические обстоятельства вашего прошлого останутся в тайне, как если бы вы поведали их мне на исповеди».

Эйлас бросил на жреца быстрый взгляд и вернулся к созерцанию пламени в камине.

Дверь открылась. В гостиную тихо вошел Ейн в чалме и с седой бородой, все еще загримированный под мавра. Встрепенувшись, Эйлас повернулся к нему: «А, синдик Хассифа! Вы, случайно, не христианин?»

«Ни в коем случае».

«Хорошо, это упрощает дело. Перед вами субъект в рясе – что вы можете о нем сказать?»

«Это жрец – жирный, белый, скользкий, как бобер, с ележно подобострастной рожей. Я его уже сегодня видел – он приехал из Лионесса».

«Именно так. Я хотел бы, чтобы вы внимательно его рассмотрели и хорошенько запомнили, чтобы никогда ни с кем не спутать, ни в каких обстоятельствах».

«Ваше величество, он может натянуть на лицо капюшон, назваться Вельзевулом и спрятаться в самых глубоких катакомбах под Ватиканом – все равно я его узнаю».

«Вы не поверите, но он утверждает, что давно со мной знаком».

Синдик Хассифа с удивлением повернулся к Умфреду: «Чем он при этом руководствуется?»

«Он желает, чтобы я построил для него в Домрейсе богатую церковь. Он угрожает сказать королю Казмиру, кто я такой, если я откажусь выполнить его требование».

Мавр продолжал разглядывать жреца – его удивление возросло вдвойне: «Он свихнулся? Король Казмир прекрасно знает, кто вы такой – вы король Тройсинета, Эйлас».

Умфреду начинал не нравиться тон разговора. Облизнув губы, он сказал: «Да-да, конечно. Я всего лишь позволил себе комплимент, вполне естественный при обсуждении давно минувших дней старыми друзьями».

Повернувшись к мавру, Эйлас развел руками: «Вот видите! Он продолжает упорствовать! Меня это начинает раздражать. Если бы он не был моим гостем, я приказал бы бросить его в темницу. Скорее всего, я так и сделаю – Казмир только рад будет от него избавиться».

«Не компрометируйте свое гостеприимство из-за этого ничтожества, – посоветовал синдик Хассифа. – Пусть он сначала вернется в Лионесс. Мне стоит только слово сказать – и там ему разрежут глотку: днем или ночью, острым ножом или тупым, как прикажете».

«Лучше всего, наверное, было бы притащить его сейчас же к Казмиру и послушать, что они друг другу скажут, – размышлял вслух Эйлас. – Если жрец начнет выдумывать подлые сплетни...»

«Подождите! – в отчаянии воскликнул Умфред. – Я осознал свою ошибку! Я допустил невероятную оплошность! Я вас никогда раньше не видел, никогда в жизни!»

«Боюсь, что, несмотря на заверения, он способен изобрести какую-нибудь грязную брехню, подрывающую вашу репутацию и унижительную для вашего достоинства, – мавр вытащил блестящий кинжал. – Позвольте мне вырезать ему язык. Рану можно прижечь раскаленной кочергой».

«Нет, нет! – закричал вспотевший Умфред. – Я ничего никому не скажу! Мой рот на замке! Мне известны тысячи тайн – но я нем, как могила!»

«Так как он сопровождает моих гостей, – сказал Ейну Эйлас, – здесь, под кровом дворца моих предков, я не хотел бы его наказывать. Но если до меня дойдут хоть какие-нибудь слухи о его болтовне...»

«В угрозах нет необходимости! – заявил Умфред. – Я допустил непростительный промах, он никогда не повторится!»

«Рад слышать, что ты не спешишь расстаться с жизнью, – сухо сказал Эйлас. – Не забывай, однако, что у того, за кого ты меня принял, есть веские причины с тобой расправиться – и жестоко расправиться!»

«Кто прошлое помянет, тому глаз вон! – с готовностью ответил Умфред. – А теперь прошу меня извинить – я устал, а мне еще предстоит прочесть вечерние молитвы».

«Убирайся!»

7

Сводчатый проход позволял пройти из главной галереи Миральдры в большой зал. По сторонам прохода стояли две мраморные статуи героев, привезенные с берегов Средиземноморья пять столетий тому назад. Статуи изображали обнаженных гоплитов древней Эллады – в шлемах, с короткими мечами и круглыми щитами, готовых броситься в атаку.

Позавтракав в своих апартаментах, король Казмир и королева Соллас прогуливались по галерее, время от времени задерживаясь и рассматривая изделия давно забытых мастеров и боевые трофеи, накопленные поколениями королей Тройсинета.

Около одной из мраморных статуй стоял лакей в ливрее Миральдры, с церемониальной алебардой в руке. Казмир и его супруга проходили мимо, рассеянно поглядывая на фигуры античных героев; лакей сделал малозаметный знак рукой, немедленно привлечший внимание короля Казмира. Обернувшись, Казмир узнал в лакее человека, известного ему под именем «Вальдес».

Посмотрев по сторонам, Казмир убедился в том, что галерея пуста, отвел в сторону королеву Соллас и вполголоса что-то ей сказал, после чего вернулся к лакею и пробормотал: «Вот каким образом вы узнаете новости! Я часто пытался представить себе, как это вам удастся».

«Вам не удалось бы меня увидеть, если бы я не захотел с вами встретиться. Я больше не могу приезжать в Лионесс; мои частые передвижения привлекли внимание рыбаков, а среди них многие работают на тройскую разведку».

«Даже так? – Казмир не выказывал ни удивления, ни раздражения. – И что вы теперь будете делать?»

«Удалось на покой в деревню».

Притворяясь, что его заинтересовала статуя, король Казмир сказал: «Вам следует приехать в Лионесс еще раз – последний раз – чтобы я надлежащим образом вознаградил вас за службу. Может быть, нам удастся изобрести новую систему, позволяющую вам выгодно заниматься своим ремеслом, не слишком рискуя».

«Не думаю, что это возможно, – сухо обронил Вальдес. – Тем не менее, если кто-нибудь произнесет мое имя в Хайдионе, прислушайтесь к этому человеку – он сообщит вам последние известия... Кто-то идет».

Казмир отвернулся и продолжил прогулку по галерее в сопровождении королевы Соллас.

Через минуту Соллас спросила: «Почему ты помрачнел?»

Казмир отозвался сдавленным смешком: «Представь себе – у меня вызывают зависть прекрасные статуи короля Эйласа! Нам следует завести что-нибудь подобное в Хайдионе».

«Я предпочла бы завести подлинные реликвии в моей церкви», – задумчиво произнесла Соллас.

Погруженный в размышления, Казмир рассеянно ответил: «Да-да, дорогая. Как тебе угодно».

Возникшая ситуация никак не удовлетворяла лионесского короля. Когда шпионы переставали на него работать, Казмир разрывал с ними отношения самым бесповоротным образом, чтобы те никогда не могли предложить услуги кому-нибудь другому и тем самым, возможно, использовать полученные ими сведения в ущерб бывшему работодателю... Соллас продолжала говорить, и ее слова стали постепенно доходить до сознания Казмира: «Отец Умфред уверяет, что закупать их следует заблаговременно – прежде, чем на них возрастет спрос. Ему известны три подлинных щепки от Святого Креста; их мы могли бы приобрести сегодня же по сто крон за штуку. Говорят, что чаша Грааля – ни больше ни меньше! – находится где-то на Старейших островах, и у отца Умфреда есть возможность купить карты, позволяющие точно определить местонахождение...»

«О чем ты говоришь?» – потребовал разъяснений Казмир.

«О реликвиях для собора, конечно!»

«Как ты можешь говорить о реликвиях для собора, если собор как таковой – не более, чем галлюцинация?»

Королева Соллас обиделась: «Отец Умфред заверяет меня, что со временем Господь, несомненно, приведет тебя на путь истинный».

«Ха! Если Господу так приспичило построить собор, пусть сам за него платит!»

«Мне остается молиться о чуде!»

Через полчаса Казмир и Соллас снова проходили мимо мраморных статуй, но Вальдеса поблизости уже не было.

Глава 4

1

«Королевская звезда» отчалила от пристани и, постепенно набирая ход крутым левым галсом, покинула гавань Миральдры. Король Казмир взобрался на палубу ютовой надстройки и встал у поручня. Он поднял руку, прощаясь с вельможами, собравшимися на молу – его поза, спокойная и благожелательная, выражала лишь удовлетворение успешным визитом.

В открытом море началась бортовая качка, вызванная длинными валами, набегавшими с запада. Казмир спустился по соединяющей палубы лестнице и уединился в королевском салоне. Опустившись в большое кресло и неподвижно глядя в сдвоенное кормовое окно, король размышлял о событиях прошедших нескольких дней.

Внешне – с точки зрения посторонних – поездка прошла так, как того требовали правила придворного этикета. Тем не менее, несмотря на публичный обмен любезностями, двух королей разделял темный и тяжелый занавес взаимной неприязни.

Степень этой неприязни вызвала у Казмира недоумение: она не могла объясняться исключительно историей стычек между двумя государствами, она носила гораздо более личный характер. Казмир никогда не забывал лица – несомненно, он когда-то встречался с королем Эйласом в менее дружелюбной обстановке. Много лет тому назад король Гранис, правивший тогда Тройсинетом, посетил Хайдион в столице Лионесса. Его сопровождала свита, в том числе принц Эйлас – тогда еще малоизвестный малолетний племянник короля, и никто не рассматривал этого подростка как возможного наследника престола. Казмир едва его заметил. Мог ли подросток произвести столь яркое впечатление, полное какой-то скрытой угрозы? Разумеется, нет. Казмир мыслил прагматически и не позволял себе волноваться по пустякам.

Тайна тяготила Казмира – он чувствовал, что от его внимания ускользает какое-то важное, знаменательное обстоятельство. Лицо Эйласа то и дело предстало перед внутренним взором Казмира – неизменно искаженное выражением холодной ненависти. Лицо это возникало на неясном, расплывчатом фоне. Что это? Сновидение? Колдовские чары? Или все-таки просто взаимная неприязнь правителей двух соперничающих государств?

Проблема действовала Казмиру на нервы. В конце концов он решил о ней не думать. Но беспокойство не проходило. Всюду, со всех сторон вырастали преграды, мешавшие достижению его целей... Так или иначе, говорил себе Казмир, все преграды должны разлететься вдребезги под натиском его непреодолимой воли – тем временем, однако, они испытывали его терпение и нарушали размеренный порядок существования.

Король Казмир сидел, постукивая пальцами по ручкам кресла и размышляя об обстоятельствах своей жизни. Он вспомнил о затруднении, возникшем пять лет тому назад. Затруднение было вызвано прорицанием, произнесенным Персиллианом – Волшебным Зерцалом – по собственной инициативе, без вопроса, что само по себе было событием из ряда вон выходящим. Персиллиан внезапно принялся хрипло распевать на мотив какой-то скабрезной частушки. Вокальное словоизвержение зеркала застигло Казмира врасплох и быстро закончилось – но король успел его запомнить:

*«Казмир! Напрасно день и ночь
Судьбу ты тищишься превозмочь:
Наследным принцем разрешился
Сульдрун, твоя шальная дочь.*

*За круглый стол, на древний трон
Вместо тебя воссядет он,
Когда судьба твоя свершится
И опустеет Хайдион».⁷*

«Значит ли это, что я успею сесть на Эвандиг до него?» – с мучительной тревогой тут же спросил Казмир.

Персиллиан промолчал. Задрожав, словно в приступе раздражения, зеркало отразило искаженное нетерпением лицо Казмира.

Казмир давно и долго пытался разгадать смысл этого предсказания, особенно с тех пор, как Сульдрун умерла, оставив после себя не сына, а дочь – непредсказуемую и непослушную принцессу Мэдук.

«Королевская звезда» прибыла в столицу Лионесса. Сойдя с корабля, Казмир и вся королевская семья сели в белый, подпружиненный двойной подвеской экипаж, запряженный четырьмя единорогами с позолоченными рогами. Отец Умфред собрался было проворно забраться в тот же экипаж, но отказался от этой затеи, остановленный безмолвным взглядом короля Казмира. Вкрадчиво улыбнувшись, жрец соскочил на землю.

Экипаж покатился вверх по Сфер-Аркту к въездным воротам Хайдиона, где дворцовая челядь уже ждала прибытия короля, выстроившись в иерархическом порядке. Казмир рассеянно кивнул нескольким придворным, зашел во дворец, поднялся в свои апартаменты и немедленно занялся государственными делами.

Через два дня к Казмиру подошел старший сокольничий, Дутейн: «Сир, в западную голубятню вернулась птица с посланием».

Казмир, немедленно оживившийся, сказал: «Хорошенько накорми голубя пшеничным зерном и просом!»

«Уже сделано, ваше величество! Птица чувствует себя прекрасно».

«Хорошо, Дутейн, ты свободен», – пробормотал король; все его внимание уже сосредоточилось на сообщении. Казмир развернул тончайший листок бумаги и прочел:

«Ваше величество!

К сожалению, меня назначили на должность в Южной Ульфляндии, где мне придется выполнять пренеприятнейшие и утомительные обязанности. Больше не могу поддерживать с вами связь, по меньшей мере в ближайшем будущем».

Послание было подписано тайным знаком.

«Гм!» – произнес Казмир и бросил листок бумаги в огонь.

В тот же день, через пару часов, Дутейн снова появился перед королем: «В восточную голубятню вернулась еще одна птица, государь».

«Спасибо, Дутейн, можешь идти».

Второе послание, подписанное другим знаком, гласило:

«Ваше величество!

⁷ Эйлас был любовником дочери Казмира, Сульдрун, и отцом ее сына Друна, украденного феями Щекотной обители, заменивших Друна в колыбели подкидышем – рыжеволосой дочерью феи и неизвестного отца, теперь воспитывавшейся в Хайдионе в качестве принцессы Мэдук, внучки короля Лионесса. К счастью для короля Казмира, он не подозревал о подмене младенца, в связи с чем его приводило в замешательство предсказание Персиллиана, заключавшееся в том, что сын Сульдрун сядет на священный трон Эвандиг вместо Казмира и возглавит совет за древним круглым столом королей Старейших островов, Карбра-ан-Меданом – тем самым, что через два поколения послужил образцом для круглого стола Артура, короля Корнуолла.

По причинам, не поддающимся пониманию, меня откомандировали в Южную Ульфляндию, поручив мне обязанности, явно не соответствующие ни моим способностям, ни моим наклонностям. Таким образом, пока что это мое последнее сообщение».

«А!» – с отвращением воскликнул король и швырнул листок в камин. Бросившись в кресло, Казмир стал нервно подергивать свою аккуратную бороду. Два сообщения: совпадение? Возможно, но маловероятно. Неужели Вальдес провалил двух его лучших агентов? Но Вальдес не знал, как их звали!

Тем не менее, тот факт, что Вальдес решил отойти от дел непосредственно перед этим провалом, говорил сам за себя. Если бы можно было каким-то образом завлечь Вальдеса в Лионесс, истину можно было бы установить самым непреложным образом.

Казмир хмыкнул. Хитрая лиса Вальдес вряд ли рискнет приехать – хотя, с другой стороны, если приедет, тем самым он засвидетельствует свою добросовестность.

2

Королева Соллас давно уже обратилась в христианство, и отец Умфред заботился о том, чтобы ее религиозный пыл не ослабевал. В последнее время мысли королевы были заняты перспективой святости; по двадцать раз на дню она бормотала себе под нос: «Святая Соллас Лионесская! Как это хорошо звучит! Собор блаженной Соллас!»

Отец Умфред, постоянно стремившийся заслужить епископскую митру – а он не отказался бы и от сана архиепископа всего Лионесса, если бы представилась такая возможность – разогревал в Соллас надежды на причисление к лику святых: «Уважаемая королева, разумеется! Из семи актов подвижничества наибольшее торжество на небесах вызывает воздвижение благочинного молитвенного дома там, где царила мерзость языческого запустения – и в своей радости Господь вознаграждает угодников! Неужели вы не видите, как радужно играют лучи восходящей славы? Неужели вы не слышите ангельский хор, воспевающий зодчую дома Господня – красы и гордости Лионесса?»

«Я посвящу строительству собора каждую минуту существования! – решительно заявила Соллас. – Нарекут ли его в мою честь?»

«Такое решение подлежит утверждению высшей инстанцией, но у меня есть влиятельные связи. Когда над Лионессом разнесется колокольный звон, когда каждый горожанин будет смиренно возносить молитву Господню, и сам король Казмир преклонит колено перед алтарем – кто откажется прибавить к вашему имени титул „святейшая“?»

«Святейшая Соллас! Да! Превосходно! Сегодня же снова привлеку внимание короля к нашему почину».

«Какую победу мы одержим, когда Казмир провозгласит Благою Весть и припадет к ногам Иисуса! Все королевство должно будет последовать его примеру».

Соллас поджала губы: «Посмотрим, посмотрим. Не все сразу – сначала нужно одержать одну победу, а потом уже думать о другой. Если меня действительно причислят к лику святых, весь мир возрадуется, услышав эту весть, и это произведет надлежащее впечатление на его величество».

«Бесспорно! Шаг за шагом – только так мы вступим на праведную стезю!»

Вечером королева явилась в кабинет Казмира. Король стоял у камина, заложив руки за спину. Отец Умфред семенил за спиной королевы, но скромно отступил в сторону и остался в тени.

Воодушевленная надеждой, королева Соллас прошествовала к супругу и, обменявшись с ним несколькими любезностями, приступила к описанию проекта величественного собора с высокими башнями, разносящими перезвоном колоколов спасительную весть по всем окрестностям столицы. В пылу религиозного рвения она не заметила, как прищурились круглые голубые глаза Казмира, как поджались его губы. Соллас расписывала строительство в масштабах, способных поразить воображение всего христианского мира – сооружение настолько грандиозное и роскошное, что столица Лионесса несомненно должна была стать центром паломничества.

Король Казмир некоторое время терпел, но не услышал ничего, что вызвало бы у него малейшую симпатию. В конце концов он сказал: «Ты окончательно спятила? Жирный жрец опять забивает тебе голову своим несносным бредом? Каждый раз после того, как он к тебе пристаёт, твое лицо начинает напоминать его слащавую рожу – глаза закатываются, как у овцы с перерезанной глоткой!»

Соллас возмущенно воскликнула: «Ваше величество! Выражение лица, упомянутое вами в столь непривлекательных выражениях, свидетельствует о восторге предвкушения райского блаженства!»

«Как бы то ни было! Жрец одурманивает мозги, ловко потворствуя слабостям – это все, что он умеет. Куда ни посмотришь, везде околачивается этот бездельник. Давно пора выгнать его в шею!»

«Сир, что вы говорите? Одумайтесь! Церковь назовут в мою честь – собор святейшей Соллас!»

«Это ты не понимаешь, о чем говоришь! Это тебе следовало бы одуматься! Ты представляешь себе, сколько будет стоить такое сооружение? Ты хочешь разорить королевство только для того, чтобы подлый монах ухмылялся, потирая руки и радуясь тому, как он обвел вокруг пальца простака Казмира?»

«Вы к нему несправедливы, государь! Отца Умфреда знают и уважают даже в Риме. Он печется исключительно о торжестве христианства среди язычников!»

Казмир отвернулся и раздраженно ткнул кочергой в угли – взметнулись языки пламени: «Слышал я об этих соборах. Сокровищницы жрецов, набитые золотом и драгоценностями – глупцы, обманутые обещаниями вечной жизни, отдают им последние гроши, а потом у них нет денег, чтобы заплатить налоги королю».

«Наша страна богата! – взмолилась королева. – Мы можем себе позволить прекрасный собор – не хуже, чем в Аваллоне».

Казмир усмехнулся: «Скажи жрецу, чтобы привез золото из Рима – тогда, может быть, я потрачу какую-то часть этих денег на строительство церкви».

«Спокойной ночи, государь! – обиженно сказала Соллас. – Я позволю себе удалиться».

Казмир слегка поклонился и снова повернулся к камину, не заметив, как отец Умфред выскользнул из кабинета.

3

Первоочередной задачей король Казмир считал восстановление своей разведывательной сети, потерпевшей существенный урон. Однажды вечером он прошел в старое крыло Хайдиона и поднялся по винтовой лестнице Башни Филинов в помещение над Арсеналом. Каменные стены этой почти пустой комнаты слышали много суровых приговоров и видели много скорых расправ.

Усевшись за простой дощатый стол, Казмир налил себе вина из светлой буковой фляги в светлую буковую кружку и приготовился ждать в полной тишине.

Прошло несколько минут; Казмир не проявлял никаких признаков нетерпения.

В коридоре слышались шорох шагов, бормочущие голоса. В приоткрывшуюся дверь заглянул Ольдебор, служащий без определенного звания:⁸ «Ваше величество, привести заключенного?»

«Пусть войдет».

Ольдебор зашел в комнату, обернулся и поманил головой. Два тюремщика в черных кожаных передниках и конических кожаных колпаках дернули цепь и затащили внутрь спотыкающегося арестанта – высокого жилистого человека, еще не пожилого, в грязной рубаше и оборванных штанах. Несмотря на растрепанный внешний вид, заключенный держался молодцом: по сути дела, в сложившихся обстоятельствах его поза выглядела неуместно беззаботной, даже презрительной. У человека этого, широкого в плечах и узкого в бедрах, были аристократические, длинные и сильные ноги и руки. Густые черные волосы свалились и стали матовыми от пыли; из-под низкого лба смотрели ясные карие глаза. Широкие скулы сходились к узкой нижней челюсти, горбатый крючковатый нос нависал над костлявым подбородком. Сквозь его темноватую землисто-оливковую кожу просвечивал необычный, еще более темный красновато-фиолетовый фон, словно насыщенный густой венозной кровью.

Один из тюремщиков, раздраженный самообладанием узника, снова дернул за цепь: «Проявляй должное уважение! Ты стоишь в присутствии короля!»

Арестант кивнул Казмиру: «Добрый день, сударь».

«Добрый день, Торкваль, – спокойно ответил Казмир. – Как тебя устраивают условия заключения?»

«Они терпимы, хотя человек очень чистоплотный мог бы придерживаться другого мнения».

В помещение почти беззвучно зашел еще один субъект – уже немолодой и коренастый, но проворный, как мышь, с правильными чертами лица, аккуратно причесанной каштановой шевелюрой и пронизательными темно-кариими глазами. Он поклонился: «Добрый день, государь».

«Добрый день, Шаллес. Ты знаком с Торквалем?»

Шаллес внимательно посмотрел на узника: «До сих пор я не встречался с этим господином».

«Это только поможет делу, – заметил король Казмир. – Значит, у тебя не будет по отношению к нему никаких предубеждений. Надзиратели, снимите цепи, чтобы Торквалю было удобнее сидеть, и подождите в коридоре. Ольдебор, ты тоже можешь выйти».

Ольдебор возразил: «Ваше величество, это отчаянный человек! У него нет ни надежд, ни сожалений».

⁸ Ольдебор предпочитал называть себя «первым заместителем камергера, ответственным за выполнение особых поручений».

На лице Казмира появилась едва заметная ледяная усмешка: «Поэтому я его и вызвал. Выйди в коридор – в присутствии Шаллеса мне нечего бояться».

Шаллес с подозрением покосился на заключенного; тем временем тюремщики сняли цепи и, вместе с Ольдебормом, вышли из комнаты.

Казмир указал на скамьи: «Садитесь, господа. Не откажетесь выпить вина?»

И Торкваль, и Шаллес взяли по кружке и уселись.

Некоторое время Казмир переводил взгляд с одного лица на другое, после чего сказал: «Вы очень разные люди, это очевидно. Шаллес – четвертый сын почтенного рыцаря, сэра Пеллента-Лугового, владельца трех ферм общей площадью шестьдесят три акра. Шаллеса учили правилам этикета, принятым среди людей благородного сословия, ему привили вкус к изысканной кухне и хорошему вину – но до сих пор у него не было средств, достаточных для удовлетворения таких наклонностей. О Торквале я знаю мало и хотел бы узнать больше. Может быть, он сам расскажет о себе?»

«С удовольствием! – отозвался Торкваль. – Прежде всего, меня невозможно отнести к какому-либо сословию – других таких нет. Мой отец – герцог на Скагане, то есть мой род древнее истории Старейших островов. Так же, как у сэра Шаллеса, у меня изысканные вкусы – я предпочитаю лучшее из всего, что может предложить этот мир. Несмотря на то, что я – ска, я плевать хотел на таинственный ореол превосходства, окружающий ска в их собственном представлении.⁹ Я открыто и часто сожительствовал с женщинами низших рас и породил дюжину полукровок, в связи с чем ска считают меня предателем и отщепенцем.

Называя меня предателем, они ошибаются – я не заслужил этот оскорбительный эпитет. Как я мог изменить делу, которому никогда не присягал? Я беззаветно предан только одному делу, а именно обеспечению собственного благополучия. И горжусь непоколебимой верностью этому идеалу!

Я покинул Скаган в ранней молодости, располагая несколькими преимуществами: несокрушимым здоровьем и сообразительностью, свойственными от рождения большинству ска, а также превосходным умением обращаться с оружием – в этом отношении я могу быть благодарен только самому себе. Я еще не встречал противника, способного мне противостоять, особенно в фехтовании.

Стремясь поддерживать образ жизни, подобающий благородному человеку, и не испытывая ни малейшего желания заниматься всю жизнь продвижением по иерархической лестнице ска, я стал бандитом. Я грабил и убивал не хуже любого другого. Тем не менее, в Ульфляндии редко можно чем-нибудь поживиться, в связи с чем я стал промышлять в Лионессе.

Мои намерения были просты и наивны. Награбив полный фургон золота и серебра, я собирался стать бароном-разбойником Тих-так-Тиха и прожить остаток своих дней в относительном уединении.

⁹ История ска – эпическое сказание. Будучи аборигенами Норвегии в эпоху до ледникового периода, ска были вытеснены из страны фьордов вторжением арийцев – ур-готов – и двинулись на юг, в Ирландию; в ирландской истории ска известны под наименованием «люди Немед». Ур-готы, новые хозяева Скандинавии, переняли обычаи ска, и в свое время Европу заполнили их воинственные орды – остготы, вестготы, вандалы, гепиды, ломбарды, англы, саксы и прочие германские племена. Ур-готы, оставшиеся в Скандинавии, называли себя «викингами»; ска научили их строить боевые корабли – драккары – и на этих кораблях викинги бороздили Атлантический океан, Средиземное море и судоходные реки Европы. В Ирландии ска потерпели поражение от фомойров и снова были вынуждены мигрировать. От берегов Ирландии ветры и течения отнесли их флот на юг, к Скагану, крайнему западному из Старейших островов, где суровый климат и негостеприимный ландшафт вполне отвечали их привычкам. На «великом собрании свободных» все ска обязали себя тремя нерушимыми присягами; без учета этих священных клятв невозможно какое-либо понимание сложного и противоречивого характера этого племени. Во-первых, ска поклялись, что никто и никогда больше не заставит их покинуть те места, где они обосновались. Во-вторых, ска объявили вечную войну всем народам мира – другие народы не пожелали их терпеть и тем самым заслужили их нетерпимость. В-третьих, ска обязались свято блюсти чистоту своей крови. Скрещивание с «двуногими животными», то есть представителями низших рас, рассматривалось с таким же отвращением, как предательство, трусость или убийство другого ска.

Мне не повезло, однако, и я попал в засаду, устроенную королевской стражей. Теперь меня должны четвертовать – но я буду рад рассмотреть любую другую программу, если его величество соизволит ее предложить».

«Гм! – произнес король Казмир. – Твоя казнь назначена на завтра?»

«Насколько мне известно».

Казмир кивнул и повернулся к Шаллесу: «Как тебе нравится этот субъект?»

Шаллес покосился на Торквалья: «Очевидно, что он – отъявленный мерзавец; по сравнению с ним акула кажется олицетворением гуманности. В данный момент ему нечего терять, в связи с чем он дает волю безразличной наглости».

«Насколько можно доверять его слову?»

Шаллес с сомнением склонил голову набок: «Это зависит от того, взаимосвязано ли его самолюбие с выполнением обещаний. Несомненно, он придает слову „честь“ значение, несоместимое с его пониманием среди честных людей. Скорее всего, ему можно больше доверять, посулив вознаграждение за выполнение того или иного поручения. Вполне может быть, что он станет верно служить исключительно по прихоти. Он явно умен, энергичен, не затрудняется обманывать себя и – несмотря на то, что его поймали – способен изобретательно находить выход из трудной ситуации».

Казмир повернулся к Торквалю: «Ты выслушал мнение Шаллеса. У тебя есть какие-нибудь замечания?»

«Он разбирается в людях. Мне нечего добавить».

Король кивнул и подлил вина в три кружки: «Обстоятельства таковы. Король Тройсинета Эйлас захватил Южную Ульфляндию и тем самым препятствует осуществлению моих планов. Необходимо, чтобы Южная Ульфляндия, с точки зрения тройсов, стала страной неуправляемой. Я хотел бы, чтобы вы содействовали достижению этой цели – по отдельности или, если потребуется, сотрудничая. Что вы на это скажете?»

Поразмыслив, Шаллес спросил: «Могу ли я говорить откровенно, ваше величество?»

«Разумеется».

«Это опасное поручение. Я не прочь заняться его выполнением – по меньшей мере, в течение определенного ограниченного срока – если вознаграждение соизмеримо со степенью риска».

«Какого рода вознаграждение ты имеешь в виду?»

«Возведение в рыцарское достоинство, не уступающее званию первородного наследника, и пожалование плодородных земель площадью не менее двухсот акров».

Казмир крикнул: «Ты высоко ценишь свои услуги!»

«Государь, мне дорога моя жизнь, какой бы низменной и непривлекательной она вам ни казалась – другой жизни у меня нет и не будет».

«Хорошо, договорились! Торкваль, каковы твои условия?»

Торкваль рассмеялся: «Я принимаю предложение – независимо от степени риска, от того, доверяете вы мне или нет, от характера поручения и от размера вознаграждения!»

Казмир продолжал сухо и деловито: «По существу, я хотел бы, чтобы ты обосновался в предгорьях Южной Ульфляндии и учинял там, по мере возможности, грабежи, убийства, беспорядки и разрушения, но только в отношении тех, кто сотрудничает с тройсами. Тебе поручается установить связи с другими горными баронами и всячески рекомендовать им неповиновение и мятежи, а также разбой, подобный твоему. Мои потребности достаточно ясны?»

«Предельно ясны! С радостью возьмусь за выполнение такой задачи».

«Я так и думал. Шаллес, ты будешь, подобно Торквалю, посещать баронов, проявляющих признаки недовольства, предоставляя им полезные сведения и координируя их действия. Если потребуется, можешь предлагать взятки, но к этому средству следует прибегать лишь в последнюю очередь. Кроме того, ты будешь тесно сотрудничать с Торквалем, причем через

регулярные промежутки времени вы будете передо мной отчитываться согласованными заранее способами».

«Государь, сделаю все возможное – на протяжении срока, каковой мне хотелось бы определить заблаговременно, чтобы достигнуть полного взаимопонимания».

Казмир быстро пробежался пальцами по дощатому столу; когда он снова заговорил, однако, в его голосе не было никаких признаков раздражения: «Многое зависит от развития событий».

«Совершенно верно, государь – в частности, именно поэтому я хотел бы установить максимальный срок своей службы. Вы хотите, чтобы я играл в опасную игру. Другими словами, я не желаю бегать по вересковым лугам наперегонки с тройской стражей, пока меня не прикончат».

«Гм. Как долго ты намерен мне служить?»

«С учетом угрожающей опасности, год представляется достаточно длительным сроком».

Казмир хмыкнул: «За год ты едва начнешь разбираться в ситуации».

«Государь, я могу сделать не больше того, на что способен любой другой. Кроме того, пожалуйста, учитывайте, что у короля Эйласа тоже есть свои люди среди горных баронов. После того, как мои намерения станут известны и понятны, эффективность саботажа значительно уменьшится».

«Гм. Я еще подумаю. Приходи завтра после полудня».

Шаллес поднялся на ноги, откланялся и удалился. Казмир повернулся к Торквалю: «Шаллес, возможно, слишком щепетилен, чтобы справиться с таким поручением без посторонней помощи. Тем не менее, он жаден, а это само по себе неплохо. В твоем отношении у меня нет иллюзий. Ты – безжалостный хищник, пронырливый убийца и подлец, каких мало».

Торкваль ухмыльнулся: «Кроме того, я обожаю женщин. Когда я от них ухожу, они плачут и тянут ко мне руки».

Король Казмир, предпочитавший не обсуждать неприличные, по его мнению, темы, ответил холодным непонимающим взглядом: «Я предоставлю тебе оружие и, допуская, что ты не предпочитаешь действовать в одиночку, небольшой отряд головорезов. Если ты добьешься успеха и, подобно Шаллесу, пожелаешь вести жизнь сельского лорда, я подыщу тебе подходящее поместье. Надеюсь, этого достаточно, чтобы ты меня не предал. Теперь у тебя есть повод служить мне, а не кому-нибудь другому».

Торкваль улыбнулся: «Почему нет? Один подлец служит другому – два сапога пара».

С точки зрения короля Казмира, последнее замечание граничило с недопустимой дерзостью, и он снова смерил разбойника-ска ледяным взглядом: «Мы еще поговорим через пару дней. А пока что я продолжу оказывать тебе гостеприимство».

«Я предпочел бы Хайдион Пеньядору».

«Не сомневаюсь. Ольдебор!»

Ольдебор тут же вошел: «Ваше величество?»

«Отведи Торквала обратно в Пеньядор. Пусть он хорошенько вымоется. Выдай ему приличную одежду, помести в чистую камеру и корми тем, что ему нравится – в разумных пределах, естественно».

Два тюремщика ввалились вслед за начальником.

«Мы так и не увидим, какого цвета у него кишки? – возмутился один. – Свет не видывал более наглого подонка!»

«Он ко всему еще и ска! – пожаловался другой. – Я так надеялся вырвать ему печень!»

«Всему свое время, – сказал король. – Торквалю поручена опасная работа, теперь он на государственной службе».

«Как вам будет угодно, ваше величество! Давай, шевелись, сукин сын!»

Быстро повернувшись к тюремщику, Торкваль посмотрел ему прямо в глаза: «Остерегись, холоп! Через пару дней меня освободят, я буду на королевской службе. Мне стоит только захотеть – и ты будешь любоваться своими собственными кишками!»

Король Казмир нетерпеливо поднял руку: «Довольно!» Обратившись к притихшим, беспокойно переглянувшимся тюремщикам, он прибавил: «Вы слышали, что сказал Торкваль. На вашем месте я стал бы обращаться с ним повежливее».

«Как вам будет угодно, государь. Торкваль, пойдемте – мы просто пошутили. Сегодня вам подадут вино и жареную птицу».

Казмир мрачно усмехнулся: «Ольдебор, проследи за тем, чтобы через два дня Торкваль явился сюда в готовом к отъезду виде».

Глава 5

1

Через три дня после отплытия Казмира и его свиты на борту галеона «Королевская звезда», Эйлас сам отправился в Южную Ульфляндию во главе флотилии из семнадцати кораблей.

В поездке его сопровождали кипящие от негодования лорд Малуф и лорд Пирменс. Друн и Глинет остались в Домрейсе, чтобы получить образование, приличествующее их положению. Обоим должны были учить латыни и греческому, географии и естественнонаучным дисциплинам, каллиграфии, математике Пифагора, Эвклида и Аристарха, а также новым методам исчисления, применяемым маврами. Предполагалось, что, читая Геродота, Тацита, Ксенофонта, Клаветца Аваллонского, Диоскура Александрийского, «Хроники Исса» и «Войну гóтов и гуннов» Керсома, они получают представление об истории. После того, как принца и принцессу научат распознавать звезды, планеты и созвездия, астрологам было поручено предложить на их рассмотрение несколько соперничающих космологических теорий. Друну предстояло посещать военную академию, где он мог развивать навыки владения оружием и анализировать стратегические методы ведения военных кампаний. Как Глинет, так и Друн вынуждены были также посещать занятия, посвященные изящным искусствам и придворному этикету, в том числе танцам, декламации, музыке и правилам хорошего поведения.

Если бы это было возможно, и Глинет, и Друн предпочли бы поехать вместе с Эйласом в Южную Ульфляндию. Лорд Малуф и лорд Пирменс, напротив, выдвигали всевозможные аргументы, убеждая короля не отрывать их от привычных обязанностей столь скоропалительно и бесцеремонно.

На протесты Малуфа Эйлас ответил так: «Я понимаю ваше беспокойство по поводу работы, остающейся без вашего присмотра в казначействе, но ваши способности найдут лучшее применение в Южной Ульфляндии, где они срочно необходимы. Таким образом вы лучше всего послужите на благо короля и государства».

«Мой опыт позволяет решать сложные проблемы! – ворчал Малуф. – Любой конторский служащий умеет взвешивать кормовые бобы и пересчитывать луковицы».

«Вы все еще не понимаете масштабы нашего проекта! Я хочу произвести инвентаризацию каждого поместья и каждого месторождения, чтобы мы знали, какие ресурсы находятся в нашем распоряжении. Кроме того – что не менее важно – необходимо определить границы и площадь незанятых, невостребованных, диких и спорных территорий. Под вашим руководством будет работать многочисленный персонал – землемеры, картографы и счетоводы, проверяющие все существующие записи».

Лорд Малуф опустил голову: «Это неподъемная задача!»

«Разумеется, ее невозможно выполнить за один день – но это только начало. Я ожидаю также, что вы сформируете казначейство Южной Ульфляндии и будете им руководить. В-третьих...»

«В-третьих?! – простонал Малуф. – Вы уже взвалили на меня столько работы, что на ее выполнение не хватит человеческой жизни! Мне льстит ваше доверие к моим способностям, но действительность накладывает свои ограничения – я могу работать только днем и ночью, остановить течение времени еще никому не удавалось. Между тем, все, что я сумел сделать в Домрейсе за годы кропотливого труда, будет безнадежно испорчено и перепутано халтурщиками и головотяпами!»

«Насколько я понимаю, вы имеете в виду вашу деятельность в казначействе?»

Покраснев, лорд Малуф вопросительно взглянул на короля: «Разумеется, в казначействе!»

«Я навел справки; меня заверили в том, что ваша работа – и я опять же ссылаюсь исключительно на ваши обязанности в казначействе – будет поручена способным и добросовестным специалистам. Наступила пора перемен! Чтобы такой изобретательный и проницательный человек, как вы, мог полностью показать себя, ему необходимо время от времени преодолевать новые трудности. Кроме того, это поможет вам не отвлекаться и не бедокурить. Южная Ульфляндия, ее неукротимые бароны и угрожающие ей ска создадут сотни плодотворных трудностей, бодрящих дух и сосредоточивающих внимание!»

«Но я ничего не знаю – и не хочу знать – о бедствиях, конфликтах и войнах! Я мирный человек!»

«Я тоже мирный человек! Но даже самым мирным людям приходится защищаться, когда угрожает опасность. Этот мир нередко жесток – в нем не каждый разделяет ваши идеалы. А поэтому вы должны быть готовы драться, чтобы спасти себя самого и своих близких – или смириться с рабством».

«Я предпочитаю влиять на оппонентов убеждением и логикой, предлагая полезные рекомендации, предупреждая о последствиях ошибок и указывая на возможность компромисса».

«В качестве предварительных мер, в отсутствие доказательств злонамеренных действий противника, такая стратегия может оказаться приемлемой, – согласился Эйлас. – Пока мы ведем себя разумно, наша совесть чиста. Тем не менее, если чистосердечие и добросовестность не помогают, а тираны по-прежнему стремятся заковать нас в цепи и отнять у нас все, ради чего мы живем, разумный человек обязан столь же чистосердечно и добросовестно рубить тиранам головы без малейшего сожаления!»

«Рубить головы я не умею», – упавшим голосом сказал Малуф.

«Ну что вы, Малуф! Зачем себя недооценивать! Вы крепко сложенный, проворный человек – хотя, конечно, вам не помешало бы похудеть. Достаточно нескольких марш-бросков по каменистым предгорьям Тих-так-Тиха – и вы будете скакать сломя голову, размахивая боевым топором, не хуже закаленного вояки!»

«Ну, вот еще! – развел руками Малуф. – Вы хотите сделать кровожадного головореза из человека, никогда не державшего в руках ничего опаснее гусиного пера? В пустынных просторах Южной Ульфляндии я бесполезен, там моя жизнь пройдет даром, я сломаю шею в первой пропасти!»

«Ничего подобного! Ваша жизнь пригодится именно в Южной Ульфляндии, и мы найдем надлежащее применение всем вашим способностям. Например, в дополнение к разведке месторождений вы могли бы заняться контрразведкой. Вы не поверите, на каком высоком уровне мне удалось обнаружить предательство! Впрочем, может быть, как раз вы мне поверите».

На мгновение зажмурившись, Малуф тихо сказал: «Постараюсь выполнить волю вашего величества».

Когда наступила его очередь, лорд Пирменс применил другую тактику: «Ваше величество, я считаю подобное назначение лучшей возможной похвалой! Горжусь этим свидетельством признания моих достижений! Но, будучи человеком скромным, вынужден решительно отказаться от такой чести. Нет, государь! Не настаивайте на том, чтобы я принял эту награду! Мое решение окончательно и бесповоротно! В моей жизни было достаточно почестей – пусть тем, кто моложе меня, тем, кому не терпится себя показать, тоже будет предоставлена возможность послужить на благо отечества!» Пирменс вежливо поклонился, считая разговор законченным, но Эйлас не дал ему уйти.

«Лорд Пирменс, ваше самоотречение делает вам честь. Тем не менее, позвольте заверить вас, что на вересковых лугах Южной Ульфляндии нас ожидают подвиги, сулящие каждому из нас неувядающую славу!»

«Рад слышать! – заявил лорд Пирменс. – Но увы! Вы забываете о том, что я старею! Да, у меня есть враги, но мои враги – уже не рыцари-разбойники, не огры, не готы и не мавры. Мои враги – колики и боли, плохое зрение, одышка, выпадение зубов и атрофия мышц. Я близко познакомился с лихорадочным ознобом, подагрой, ревматизмом и дрожанием конечностей. По правде говоря, я почти готов уползти со стонами обратно в замок Лютесс, завернуться в пуховые одеяла и успокаивать бурчание в животе диетой из свежего творога и жидкой горячей каши».

«Лорд Пирменс, меня чрезвычайно огорчает неожиданное известие о ваших старческих недомоганиях», – серьезно сказал Эйлас.

«Увы! Таков печальный конец, ожидающий каждого из нас!»

«Все имеющиеся свидетельства указывают на то, что это именно так. Кстати, известно ли вам, что некий персонаж, удивительно вас напоминающий, частенько посещает не самые пристойные кварталы Домрейса? Нет? Это поразительное сходство может нежелательным образом отразиться на вашей репутации. Недавно, почти в полночь, я случайно заглянул в таверну „Зеленая звезда“. Представьте себе, ваш двойник сидел и распевал во все горло неприличные куплеты, вытянув одну ногу на скамье, а другую закинув на стол, размахивая огромной кружкой эля и обхватив железной хваткой местную потаскуху. У него были точно такие же усы, как у вас, но он был полон бьющей через край энергией и не демонстрировал никаких признаков какого-либо недомогания».

«Завидная участь! – пробормотал лорд Пирменс. – Хотел бы я узнать секрет этого здоровья!»

«Возможно, вы его узнаете в Южной Ульфляндии. Я считаю ваше присутствие в этой стране незаменимым. В конце концов, когда мы охотимся на опасную дичь, полезно спустить с цепи старого опытного пса, не так ли? Уверен, что вам удастся навести порядок среди горных баронов».

Лорд Пирменс деликатно прокашлялся: «Как только я проведу холодный ветреный день на вересковых пустошах, наутро вы найдете мой окоченевший труп».

«Наоборот! Свежий воздух только укрепит ваше здоровье! Вы же знаете, что говорят о себе ульфы: „Ульф не помрет, пока его не проткнут мечом, пока он не подавится куском мяса или пока он не увянет спяну в соседнем болоте“. В горах вы живо поправитесь!»

«Поверьте, вам нужен другой человек! – покачал головой Пирменс. – Мне не хватит такта, я не умею вести себя вежливо с неотесанными горцами и пастухами, провонявшими овечьим дерьмом. Даже если я буду руководствоваться лучшими намерениями, моя дипломатия обречет ваши планы на провал».

«Странно! – задумчиво произнес Эйлас. – Совсем недавно мне сообщали, что вы добились заметных успехов в области тайной дипломатии».

Лорд Пирменс поджал губы, дернул себя за ус и поднял глаза к потолку: «Гм, ха! Не совсем так! Тем не менее, если к этому призывает долг перед отечеством, придется забыть обо всем остальном и грудью встать на защиту тройских интересов!»

«Ничего другого я от вас не ожидал», – заключил Эйлас.

За час до отплытия флотилии Эйлас спустился к причалу и заметил Шимрода – тот стоял, прислонившись спиной к груде тюков. Эйлас удивленно остановился: «Что ты тут делаешь?»

«Жду. Рано или поздно ты должен был появиться».

«Так почему же ты не зашел в Миральдру? С отливом я отправляюсь в Южную Ульфляндию».

«Поэтому я и решил здесь подождать. Я хотел бы отправиться с тобой – если это возможно».

«На корабле? В Исс?»

«Именно так».

«Разумеется, почему нет? – Эйлас пригляделся к лицу чародея. – Здесь что-то не так. Почему тебя вдруг одолела охота к дальним странствиям?»

«Плавание в Исс трудно назвать дальним странствием».

«Понятно. Ты не хочешь ничего рассказывать».

«По сути дела, мне нечего рассказывать. В окрестностях Исса у меня осталось несколько незаконченных дел. Кроме того, мне будет приятно проехаться в твоей компании».

«В таком случае, добро пожаловать на борт! Вполне возможно, однако, что тебе придется ночевать в матросском гамаке».

«Я человек непритязательный, меня устроит даже капитанская каюта».

«Рад слышать, что ты готов приспособиться к тяготам флотской жизни! Ладно, мы что-нибудь придумаем».

2

Подгоняемые попутным ветром, тройские корабли спешили по синему морю под безоблачным небом – Лир остался позади, и на следующий день они обогнули Прощальный мыс. Здесь, однако, их задержало на три дня почти полное безветрие; корабли едва двигались мимо темневших на востоке высоких Кеганских утесов, окаймленных белой бородой прибоя.

Миля за милей флотилия постепенно плыла на север, и наконец на горизонте появился характерный силуэт мыса Келлас. Вскоре тройский флот уже миновал храм Атланты, повернул в широкое устье Эвандера и бросил якоря у причалов Исса.

По мере того, как корабли швартовались, с каждого высаживались вооруженные отряды, быстро разгружавшие трюмы; на борт всходили бойцы, возвращавшиеся домой, команды пополняли запас питьевой воды, и корабли снова выходили в море.

Встретившись со своими командирами, Эйлас услышал как хорошие, так и плохие новости. Его указы, запрещавшие набеги, разбой и междоусобные стычки, по большей части выполнялись. Некоторые бароны всерьез занялись поддержанием порядка; другие, по-видимому, выжидали, опасаясь навлечь на себя недовольство оккупационных властей – никто не хотел первым проверить на себе способность нового короля сдержать свое слово и не оставить камня на камне от крепости непокорного вассала. Неустойчивый мир мог быть нарушен каждую минуту, но он был достигнут, а в Ульфляндии это уже само по себе было важной новостью.

Выполнялись, однако, не все указы Эйласа. Почти никто из баронов не распустил дружины вооруженных наемников, способных найти себе более полезное применение в полях, рудниках и лесах, тем самым как-то способствуя процветанию страны.

Эйлас немедленно разослал посыльных во все замки, крепости и горные убежища, требуя, чтобы бароны, рыцари и графы – как бы они себя ни называли – встретились с ним в Стронсоне, в замке сэра Хельвига, посреди бескрайних вересковых пустошей.

Эйлас ехал на эту встречу в сопровождении сэра Тристано, лорда Малуфа, продолжавшего угрюмо молчать, и лорда Пирменса, с беззаботной рассеянностью глядевшего по сторонам, а также тридцати рыцарей и сотни оруженосцев. В день совещания установилась редкая солнечная погода; горные луга дышали ароматами вереска, утесника и папоротника, хотя из низин, как всегда, пованивало влажным торфом.

На дружины, собравшиеся на лугу под стенами замка Стронсон, приятно было посмотреть – металл блестел, цвета горели в солнечных лучах. Бароны, по большей части, надели кольчуги без рукавов и полусферические стальные шлемы; помимо килтов и плащей из дорогих разноцветных тканей, многие красовались в накидках из цельного куска материи с прорезью для головы, расшитых личными или родовыми эмблемами. Кроме того, почти все они приехали в сопровождении герольдов, державших высокие копы с вымпелами, расшитыми гербами.

На конклав явились тридцать шесть из сорока пяти баронов, получивших королевский приказ. Сэр Хельвиг провозгласил начало совещания, и присутствующие рыцари сели за большой полукруглый стол; за спиной каждого стоял герольд с вымпелом. Неподалеку спокойно расположился отряд, сопровождавший Эйласа. Совсем по другому вели себя наемники и горцы, прибывшие в Стронсон вместе с феодалами – они стояли плотными отдельными группами, и представители враждующих кланов бросали друг на друга пылающие ненавистью взгляды.

Несколько минут Эйлас рассматривал тридцать шесть более или менее внимательных лиц. В глубине души он считал результаты созыва совещания достаточно успешными, но игнорировать девять случаев неподчинения означало бы немедленно сделать королевскую власть мишенью насмешек. По сути дела, наступил момент важнейшего испытания, и бароны с любо-

пытством наблюдали за тем, как Эйлас, стоявший в стороне с сэром Тристано и герольдом сэра Хельвига, внимательно просматривал список отсутствующих.

Эйлас подошел к столу. Чисто выбритый, аккуратный и подтянутый, по сравнению с седыми свирепыми горцами, не боявшимися ни бога, ни черта, молодой тройский король выглядел смехотворно неискушенным; кое-кто из рыцарей даже не пытался скрывать свое мнение по этому поводу.

Скорее забавляясь происходящим, нежели раздражаясь, Эйлас обратился к собравшимся с вежливым приветствием и выразил удовлетворение прекрасной погодой, благоприятствовавшей их встрече. Развернув пергаментный список, он громко вызвал по имени каждого из отсутствующих девяти баронов. Естественно, ему ответило гробовое молчание. Повернувшись к сэру Тристано, Эйлас сказал: «Отправьте рыцаря с пятью солдатами к месту проживания каждого из вассалов, находящихся в самовольной отлучке. Пусть эти рыцари выразят мое недовольство. Так как вассалы не прибыли в Стронсон и не прислали гонцов с посланиями, объясняющими их отсутствие основательными причинами, да будет известно, что им приказано явиться в мой лагерь под Иссом. Пусть ни у кого не останется сомнений в том, что, если они не выполнят этот приказ на протяжении следующей недели, все их земли и все их имущество будут немедленно конфискованы в пользу королевской казны, а они сами и все их близкие будут исключены из благородного сословия. Кроме того, строптивым вассалам надлежит разъяснить, что в случае повторного неповиновения я буду рассматривать их наказание как первоочередную задачу и снесу, одно за другим, все их укрепления. Мое сообщение надлежит передать сегодня же».

Эйлас снова обратился к присутствующим баронам, теперь хранившим угрюмое молчание: «Господа, как вы знаете, в королевстве Южной Ульфляндии больше нет места беззаконию. Мои сегодняшние замечания будут краткими, но имеют большое значение. Прежде всего: я приказываю каждому из вас распустить дружину, чтобы эти люди, освобожденные от воинской повинности, могли посвятить себя обработке земель или поступить на службу в королевскую армию. Вы можете содержать прислугу, садовников и конюших, но вам больше не понадобятся гарнизоны и вооруженная охрана.

Это позволит вам сократить затраты, а обработка пахотных земель приведет к увеличению ваших доходов, и в конечном счете вы станете богаче даже после того, как уплатите в казначейство налоги, размеры которых определит лорд Малуф. Полученные казной деньги не будут расходоваться на тщеславные парады или роскошные увеселения – эти средства пойдут на пользу местному населению. Я намерен снова открыть старые рудники, выплавлять железо и, в свое время, строить корабли. Вся Южная Ульфляндия усеяна развалинами заброшенных селений – печальное зрелище! Каждая такая деревня будет отстроена заново, чтобы население могло равномерно расселиться и приумножиться. И вы, несомненно, обязаны внести вклад в восстановление страны.

Для того, чтобы Ульфляндию могла защищать ульфская армия, и чтобы окружающие вас тройские солдаты могли вернуться домой, отныне лорд Пирменс займется набором здоровых, умеющих обращаться с оружием рекрутов в новую армию. В этой армии ваши младшие сыновья и безземельные братья смогут продвигаться по службе, рассчитывая на вознаграждение в зависимости от заслуг, а не в зависимости от древности рода или старшинства. Освобожденные вами от службы оруженосцы тоже смогут делать карьеру в ульфской армии.

Сначала будет сформировано войско из тысячи бойцов. Их будут муштровать, пока они не смогут противостоять – и победно противостоять! – любому другому войску, в том числе ска. Им выдадут надлежащие мундиры, их будут хорошо кормить, они будут получать ту же плату, что и солдаты тройской армии. Отслужив положенный срок, каждый солдат будет наделен участком пахотной земли.

Первая тысяча бойцов станет элитным ядром новой армии; они помогут обучению дальнейших рекрутов. В ульфской армии будет поддерживаться строгая дисциплина; ульфы научатся отражать набеги ска, до сих пор беспрепятственно и безнаказанно грабивших страну и уводивших в рабство каждого, кто не успел убежать и спрятаться. Разбою ска будет положен конец – раз и навсегда.

Вот и все, что я хотел сказать. Выполняйте новые законы – или вы понесете наказание, предусмотренное этими законами. Если вы желаете выступить с вопросами или высказать существенные замечания, я вас выслушаю и буду рад ответить в меру своего разума. Вижу, что уже раскупорили бочку эля – желающие промочить горло могут этим воспользоваться».

Бароны стали не слишком уверенно подниматься на ноги и озираясь по сторонам. Вскоре они разделились на небольшие группы. Один, высокий широкоплечий человек среднего возраста с мохнатой черной бородой, подошел к Эйласу и пристально взглянул ему в лицо: «Король! Ты знаешь, кто я?»

К счастью, Эйлас слышал, как кто-то упомянул имя бородача: «Знаю. Вы – сэра Хьюн из Трех Сосен».

Сэр Хьюн кивнул: «Ты мне в сыновья годишься. Гляжу я на тебя и диву даюсь!»

«Почему же?»

«Посмотри на меня! Я – соль этой земли, я врос корнями в вересковые болота! Моя рука толще твоего бедра! Видишь эту бочку? Я выпью в четыре раза больше твоего и только развеселюсь, но никто не застанет меня врасплох – а ты будешь храпеть, уткнувшись носом в стол! Я могу пробить копьем дубовую доску, могу убить быка одним ударом. В наших холмах я знаю каждую тропу, каждый камень, каждый родник. Знаю, где гнездятся тетерева и в какой запруде прячется форель. А ты приехал из Тройсинета, помахал у нас перед носом куском пергамента и объявил себя королем. Ладно, все это прекрасно и замечательно, так эти вещи и делаются – но что ты знаешь о жизни на горных лугах? Что ты знаешь о холодных дождливых днях и морозных ночах? Ты когда-нибудь резал глотку врагу, бесшумно подкравшись к нему сзади – только потому, что он сделал бы то же самое с тобой? И все равно мы должны выполнять твои приказы? Разве тебе не кажется, что в этом есть какая-то нелепость? При чем я спрашиваю со всем должным почтением».

«Сэр Хьюн, я хорошо вас понимаю, вы вправе задать такой вопрос. Не сомневаюсь, что вы доблестный рыцарь, и не стал бы с вами бороться – вы тяжелее меня раза в три. Давайте лучше устроим бег наперегонки – причем проигравший должен отнести победителя обратно на плечах?»

Сэр Хьюн расхохотался и шлепнул ладонью по столу: «Мне тебя не обогнать, это уж точно! Значит, у вас в Тройсинете солдат учат убежать как можно быстрее?»

«Бегать они умеют, но не с поля битвы. А по поводу жизни на горных лугах могу только заметить, что знаю о ней больше, чем может показаться с первого взгляда. Когда-нибудь, если вы будете расположены меня выслушать, я расскажу вам об этом целую историю».

Сэр Хьюн указал большим пальцем на разрозненные группы тихо спорящих баронов: «Помяни мое слово! Если ты надеешься усмирить раздоры, ничего у тебя не получится! Как ты заставишь их не драться, не устраивать засады и ночные набеги, не рисковать ради быстрой наживы?» Повернувшись, он широким жестом представил королю толпящиеся на лугу дружины: «Разве ты не видишь? Каждый клан держится обособленно. Каждый даже спиной умеет показать, как ненавидит всех, кто убивал и грабил его предков на протяжении веков! Да, мы любим охотиться на врагов, мы любим бешеную погоню, любим грабить и насиловать! Что может быть лучше, чем зарезать супостата? И скажи мне, сынок – зачем еще нам жить? Такими мы уродились, такими нас сделали горы – у нас нет других развлечений».

Эйлас откинулся на спинку походного трона: «Так живут звери. Разве у вас нет сыновей, дочерей?»

«У меня было четыре сына и четыре дочери. Два сына уже на том свете, а их убийца тут как тут – вон он стоит! Ничего, скоро я прибью его длинными гвоздями к своим воротам и буду пировать, пока ондохнет!»

Эйлас поднялся на ноги: «Сэр Хьюн, вы мне нравитесь; если вы осуществите свою угрозу, я повешу вас с огромным сожалением. Было бы гораздо лучше, если бы вы и ваши сыновья обороняли свою страну с тем же усердием, с каким вы преследуете соседей».

«Ты меня повесишь? А как насчет Достоя, чьи черные стрелы пронзили сердца моих сыновей?»

«Когда это случилось?»

«Прошлым летом, перед началом охота».

«Значит, до того, как я издал первые указы. Герольд, соберите баронов снова!»

Эйлас опять обратился к феодалам – на этот раз он стоял, опираясь на рукоять меча: «Я беседовал с сэром Хьюном, и он подал жалобу на сэра Достоя».

Многие бароны расхохотались; слышались возгласы: «Как этот подлый разбойник смеет на что-нибудь жаловаться? У него руки по плечи в крови невинных жертв!»

«В какой-то момент убийства должны прекратиться, – сказал Эйлас. – Я уже определил этот момент раньше. Теперь я сделаю это снова, выражаясь понятно и недвусмысленно. Каждый, кто убьет другого человека, будет повешен. Исключение составляют только случаи самозащиты. В Южной Ульфляндии будут соблюдаться законы! И чем скорее вы поймете, что это не пустые слова, тем лучше будет для всех. Моей армии нужны умелые бойцы – я не хочу, чтобы они убивали друг друга, и не хочу тратить время на осады и повешения. Тем не менее, если придется это делать, я этим займусь! Возвращайтесь по домам и хорошенько подумайте о том, что я сказал».

3

Вернувшись в Исс, Эйлас пытался найти в своем лагере Шимрода, но безуспешно. Он поручил помощнику обойти портовые таверны, но Шимрода нигде не было, что начинало раздражать короля – ему не давали покоя несколько навязчивых идей. Во-первых, Эйлас подбадривал себя надеждой на то, что Шимрод мог бы применить магические чары и укротить таких непримиримых вассалов, как сэр Хьюн – в этом отношении полезным оказалось бы, например, заклинание, вызывающее временный приступ смирения и раскаяния, или сглаз, заставляющий мечи баронов гнуть, словно они сделаны из бумаги, а их стрелы – старательно уклоняться от цели. Эйлас уверял себя, что такое содействие не противоречило бы эдикту Мургена,¹⁰ так как его можно было обосновать общими принципами человеколюбия.

Кроме того, Эйлас надеялся, что одним своим присутствием Шимрод окажет полезное влияние на синдигов Исса, когда такое влияние потребуется. Но Шимрод исчез, занимаясь своими делами, и Эйласу оставалось только положиться на себя и вести переговоры с таинственными олигархами без посторонней помощи.

Прежде всего необходимо было выяснить, в чьих руках была на самом деле сосредоточена власть – и Эйлас знал, что это непростая задача. Поразмышляв, Эйлас решил, что опыт лорда Пирменса как нельзя лучше позволял справиться с этой головоломкой, и поручил ему организовать совещание с городскими старейшинами.

Поздно вечером Пирменс явился к Эйласу с отчетом.

«Необычная ситуация, выходящая за рамки повседневных представлений! – заявил Пирменс, когда Эйлас поинтересовался достигнутыми за день успехами. – Народ, изворотливый, как морские угри! Можно поверить, что они действительно происходят от минойских критян!»

«Откуда это следует?»

«Однозначных свидетельств нет, – признал Пирменс. – Но такой ответ подсказывает интуиция. Слова и поступки горожан Исса отличаются противоречивым сочетанием откровенности и скрытности, характерным для минойского склада ума. Сегодня мне казалось, что надо мной просто издеваются – меня чуть удар не хватил! Я наводил справки по всему городу, пытаюсь узнать, кого здесь считают магнатами, старейшинами или просто влиятельной кликой – но местные жители только улыбались, пожимали плечами и разводили руками. Если я настаивал, они хмурились, задумывались, с сомнением качали головами, озирались по сторонам и в конце концов отрицали существование каких-либо властей. Подозреваю, что после этого они смеялись у меня за спиной, но мне никак не удавалось уличить их в дерзости – обернувшись, я обнаруживал, что они ушли по своим делам. И в этом заключается наибольшая дерзость: расспросы такого рода им настолько наскучили, что они даже не смеются!»

Наконец я присел на скамью рядом со стариком, гревшимся на солнышке. Когда я пожаловался ему на то, что в Иссе никто не желает отвечать на простейшие вопросы, он сообразовал, по меньшей мере, разъяснить мне положение вещей.

Оказывается, управление Иссом осуществляется по негласному уговору. Законы заменяются обычаями и общепринятыми условностями; концепция принуждения со стороны централизованной власти в Иссе считается отталкивающей и в какой-то мере смехотворной. Я спросил старика: «Кто же, в таком случае, уполномочен представлять интересы города, решая важные проблемы на совещании с королем Эйласом?» Как все местные жители, он пожал плечами и сказал: «Мне неизвестны такие важные проблемы, и я не вижу необходимости в таком совещании».

¹⁰ Эдикт Мургена запрещал чародеям поддерживать ту или иную сторону в мирских конфликтах. Волшебники, как правило, охотно соблюдали это условие, хотя и этот закон, как любой другой, время от времени нарушался.

В этот момент к нам подошла добросердечная женщина. Она помогла дряхлому горожанину подняться на ноги, и они удалились. Наблюдая за тем, как она обращалась с подопечным, я заключил, что старик страдает какой-то формой слабоумия, в связи с чем его точку зрения вряд ли можно считать заслуживающей доверия».

Пирменс усмехнулся и погладил свою аккуратную бородку. Эйлас подумал, что правильно сделал, не повесив Пирменса сразу – его изворотливый ум мог еще пригодиться: «И что же дальше?»

Пирменс продолжил: «Я отказался признать поражение, несмотря на отговорки, расплывчатые намеки на отсутствие властей и рассуждения полоумного старца – хотя последний показался мне разумнее остальных. Я сказал себе, что законы природы в Иссе так же непреложны, как в любом другом месте, и что, следовательно, наиболее влиятельных людей следовало искать в самых древних и роскошных дворцах. Я посетил несколько таких дворцов и сообщил их владельцам о том, что, поскольку горожане Иссы отрицают существование руководящего совета, я вынужден взять на себя формирование этого органа, и что синдики, которым я нанес визит, отныне считаются полномочными и ответственными членами городского управления. Кроме того, я уведомил их о том, что они обязаны явиться к вам завтра утром за два часа до полудня, и что от неукоснительного выполнения этого требования зависит их дальнейшее благополучие».

«Изобретательный ход! Прекрасная идея, Пирменс! Разве не забавно, учитывая все обстоятельства, что вы можете стать моим незаменимым помощником?»

Пирменс безрадостно покачал головой: «Я превзошел тот уровень интеллектуального развития, на котором причуды судьбы кажутся забавными. Действительность существует независимо от нашего восприятия – следовательно, она трагична, так как все живущее умирает. Только фантазии, химеры и небылицы могут заставить меня рассмеяться».

«А, Пирменс! Мне непонятна ваша философия».

«Так же, как мне непонятна ваша», – вежливо поклонившись, ответил Пирменс.

На следующий день, за два часа до полудня, шесть синдиков спустились с террас, окружавших город, и прошли в павильон из голубого шелка, где король Эйлас ожидал их в компании лорда Малуфа и лорда Пирменса. Синдики походили друг на друга – бледнокожие люди хрупкого телосложения, с тонкими чертами лиц, темными глазами и коротко подстриженными черными волосами, украшенными сзади небольшими золотыми гребнями. Они одевались скромно – на них были только туники из белого полотна и сандалии; никто из синдиков не был вооружен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.